

ISSN 2782-6511

ИСТОРИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (ТОМ 1)
2022

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ УРАЛА»

AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION
RESEARCH CENTER
«YOUNG HISTORIANS OF THE URALS»

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL

2022. Том 1. № 3
2022. Volume 1. Number 3

Екатеринбург 2022 Ekaterinburg

HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL. 2022. VOLUME 1. NUMBER 3

Ekaterinburg

12+

Published since 2022

ISSN 2782-6511

Academic publication of the results of fundamental and applied research devoted to studying various spatial and temporal aspects of natural, socio-economic and political processes in order to search for patterns of their development in Russia and worldwide.

FOUNDER

Autonomous non-profit organization "Research center
"Young historians of the Urals"

**Published with the support of the Fund-Operator of Presidential Grants
for the Development of Civil Society Project № 21-2-002276**

EDITOR

Mikhail V. Mikheev

EDITORIAL BOARD

Elena V. Borodina, Eugenij S. Grishin, Andrew V. Deduk, Andrey A. Zaitsev, Konstantin I. Zubkov, Nadezhda M. Ignatova, Alexey O. Kaisin, Andrej A. Metelskii, Nikolay A. Mikhalev, Andrea Nanetti, Valeriy A. Sangharov, Dmitriy N. Slashev, Vladimir N. Streletsky, Stepan N. Temushev

PUBLISHER AND EDITORIAL OFFICE ADDRESS

620144, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta str., 190–414
hist-geo@list.ru

© Autonomous non-profit organization "Research center
"Young historians of the Urals"

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. 2022. Том 1. № 3

Екатеринбург

12+

Выходит с 2022 г.

ISSN 2782-6511

Научное издание результатов фундаментальных и прикладных исследований, посвященных изучению различных пространственно-временных аспектов природных, социально-экономических и политических процессов для поиска закономерностей их развития в России и мире.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

Издается при поддержке Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества (Проект № 21-2-002276)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

к. и. н. М. В. Михеев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

к. и. н. Е. В. Бородина, Е. С. Гришин, к. и. н. А. В. Дедук, к. г. н. А. А. Зайцев, к. и. н. К. И. Зубков, к. и. н. Н. М. Игнатова, А. О. Кайсин, д. и. н. А. А. Метельский, к. и. н. Н. А. Михалёв, PhD А. Нанетти, к. и. н. В. А. Санжаров, Д. Н. Слащёв, д. г. н. В. Н. Стрелецкий, д. и. н. С. Н. Темушев

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ

620144, Екатеринбург, 8 Марта, 190–414
hist-geo@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕНТАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ: К 70-ЛЕТИЮ ВАСИЛИЯ ГЕОРГИЕВИЧА ЩУКИНА

Юбилей Василия Георгиевича Щукина	6
<i>Купцова О. Н.</i> Две трилогии — две Москвы (Сухово-Кобылин и Островский)	8
<i>Литовская М. А.</i> Река в советских популярных песнях периода «оттепели»: формирование образа доброжелательного пространства	26
<i>Кораблёв А. А.</i> Сотворение мира как онтология творческой предопределенности: геопоэтика и теопоэтика (на примере генезиса донецкой словесности)	44
<i>Созина Е. К.</i> Локальности Урала в поэзии Екатерины Симоновой.....	60
<i>Зверева Т. В., Серго Ю. Н.</i> Урочища, или Семиотические путешествия Василия Щукина	70

ГОРОДСКАЯ ТОПОГРАФИЯ

<i>Кайсин А. О., Глазырина М. К., Борисова А. М.</i> Посад города Хлынова в XVI–XVIII вв. (по археологическим данным)	76
<i>Булакова Е. А., Трофимова Е. А.</i> Культурный слой города Екатеринбурга XVIII — начала XX в. по данным археологии: проблемы и перспективы изучения	92

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

<i>Манькова И. Л.</i> «Служебная чертежная книга» Ремезовых как источник для изучения культурного ландшафта слобод Урала (конец XVII — начало XVIII в.).....	110
--	-----

CONTENTS

MENTAL GEOGRAPHY AND GEOGRAPHICAL REMINISCENCES IN LITERATURE: TO THE 70TH ANNIVERSARY OF VASILY GEORGIEVICH SHCHUKIN

Anniversary of Vasily Georgievich Shchukin	6
<i>Kuptsova O. N.</i> Two Trilogies — Two Moscows (A. V. Sukhovo-Kobylin and A. N. Ostrovsky)	8
<i>Litovskaya M. A.</i> The River in Thaw-era Soviet Popular Song (1954–1970): The Formation of an Amicable Space	26
<i>Korablyov A. A.</i> Creation of the World as an Ontology of Creative Predestination: Geopoetics and Theopoetics (On the Example of the Donetsk Literature Genesis)	44
<i>Sozina E. K.</i> The Urals Localities in the Poetry of Ekaterina Simonova	60
<i>Zvereva T. V., Sergo J. N.</i> Tracts or Vasily Shchukin’s Semiotic Journeys	70

URBAN TOPOGRAPHY

<i>Kaisin A. O., Glazyrina M. K., Borisova A. M.</i> The Settlement of the City of Khlynov in the 16th–18th Centuries According to Archaeological Information	76
<i>Bulakova E. A., Trofimova E. A.</i> The Cultural Layer of the 18th — Early 20th Centuries Ekaterinburg According to Archaeology: Problems and Prospects of Study	92

HISTORICAL GEOGRAPHY AND PROBLEMS OF SOURCE STUDIES

<i>Mankova I. L.</i> The Remezovs’ «Sluzhebnyaya Chertezhnaya Kniga» as a Source for Studying the Cultural Landscape of the Urals Settlements (Late 17th — Early 18th Centuries)	110
---	-----

МЕНТАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ: К 70-ЛЕТИЮ ВАСИЛИЯ ГЕОРГИЕВИЧА ЩУКИНА

Юбилей Василия Георгиевича Щукина

4 сентября 2022 года исполнилось 70 лет Василию Георгиевичу Щукину — доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой русской литературы Средневековья и Нового времени Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета (Краков, Польша), признанному специалисту в области культурной и гуманитарной географии, истории идей в русской и европейской культуре, геопоэтике текста.

В 1974 г. В. Г. Щукин закончил с отличием филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (дипломная работа на тему «Литературно-критическая деятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина в журнале “Отечественные записки” в 1868 году»), обучался там же в аспирантуре. В 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «М. Е. Салтыков-Щедрин — литературный критик», работал на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ. В 1979 г. судьба Василия Георгиевича круто изменилась — по семейным обстоятельствам он переехал в Краков. В 1980 г. был принят на должность старшего ассистента в Ягеллонском университете, в 1987 г. удостоен ученой степени доктора гуманитарных наук в области литературоведения (диссертация на тему «Русское западничество как общественно-литературное явление»). В 1997–2001 гг. вел научно-преподавательскую работу в Краковской педагогической академии, с 2001 г. — вновь в Ягеллонском университете. В 1999 г. удостоен звания профессора (за монографию «Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе»). Был назначен на должность экстраординарного, затем ординарного профессора Ягеллонского университета. В 2004–2006 гг. — профессор и заведующий кафедрой русского языка в Государственной высшей профессиональной школе в Новом Сонче, с 2010 г. — профессор в Папском университете им. Иоанна Павла II в Кракове (по совместительству), в 2006–2008 гг. — профессор в Высшей школе коммуникации, политологии и международных отношений в Варшаве. Но Ягеллонский университет для В. Г. Щукина всегда оставался в приоритете.

В. Г. Щукин опубликовал 394 научные работы, в том числе 9 книг, был организатором ряда международных конференций, выступал научным руководителем 5 кандидатов наук, множества магистрантов. Он имеет правительственные награды: Орден Республики Польша «Почетный золотой крест» (2008) и Кавалерский Крест Ордена Заслуг перед Республикой Польша (2014).

Стоит назвать хотя бы некоторые книги В. Г. Щукина, пользующиеся особой любовью читателей и исследователей разных поколений: Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Kraków: Jagellonian University Press, 1997; Русское западничество: генезис — сущность — историческая роль. Łódź: «Ibidem», 2001; Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. Много статей Василия Георгиевича за 1990–2000-е и 2010-е гг. опубликовано в журналах «Вопросы философии» и «Вопросы литературы». В последней книге «Город и миф: Исследования в области геопоэтики» (М.: ЛЕНАНД, 2021) собраны и обобщены его многолетние исследования городских ландшафтов, урочищ, локусов — всего того, что принято называть геопоэтикой города.

Мы желаем Василию Георгиевичу крепкого здоровья и новых научных трудов!

Друзья и коллеги

MENTAL GEOGRAPHY AND GEOGRAPHICAL REMINISCENCES IN LITERATURE: TO THE 70TH ANNIVERSARY OF VASILY GEORGIEVICH SHCHUKIN

Anniversary of Vasily Georgievich Shchukin

Василий Георгиевич Щукин

УДК 82.09(2)

Купцова Ольга Николаевна

к. филол. н., доцент факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва), старший научный сотрудник сектора театра Государственного института искусствознания (Россия, Москва)
ORCID: 0000-0001-5639-1985
E-mail: okouptsova@yandex.ru

Две трилогии — две Москвы (Сухово-Кобылин и Островский)

АННОТАЦИЯ. В статье сравниваются две драматических трилогии: «Картины прошедшего» А. В. Сухово-Кобылина и так называемый бальзаминовский цикл А. Н. Островского («Праздничный сон — до обеда», «Свои собаки грызутся — чужая не приставай» и «За чем пойдешь, то и найдешь, или Женитьба Бальзаминова»). Написанные практически параллельно (с 1855 по 1869 г.), драматические циклы объединены общим типом героя — искателя богатых невест. А также тем, что действие в первой части трилогии Сухово-Кобылина и во всех частях бальзаминовского цикла Островского происходит в Москве, которая становится своеобразным внесценическим персонажем. Москва в «Картинах прошедшего» противопоставляется деревне/усадьбе (как всякий город) и Петербургу (спор двух столиц), эволюционирует от представления о ней как о «городе вечного праздника и удовольствий» («Свадьба Кречинского») до места «вечного покоя» («Дело») и глуши («Смерть Тарелкина»). Москва (точнее, часть ее — Замоскворечье) бальзаминовского цикла сконструирована по фольклорным моделям (прежде всего волшебной сказки): замоскворецкое пространство не имеет четких границ (кроме Москвы-реки) и конкретных адресов, не может быть точно измерено, не обладает способностью развиваться и меняться.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. В. Сухово-Кобылин, «Картины прошедшего», А. Н. Островский, бальзаминовский цикл, Москва, Замоскворечье, художественная география, городская поэтосфера

UDC 82.09(2)

Olga N. Kuptsova

Candidate of Philological Sciences, Lomonosov Moscow State University; State Institute of Art Studies (Russia, Moscow)

ORCID: 0000-0001-5639-1985

E-mail: okouptsova@yandex.ru

Two Trilogies — Two Moscows (A. V. Sukhovo-Kobylin and A. N. Ostrovsky)

ABSTRACT. The paper compares two dramatic trilogies — «Scenes from the Past» by A. V. Sukhovo-Kobylin and the so called Balsaminov cycle by A. N. Ostrovsky («Celebratory Sleep Is That Before Dinner», «Two Dogs Fight, the Third Keep Away» and «Whatever You Look for, You'll Find or Balsaminov's Marriage»). Written almost at the same time (from 1855 to 1869), the dramatic cycles are united by a common type of the hero — a seeker of rich brides, and also by the fact that the action in the first part of the Sukhovo-Kobylin trilogy and in all parts of the Ostrovsky Balsaminov cycle takes place in Moscow, which becomes a kind of off-stage character. Moscow in «Scenes from the Past» is contrasted with a village/estate (like any city) and St. Petersburg (a dispute between two capitals), evolves from the idea of it as a «city of eternal celebration and pleasure» («Krechinsky's Wedding») to the place of «eternal rest» («The Trial») and the wilderness («Tarelkin's Death»). Moscow (or rather a part of it — Zamoskvorechye) of the Balsaminov cycle is constructed according to folklore models (primarily a fairy tale): the Zamoskvorechye space has no clear boundaries (except for the Moscow River) and specific addresses, cannot be accurately measured, does not have the ability to develop and change.

KEYWORDS: A. V. Sukhovo-Kobylin, «Scenes from the Past», A. N. Ostrovsky, Balsaminov cycle, Moscow, Zamoskvorechye, artistic geography, urban poetosphere

А. В. Сухово-Кобылин и А. Н. Островский — драматурги-современники, москвичи по рождению, принадлежавшие к одному поколению (разница между старшим Сухово-Кобылиным и младшим Островским — шесть лет). Оба учились в Московском университете. Их объединяла общая литературная и театральная среда. Молодой Островский посещал салон графини Е. В. Салиас (сестры А. В. Сухово-Кобылина), где читал свои ранние пьесы.

При этом между ними никогда не было никакого общения. Родовитый и богатый Сухово-Кобылин, за которым стояла история «московского барства» в несколько веков, не понимал и не принимал пьес разночинца Островского. Островский лишь дважды упомянул Сухово-Кобылина, и то только в связи с организационными моментами московской сцены (оба упоминания относятся к позднему времени 1870–1880 гг.)¹, не придавая особого значения театральным «безделкам» Сухово-Кобылина.

Тем интереснее посмотреть на некоторые точки пересечения их драматургических текстов.

В 1850–1860-е гг., примерно в одно и то же время, Сухово-Кобылин и Островский создают театральные трилогии (первый — «Картины прошедшего», второй — так называемый бальзаминовский цикл), в которых появляется общий тип — искателя богатых невест: Михаил Васильевич Кречинский и Михаил Дмитрич Бальзаминов².

И Сухово-Кобылин, и Островский обратились к одной и той же форме трехчастного драматического цикла.

Однако у Сухово-Кобылина главное действующее лицо меняется в каждой части трилогии (развитие истории нелинейно), используются разные жанры (комедия, драма, комедия-шутка).

Островский же выбрал общий жанр для всех частей цикла — комические «сцены из московской жизни», объединенные одним главным героем (Мишей Бальзаминовым) и повторяющейся драматической ситуацией, каждый раз, правда, слегка трансформированной: историей «мужчины без средств», ищущего богатую невесту (частая тема в драматургии Островского в параллель с «бедными невестами» и «бесприданницами»).

Сухово-Кобылин этой теме посвящает, по сути, только первую часть своей трилогии, в которой игрок и авантюрист Кречинский пытается устроить свою свадьбу с богатой невестой Лидочкой Муромской. Во второй части, по предположениям Атуевой, искателем руки пока еще не бедной, но уже частично разоренной невесты как будто выступает Кандид Касторыч Тарелкин. Однако в действительности Тарелкин стремится заполучить приданое Лидочки другим путем, организовывая ложные обвинения по ее уголовному делу и вынуждая Муромского дать огромную взятку, на часть которой он и рассчитывает. Третья часть — развитие судьбы самого Тарелкина, уже напрямую не связанной с поиском богатой невесты.

Казалось бы, между «Свадьбой Кречинского» и бальзаминовским циклом мало общего. Отзвуки комедии Сухово-Кобылина скорее можно найти в «Пучине» или в «Красавце-мужчине» Островского, имеющих героя, отчасти похожего на Кречинского³.

¹ См. об этом: Пенская Е. Н. Сухово-Кобылин Александр Васильевич // А. Н. Островский. Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012. С. 427–428.

² В ноябре 1855 г. состоялась премьера «Свадьбы Кречинского» Сухово-Кобылина. Затем, через два года, в 1857 г., появилась первая часть бальзаминовской трилогии Островского «Праздничный сон — до обеда». Через четыре года, в 1861 г., Островский опубликовал две части цикла о Бальзаминове, продолжая и завершая его («Свои собаки грызутся — чужая не приставай» в мартовском номере «Библиотеки для чтения» и «За чем пойдешь, то и найдешь, или Женидьба Бальзаминова» в сентябрьском номере журнала «Время»). Параллельно с 1856 по 1861 г. Сухово-Кобылин работал над второй и центральной частью трилогии — драмой «Дело», читая на промежуточных этапах эту пьесу М. С. Щепкину, Ап. А. Григорьеву и др. «Дело» было издано в Лейпциге в мае 1861 г. количеством 25 экземпляров «для частного использования». Еще через восемь лет, в начале 1869 г., Сухово-Кобылин завершил последнюю часть — «Смерть Тарелкина», и в конце марта трилогия была напечатана полностью в типографии Московского университета. Исходя из этой хронологии, не исключено реагирование Островским в бальзаминовской трилогии на «Свадьбу Кречинского», Сухово-Кобылиным в «Деле» на «Праздничный сон — до обеда», а в «Смерти Тарелкина» на весь цикл Островского.

³ См. об этом: Купцова О. Н. «Пучина»: «Семнадцать лет, или Жизнь семейного человека» (мелодрама в IV действиях) // Щелыковские чтения 2003: А. Н. Островский в современном мире. Кострома, 2004. С. 214–235; Купцова О. Н. Еще раз об Островском и Дюканже // Щелыковские чтения 2004. Творческое наследие и личность А. Н. Островского: бытие во времени. Кострома, 2004. С. 145–158.

Михаил Васильевич Кречинский (отчество драматург дал персонажу свое, самокритично не пощадив себя) — умный и расчетливый игрок во всех отношениях. Он ведет свою игру с Муромскими и Атуевой, обманывая их вкруговую: с каждым из членов семейства играет роли любителя деревни, успешного помещика, влюбленного кавалера, честного человека. Кречинский рассчитывает на свое мужское обаяние («красавец-мужчина», как классифицирует таких героев Островский) и на свой ум. Замыслив обман с подменой булавки ростовщику, Кречинский напевает арию из оперы «Волшебный стрелок» К.-М. фон Вебера, заменяя слова «без вина» на «без ума»:

К р е ч и н с к и й. ...С ним (*то есть с умом*) несчастье лишь обман / Коль сегодня пуст карман, Завтра мы богаты (*bis*)⁴.

И продолжает свои размышления об уме в следующем за этими куплетами монологе (К р е ч и н с к и й. ...Все — ум, везде — ум! В свете — ум, в любви — ум, в игре — ум, в краже — ум! Да, да! Вот оно: вот и философия явилась)⁵.

В уме Кречинский видит универсальное средство достижения благ, но средство это оказывается ненадежным: умного обманщика разоблачает «простак» Нелькин. Ситуация, в которую попадает Кречинский в финале, — это своего рода «горе от ума» или даже в еще большей степени: «на всякого мудреца довольно простоты». Ум Кречинского так и не позволяет ему добиться желаемой цели.

Бальзаминов (обратим внимание, что его имя совпадает с именем Кречинского, однако фамилия растительная, тогда как у Кречинского — хищная, птичья) — фантазер и мечтатель, рассчитывающий на счастливый случай, удачу, «сны в руку». Он совсем не умен, о чем говорят все окружающие и что признает он сам. Бальзаминов в отличие от Кречинского, можно сказать, безвреден (если только не думать о том, что он тоже собирается промотать чужие деньги). Его мечты нереальны и беспочвенны, однако по крайней мере одна из них — об удачной женитьбе на богатой невесте — сбывается, хоть и далеко не сразу, только с третьей попытки. Бальзаминовский цикл — это своего рода сказка об Иване-дураке. Или история о замоскворецком Хлестакове (особенно в третьей части, где Бальзаминов намеревается жениться сразу на двух претендентках: девице и вдове), чье вранье (фантазии) без всяких на то логичных оснований превращается в реальность.

Вопрос о том, что нужно для достижения счастья — ум или сердце (вариант: ум или глупость), правда или обман — часто ставился драматургией первой половины XIX в. В ряду пьес с этой проблематикой, помимо «Недоросля» Д. И. Фонвизина, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Беда от нежного сердца» В. А. Соллогуба, некоторые комедии Островского (в частности, «Правда хорошо, а счастье лучше»). И совсем не обязательно знакомство Сухово-Кобылина с бальзаминовским циклом для попадания в то же самое смысловое поле. Тем не менее обратим внимание на некоторые переключки, в этом отношении знаменательные.

Несколько раз в бальзаминовской трилогии встречается пословица «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив»⁶ и ее парафразы: «...без счастья, сколько ни старайся, ничего не выходишь», «В нашем деле все от счастья; тут умом ничего не возьмешь» и др. Пословицы «Дуракам счастье», «За умом не гонись, лишь бы счастье было» вспоминают Бальзамина в третьей части; ими завершается, подытоживается весь бальзаминовский цикл⁷.

Сухово-Кобылин в «Деле» использует ту же (прецедентную) пословицу «Не родись умен, а родись счастлив», разворачивая и трансформируя ее как характеристику Тарелкина в разговоре чиновников, его сослуживцев.

Ч и б и с о в. В рубашке родился, господа.

⁴ Сухово-Кобылин А. В. Картины прошедшего. Л., 1989. С. 41.

⁵ Там же.

⁶ Б а л ь з а м и н о в. ...в нашем деле без счастья ничего не сделаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вот уж правду-то русская пословица говорит: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив» (Островский А. Н. За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзамина) // Островский А. Н. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1959. Т. 2. С. 371).

⁷ Там же. С. 413.

О м е г а. Стало по пословице: не родись умен, а родись счастлив.

Ш и л о. Это глупая пословица — по-моему, это по стороне бывает. Вы заметьте: вот в Англии говорится: не родись умен, а родись купец; в Италии: не родись умен, а родись певец; во Франции: не родись умен, а родись боец...

Ш м е р ц. А у нас?

Ш и л о. А у нас? Сами видите (*указывает на дверь, где Тарелкин*): не родись умен, а родись подлец⁸.

Иронично-водевильная интонация Островского в бальзаминовском цикле, оставляющая «дуракам» право на счастье, у Сухова-Кобылина приобретает тон мрачного и горького обличительства⁹. Впрочем, «подлец» Тарелкин, как и умник Кречинский, у Сухова-Кобылина равно остаются ни с чем, без счастья.

Кроме принципа циклизации и разработки схожих мотивов, трилогии Сухова-Кобылина и Островского роднит и создание «московского текста» на русской сцене. Город в них не просто выполняет роль семантического фона, а хоть и по-разному «становится одним из неявных, метафорически или метонимически введенных героев», городской поэтосферой, пропущенной «сквозь призму писательского воображения и читательского восприятия»¹⁰ и представленной морфологией художественного пространства, его топографией и картографией, а также «физиологией».

Московской пьесой у Сухова-Кобылина является только первая часть трилогии. Во второй и третьей частях действие происходит в Петербурге, однако Москва постоянно упоминается и остается важным местом в художественной географии этих пьес.

Бальзаминовский цикл Островского целиком московский, что подчеркнуто жанром всех трех пьес — «сцены из *московской* жизни».

Сценическое действие в обеих трилогиях происходит, прежде всего, в интерьерах жилых домов, у Сухова-Кобылина еще и в казенных учреждениях, а у Островского в садах, примыкающих к домам.

Город же представлен как внесценическое пространство. Москва всего лишь упоминается в репликах, но при этом активно присутствует и становится даже своего рода действующим лицом. Обозначаются некоторые реально существовавшие локусы (как залог правдоподобия драматического сюжета) наравне с вымышленными или точно не обозначенными. Внесценический город активно населяется жителями (также внесценическими персонажами: и реально существовавшими, и придуманными), их историями, портретными характеристиками и пр.

Драматургической моделью создания внесценического города в «Свадьбе Кречинского» стала «грибоедовская», или «фамусовская», Москва с четко заданной системой противопоставления: Москва — деревня; Москва — Петербург. С одной стороны, как частный случай литературной оппозиции, «город — деревня». С другой стороны, как реплика в споре двух столиц — древней и новой.

Ярославский помещик Муромский и его сосед Нелькин представляют в «Свадьбе Кречинского» комическую тему простака-помещика/провинциала (несколько раз конкретизируется — степного помещика, «степняка») в городе, то есть человека не на своем месте, которого вытащили в город против его воли, желания. Город они не любят и в городской жизни мало разбираются.

В сравнении города с деревней Москва в этой комедии предстает как пространство вечной праздности, безделья, удовольствий (что положительно воспринимается одними персонажами

⁸ Сухово-Кобылин А. В. Картины прошедшего... С. 92.

⁹ Отметим, что прототипом «желчевика» Касьяна Касьяновича Шило, как известно, был Н. П. Огарев, что придает этой реплике дополнительное значение.

¹⁰ Щукин В. Г. Город и миф. Исследования в области геопозитики. М., 2021. С. 94.

и отрицательно другими). Московская жизнь в пьесе обозначается через «бег» (ипподром), театр, балы, модные и цветочные лавки, парикмахерские...

И одновременно как город обмана, расточительства, чревоугодия: клубы с карточной игрой, ростовщики, трактиры. Так, недоимки по усадьбе Головково Муромский объясняет вынужденным сидением в городе (необходимостью выдать дочь замуж)¹¹.

Кречинский же, добиваясь согласия на брак, как профессиональный плут, подыгрывает Муромскому:

К р е ч и н с к и й. Кто же из нас, живучи в Москве, не расстроен? Мы все расстроены. Ну, сами вы устроили состояние с тех пор, как живете?

М у р о м с к и й. Куда, помилуйте! омут!

К р е ч и н с к и й. Именно омут. Нашему брату-помещику одно зло — это город.

М у р о м с к и й. Великую вы правду сказали: одно зло — это город.

К р е ч и н с к и й. Я из Москвы еду.

М у р о м с к и й. Неужели в деревню?

К р е ч и н с к и й. Да, в деревню¹².

Среди множества ролей, которые играет Кречинский для достижения своей цели, он, далекий от помещичьей жизни, перед Муромским выступает как любитель деревни и для этого использует в своих речах известные ему литературные формулы. Кречинский расписывает красоты природы, но не совсем угадывает предпочтения собеседника: практичный Муромский постоянно сворачивает от поэтичности и сентиментальности к темам сельского хозяйствования.

К р е ч и н с к и й. ...Деревня летом — рай. Воздух, тишина, покой! Выйдешь в сад, в поле, в лес — везде хозяин, все мое. И даль-то синяя, и та моя! Ведь прелесть!

М у р о м с к и й. Вот так-то сам чувствую.

К р е ч и н с к и й. Встал рано да и в поле. В поле стоит теплынь, благоухание... Там на конный двор, в оранжереи, в огород...

М у р о м с к и й. А на гумно?

К р е ч и н с к и й. И на гумно... Все живет: везде дело, тихое, мирное дело¹³.

Первая фраза Кречинского в этом диалоге («Деревня летом — рай») — легко опознаваемая цитата. Это часть реплики Чацкого в разговоре с супругами Горич, где Чацкий превозносит деревенскую здоровую жизнь, а Наталья Дмитриевна с негодованием отвергает предложение жить в глуши.

Ч а ц к и й

Движенья более. В деревню, в теплый край.

Будь чаще на коне. Деревня летом — рай.

Н а т а л ь я Д м и т р и е в н а

Платон Михайлыч город любит,

Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Ч а ц к и й

Москву и город... Ты чудака!¹⁴

Вне роли, наедине с самим собой Кречинский мечтает, конечно, не о деревне и даже не о жизни на широкую ногу в Москве, но о Петербурге. Прошлое Кречинского, во всех отношениях несравненно более роскошное, чем его нынешняя жизнь, было связано со столицей, о чем говорит в своем монологе слуга Кречинского Федор.

¹¹ М у р о м с к и й. Вот вам, сударыня, и московское житье (Сухово-Кобылин А. В. Указ. соч. С. 23).

¹² Там же. С. 27.

¹³ Сухово-Кобылин А. В. Указ. соч. С. 20.

¹⁴ Грибоедов А. С. Горе от ума // Грибоедов А. С. Горе от ума. Комедии. Драматические сцены. 1814–1827. Л., 1987. С. 99.

Ф е д о р. ...А когда в Петербурге-то жили — Господи, Боже мой! Что денег-то бывало, какая игра была! ...А теперь и сказать невозможно, что такое. Имение в степи было — фию! ему и звания нет...¹⁵

Монолог Федора (в том числе и в части сравнения «здешней» и «петербургской» жизни) напоминает монолог Осипа (слуги Хлестакова) из «Ревизора». Сухово-Кобылин в первой части трилогии много играет с уже имеющимися в русской драматургии «мифами», и не в последнюю очередь с пространственными.

Продолжая, в частности, рифмовку Хлестаков — Осип и Кречинский — Федор, Сухово-Кобылин заставляет циничного и прагматичного Кречинского (в момент, когда он думает, что обман удался, и мысленно уже распоряжается деньгами будущей жены) мечтать совсем по-хлестаковски.

К р е ч и н с к и й. ...а самому махнуть в Петербург! Вот там так игра! А здесь что? Так, мелюзга, дребедень...¹⁶

Деревенский житель Муромский остро реагирует не только на праздность, расточительность московской жизни, но и на некоторые моменты ее «физиологии». В городском мироустройстве очень важны медиаторы, курсирующие «из дома в дом», соединяющие разные локусы, собирающие вести, слухи, сплетни и мгновенно распространяющие их.

М у р о м с к и й (покачив голову). Поголовный список тараторок, болтунов...

А т у е в а. Визитные-то карточки?

М у р о м с к и й. Праздношатаек, побродяг всесветных, людей, которые, как бухарцы какие, слоняются день-деньской из дому в дом и таскают сор всякий, да не на сапогах, а на языке¹⁷.

Перемещаясь в пространстве, эти «праздношатайки» заодно выполняют мелкие поручения. Достаточно высокий статус Кречинского (хоть и мнимый) проявляется в том, что он не сам «старается» по своим делам: есть Расплюев — формально не слуга, а специальный посыльный по различным щепетильным поручениям.

К р е ч и н с к и й. ...он на это-таки ловок — обрыщет весь город¹⁸.

Один неверный шаг — и быстро распространяющиеся слухи грозят утратой репутации, могут обернуться раскрытием неприятной правды, например, о финансовой несостоятельности. Так, приход кредитора Щербнева и невозвращенный вовремя карточный долг делают положение Кречинского отчаянным, вынуждая его на цепочку последующих обманных действий.

К р е ч и н с к и й. ...Ведь об этом нынче будет знать весь клуб, а завтра — весь город¹⁹.

К р е ч и н с к и й. ...и как гром какой разразится по Москве весть!²⁰

Разумеется, «весь город» в представлении Кречинского (понятие не географическое, а социальное) — это достаточно узкий круг московских аристократов, и в этом Сухово-Кобылин точно следует Грибоедову, не выходя за пределы «фамусовского» общества (хоть и представляя его на три десятка лет позже)²¹.

«Вся Москва» Сухово-Кобылина — это исключительно левый кремлевский берег, а точнее, небольшой пространственный сегмент, ограниченный бульварным кольцом (от Китай-города, Ильинки до бульваров — в частности Страстного и Рождественского, как можно предположить по приводимым в комедии адресам). Кречинский и Муромский существуют в пространстве,

¹⁵ Сухово-Кобылин А. В. Указ. соч. С. 29.

¹⁶ Там же. С. 33.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ Там же. С. 35.

²¹ В 1834–1835 гг. семья Сухово-Кобылиных снимала дом М. И. Римской-Корсаковой на Страстной площади (так называемый «дом Фамусова») на время ремонта их собственного дома в Харитоньевском переулке, что, возможно, впоследствии усилило «грибоедовский слой» в «Свадьбе Кречинского».

биографически близком и хорошо знакомом драматургу, собственный дом которого находился на внешней стороне Страстного бульвара, недалеко от Страстной площади²².

В пьесе упоминается хорошо известный москвичам (дорогой и модный) Трицкий трактир на Ильинке. Вечно несытый Расплюев, исполнив поручение Кречинского, заворачивает на радостях «в Трицкой», где заказывает уши, два расстегая и «поросенка в его неприкосновенности»; после чего отправляется к парикмахеру, готовясь к той роли, которую он должен сыграть на приеме у Кречинского²³.

Желая пустить пыль в глаза, Кречинский заказывает букет для Лидочки в цветочной лавке на Петровке (в районе самых роскошных московских магазинов):

К р е ч и н с к и й. ...Ступай, знаешь, к этому... как его? К Фомину, — вот на Петровке, и закажи сейчас бальный букет, самый лучший, чтоб весь был из белых камелий...²⁴

Ростовщик Бек в комедии живет в Киселевом переулке. Переулкa с точно таким названием на московской карте этого времени не существовало. Но в районе улицы Рождественки и Рождественского бульвара находились Большой, Малый и Нижний Кисельные переулки. Слегка измененное название, возможно, отсылало к реальному и узнаваемому современниками адресу.

Р а с п л ю е в. Взял он их да прямо в Киселев переулок, к Никанору Савичу Беку бац!²⁵

Дом Муромских по описанию находился на бульваре (при этом без конкретизации, на каком именно), рядом с домом, который снимал Кречинский.

Р а с п л ю е в. ...Вот только за угол повернуть — большой белый домина, с подъездом²⁶.

Место действия «Свадьбы Кречинского» компактно: все близко. И единственный выход в более дальнее городское пространство (как знак выпадения из привычной жизни) — упоминание Преображенской больницы для умалишенных, которая находилась на улице Матросская Тишина (в районе Сокольников). Когда Расплюев начинает сомневаться в рассудке Кречинского, он говорит ему, что свезут «тебя, друга милого, в Преображенскую и посадят тебя, раба Божия, на цепуру»²⁷.

Достоверность московскому пространству придают ряды фамилий (как правило, без адресов) московских жителей: ростовщиков — уже упомянутого Бека, Шпренгеля, Старова; кредиторов — Щербнева, Гальта. Реальные московские люди и события среди вымышленных персонажей в первой части трилогии — сравнительная редкость (но тем более они значимы)²⁸.

Москва в «Свадьбе Кречинского» вписана в карту Российской империи. В комедии довольно много географических разговоров (традиционно существующих в комедиографии как интермедии, демонстрирующие глупость, необразованность персонажей, выявляющие их обман и самозванство). Возникают географические темы по разным поводам. Губернский город Курск фигурирует в воспоминаниях Расплюева о тамошней грандиозной попойке три года назад²⁹. А довольно длинный список губерний (Ярославская, Нижегородская, Симбирская, Могилевская) выстраивается в связи с упоминаниями имений в них.

²² В. Г. Шукин выделил окрестности Страстной площади как одно из московских литературных урочищ. Особо отмечен в этом локусе дом М. И. Римской-Корсаковой, «у которой подолгу жил А. С. Грибоедов, описавший собиравшееся в этом доме общество — весьма специфическое, единственное в своем роде, так называемую “грибоедовскую Москву”. Воспоминания о ней долгое время хранила русская литература в лице Пушкина, П. А. Вяземского, А. И. Герцена и в первую очередь Льва Толстого как автора “Войны и мира”» (Шукин В. Г. Указ соч. С. 280). Добавим в этот список отобразивших «грибоедовскую Москву» и А. В. Сухово-Кобылина.

²³ Сухово-Кобылин А. В. Указ. соч. С. 49.

²⁴ Там же. С. 38.

²⁵ Там же. С. 47.

²⁶ Там же. С. 37.

²⁷ Там же.

²⁸ Так, Расплюев сравнивает Кречинского с профессором натуральной магии и египетских таинств господином Боско (Джованни Бартоломео Боско, впервые выступавшим с фокусами в Москве в 1842 г.).

²⁹ Сухово-Кобылин А. В. Указ. соч.

Неоднократно обсуждаются две усадьбы Муромского Стрешнево и Головково, а также безымянное соседнее имение Нелькина — все в Ярославской губернии³⁰. Муромский охотно заводит разговоры об агрономии, почвах, особенностях степного землепользования, уездных предводителях дворянства, что создает напряженные моменты для мнимых помещиков Кречинского и Расплюева, вынужденных поддерживать беседу.

Расплюев, сочинивший несуществующее имение в Ардатовском уезде, попадает в ловушку, не умея ответить Муромскому, к какой губернии относится уезд. Завравшегося подельника выручает Кречинский, говоря, что Ардатовских уездов два. В этой сцене Расплюев выходит из положения почти совсем как Хлестаков в сцене вранья об авторстве «Юрия Милославского»: «Один Ардатов в Нижегородской, а другой в Симбирской»³¹, однако разница в том, что Расплюев говорит правду.

Держать ответ за географическую нестыковку приходится и Кречинскому, который выкручивается по-своему, на ходу сочиняя родословную:

М у р о м с к и й. ...имение ваше в Симбирской губернии, а родственники ваши живут в Могилевской губернии.

К р е ч и н с к и й. Симбирское — это у меня материнское имение³².

В этой географической беседе ложь и правда оказываются практически неразличимы.

И, наконец, в комедии, где совершается обман и подлог, имеется важное напоминание о Владимирке (Владимирской дороге, по которой вели каторжников в Сибирь) как символе наказания.

К р е ч и н с к и й. Нас сцапают и по Владимирке.

Р а с п л ю е в. Уж коли сцапают, так и по Владимирке³³.

К р е ч и н с к и й. ...все ты, Иван Антоныч, торопись: в свое время все, братец, будет; это закон природы — и полиция будет, и Владимирки не минешь, — в свое время все будет: об этом тебе хлопотать нечего³⁴.

Вторая и третья часть трилогии Сухово-Кобылина происходят в Петербурге. Из начальной ремарки «Дела» следует, что со времени расстроившейся свадьбы прошло шесть лет. Блестящий Петербург, возникавший в воспоминаниях и мечтах Кречинского и Федора в «Свадьбе Кречинского», поворачивается в «Деле» к семье Муромских своей страшной и мрачной стороной. Мотив «провинциала в столице» — ярославского помещика, а здесь акцентируется также и военное прошлое Муромского (капитана в отставке)³⁵, из комического перерастает в драматический и в финале трагически (ложное обвинение, несправедный суд, обман со взяткой, не разрешившей ситуацию) обрывается смертью Муромского. Однако «петербургский текст», чрезвычайно важный и выстроенный в трилогии Сухово-Кобылина по иному принципу, чем «московский текст», требует отдельного исследования и не рассматривается подробно в этой статье³⁶.

Существенно, что в «Деле» расширяются географические горизонты: возникает граница — Европа (в частности Париж), из которой возвращается Нелькин, почти цитирующий монолог Чацкого о «дыме Отечества» (Н е л ь к и н. Много где был, а все тот же воротился. Все вот вас люблю³⁷). Появление Европы обозначает одну из немногих возможностей для

³⁰ Там же. С. 53, 61.

³¹ Там же. С. 52.

³² Там же. С. 53.

³³ Там же. С. 42.

³⁴ Там же. С. 45.

³⁵ Война 1812 года географически конкретизирована раной Муромского, полученной под Можайском.

³⁶ Одно из главных различий мифопоэтики Москвы и Петербурга у Сухово-Кобылина в том, что Москва неопределенна, не имеет строгих очертаний, расплывчата. Петербург уже в списке действующих лиц «Дела» строго структурирован, выстроена жесткая иерархия его обитателей (своеобразная пародийная «табель о рангах» из пяти классов).

³⁷ Сухово-Кобылин А. В. Указ. соч. С. 69.

семейства Муромских вырваться из капкана обстоятельств, скрыться от пересудов, сохранить остатки состояния.

Снова упоминаются имения Муромского, но уже почти потерянные: Стрешнево заложено и, вероятно, будет продано, Головково продано, Бельковский лес готовится к продаже.

Первое сравнение Петербурга с Москвой в «Деле» появляется в соревновательном ключе по частному поводу и неожиданно — в московскую пользу.

И б и с о в. Как бывало, Сальви валял эту арию в Москве — так мое почтение. Вы что там ни толкуйте, а Марио до него далеко.

Лоренцо Сальви и Джованни Марио — оба итальянские певцы, гастролировавшие в России, выступавшие как на московской, так и на петербургской сцене. Здесь же они парадоксально оказались символами оперного (театрального, культурного) соперничества двух столиц: Сальви в качестве москвича, а Марио — петербуржца.

Так в «Деле» начинает закладываться обратное движение — из Петербурга в Москву (теперь уже Москва символизирует своеобразный «город мечты»).

Главным московским моментом в драме Сухово-Кобылина становится монолог Кандида Касторовича Тарелкина, зеркальный по отношению к уже цитированному монологу Кречинского в «Свадьбе Кречинского» о Петербурге как месте «большой игры», большого риска и больших возможностей. Тарелкин же в похожей ситуации, когда ему кажется, что свершается «закон природы» («был беден, ничего не имел — и вдруг богат»), устремляется мыслями в Москву — город, где можно обрести, наконец, покой (и даже «вечный покой»):

Т а р е л к и н. ...Рвал я цветы на берегах Мойки, вил я венки на берегах Фонтанки — вкусил я сластей Невских! Цветы эти оказались то самое терние, которое Левиафан безвредно попирал ногой; от венков вот что осталось (*поднимает парик и показывает совершенно лысую голову*); от сластей Невских вставил моржовые зубы! Бог с ним, это величие! Укачу в матушку-Москву — город тихий, найму квартиру у Успенья на Могильцах, в Мертвом переулке, в доме купца Грובה, да так до второго пришествия и заночую³⁸.

Тарелкин приводит реальный московский адрес: храм Успения Пресвятой Богородицы на Могильцах находится и по сей день в окружении четырех переулков между Арбатом и Пречистенкой, один из которых — Мертвый переулок (его современное название — Пречистенский). Вымышленный купец Гробов дополняет этот ряд «вечного упокоения», создавая образ гротескного «рая» и вводя тему смерти как избавления от проблем. К слову сказать, место названо действительно тихое и расположенное в старинном аристократическом районе Москвы, выбрано оно с полным пониманием, а не только в качестве горькой шутки.

Тарелкин в финале «Дела» оказывается среди одураченных (вместе с Муромским), желаемый им отъезд в Москву так и не происходит. Однако в последней части трилогии он, затеявший очередную аферу — свою мнимую смерть, которая должна спасти от кредиторов, вновь возвращается к мысли успокоиться в древней столице.

Т а р е л к и н. Вон отсюда! Завтра сдаю квартиру и в путь! В глушь! В Москву! Там и притаюсь, пока все это совершенно смолкнет и успокоится³⁹.

Сухово-Кобылин играет здесь одновременно с двумя широко известными цитатами из грибоедовской комедии (репликами из финальных монологов в четвертом действии Фамусова и Чацкого, следующих друг за другом): «В деревню, в глушь, в Саратов, к тетке...» и «Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук...». Только направление движения у Тарелкина пародийно иное: он хочет убежать в Москву (а не из нее), и Москва в его монологе замещает саратовскую глушь⁴⁰.

³⁸ Там же. С. 126.

³⁹ Там же. С. 153.

⁴⁰ Москва же (или точнее — московские жители) косвенно становится и причиной разоблачения Тарелкина. Один из свидетелей, проходящих по делу Тарелкина-Копылова, — помещик Чванкин. Отметим, что фамилия прецедентная, встречающаяся в русской комедиографии конца XVIII–XIX вв., в частности в комедии «Хвастун» Я. Б. Княжнина (помещица Чванкина).

Тарелкин становится в трилогии одним из медиаторов, соединяющих обе столицы. В сцене признания на вопрос Расплюева, кто его сообщники, он отвечает: «Весь Петербург и вся Москва»⁴¹. «Вся Москва» и «весь Петербург» здесь включает в себя значительно более широкий круг, чем у Кречинского. От локальности и узкой социальной ограниченности Сухова-Кобылин приходит к всеобщности и универсальности.

В финале последней части трилогии Тарелкин спасен от пыток и тюрьмы, но изгнан из Петербурга. Куда же он бежит? В Москву, как он говорит Варравину («я тотчас в Москву и улизну»), или в какую-нибудь деревню (в последнем монологе Тарелкин предлагает свои услуги как управляющий именем)? Или же в условный Алжир (в Африку, на край света), возникающий чуть раньше в сцене признания?

Т а р е л к и н. ...Что это... Какой жар стоит... Какое солнце печет меня... Я еду в Алжир... в Томбукту... какая пустыня; людей нет — все демоны⁴².

Аллюзия на «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя важна здесь не только как тема безумия (помрачения сознания) Тарелкина в результате пыток. Эта реплика подготавливает открытый финал с акцентированной всеобщей бесприютностью и окружающей бесчеловечностью (расчеловечиванием), где Алжир — край света, антиутопическое пространство, а возможно, и «пекло» преисподней.

Трилогия Сухова-Кобылина густо замешана на биографических моментах, связанных с обвинением автора в убийстве, со следствием и судом. Это мрачный триптих, с каждой следующей частью погружающий во все более безнадежную картину жизни (своего рода сошествие в ад), мифопоэтический образ Москвы, в которой проходит постепенную эволюцию от «города вечного праздника и удовольствий» до места «вечного покоя» («Дело») и забытой глуши, в которой можно спрятаться и затаиться («Смерть Тарелкина»).

Москва и Петербург постоянно меняются местами, становясь то местом обмана, преступлений, страданий, то превращаясь (но исключительно в мыслях и мечтах) в пространство исполнения надежд и чаяний. И в конце концов закольцовываются, образуя безнадежное единство — своеобразную метафорическую ленту Мёбиуса, бесконечное движение по которой не дает возможности выйти на светлую сторону жизни.

В художественной картографии бальзаминовского цикла Островского Москва с Кремлем и посадом (левый берег Москвы-реки) и Замоскворечье (правый берег) представляют как бы два различных города, существующих одновременно, но будто в разных эпохах. Эти две Москвы (на том и этом берегу) находятся между собой почти в тех же отношениях, в каких в целом в русской литературе находились Москва и Петербург.

Островский заслужил у современников титул Колумба (то есть первооткрывателя) Замоскворечья, хотя справедливее было бы назвать драматурга его изобретателем. В Москве традиционно существовали и другие слободы, где селились ремесленники и купцы и где жизнь оставалась патриархальной (Заяузье, например). Но театр Островского именно Замоскворечье сделал пространством «второй Москвы», превратив его в особый мифопоэтический локус.

Описание Островским замоскворецкого пространства двойственное, мерцающее; в такой неопределенности проявляется его условная, литературная, фольклорная (а не жизненно реальная) природа. Замоскворецкая часть города приобретала у Островского статус то «страны Замоскворечье», то «стороны Замоскворечье».

Ч в а н к и н. Жил я в Москве; приходят из моего Симбирского имения мужики. Батюшка, говорят, барин, купите нам девок. (Там же. С. 184.)

Сцена интермедийная и в целом для пьесы необязательная. Возможно, и нужна она для упоминания Москвы как места амбивалентного, тихого и спокойного только в мысленных представлениях Тарелкина.

⁴¹ Там же. С. 186.

⁴² Там же. С. 187.

Первый случай, гиперболизация — Замоскворечье как отдельная страна внутри города Москвы, преувеличенная, разросшаяся до особого «государства», — был представлен Островским прежде всего в его ранних «Записках замоскворецкого жителя» (тексте не драматургическом).

«Сторона Замоскворечье» (другой способ изображения) — это, напротив, приуменьшение, литота: часть города, глухая, сонная, неподвижная, отделенная и изолированная Москва-рекой, внутри которой каждый дом замоскворецкого жителя, сам по себе спрятанный в садах, ограничен от внешнего мира еще глухими заборами. «Сторона Замоскворечье» представлена в нескольких пьесах Островского, начиная с комедии «Свои люди — сочтемся», но в наибольшей степени в трилогии о Бальзаминове.

Замоскворечье Островского не имеет границ (кроме речной), непонятен его масштаб: то ли оно непомерно большое, то ли совсем крошечное, в пределах видимости из окна дома. Замоскворечье статично, не имеет развития и в то же время оно аморфно, текуче. В представлениях замоскворецкого жителя оно почти не структурировано, или эта структура не совпадает ни по одному из параметров у разных персонажей.

Река у Островского существует как граница миров: один из них — «у нас, за Москва-рекой», другой — «на том берегу»⁴³. В «замоскворецких пьесах» Замоскворечье предстает для жителей «того, другого берега», как «волшебный мир, населенный сказочными героями тысячи и одной ночи»⁴⁴, но и для замоскворецкого жителя (скажем, Миши Бальзаминова) — «тот, другой берег» — тоже нечто нереальное, город-мечта: каменная лавка в Китай-городе, каменные дома на Тверской, рысаки, подъезжающие к саду «Эрмитаж».

«Та» и «другая» сторона города смотрят друг на друга, отражаются, соперничают, сравнивают, как это, например, происходит в «вещем сне» Павлы Петровны Бальзаминовой в комедии «Женитьба Бальзаминова»: «Только за мостом — вот чудеса-то! — будто Китай. И Китай этот не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на нем: “Китай”. Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша и говорит: “Маменька, подите сюда, в Китай!”, вот будто я собираюсь к нему идти, а народ сзади меня кричит: “Не ходи к нему, он обманывает: Китай не там, Китай на нашей стороне”. Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да еще не один. А Миша будто такой веселый, пляшет и поет: “Я поеду в Китай-город гулять”!»⁴⁵ Страна Китай и Китай-город (город Китай) в этом сне соединяются в одно явление по смежности ассоциаций: и то, и другое «далеко», неизвестно, недоступно. Китай «на той стороне» имеет множественность отражений в «Китаях на нашей стороне».

Для чужаков и пришлых Замоскворечье — «дикая сторона» (как пишет офицер в отставке Лукьян Лукьяныч Чебаков своей невесте Анфисе Пеженовой: «...живу более года в этой дикой стороне, в которой могут жить только медведи да Бальзаминовы...»⁴⁶). А для своих, замоскворецких, оно — место жительства образованных и тонких натур, которым противопоставляется вся остальная дикая «степь».

У с т е н ь к а. Уж какие могут быть понятия, из степи приехал.

⁴³ Заречье в народной топографии всегда воспринимается как «другой город». Островский знал об этом: в путевых записках 1856 г., рассказывая о Твери, он особо выделяет зареченские слободы — Заволжье, Затверечье, Затьмачье — части города, лежащие на другом берегу Волги, Тверцы, Тьмаки (Островский А. Н. Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1978. Т. 10. Статьи, записки, речи. Дневники. Словарь. С. 328). По наблюдению В. Г. Щукина, заречная сторона — это почти всегда «худшая» часть города (Щукин В. Г. Указ. соч. С. 124–125).

⁴⁴ Островский А. Н. Записки замоскворецкого жителя // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1973. Т. 1. С. 32.

⁴⁵ Островский А. Н. За чем пойдешь, то и найдешь... С. 400.

⁴⁶ Там же. С. 389.

Н и ч к и н а. Не из степи, а из Коломны.

У с т е н ь к а. Все равно, одно образование, один вкус⁴⁷.

Замоскворечье — предместье (полудеревня, полугород с переходными формами быта), где все по-деревенски наблюдают друг за другом.

Н и ч к и н а. ...Разделась бы, да нельзя — праздничный день, в окошки народ смотрит; в сад пойдешь — соседи в забор глядят⁴⁸.

Н и ч к и н а. ...с вами-то стыда не оберешься... на все Замоскворечье...⁴⁹

Обратим внимание, что Ничкиной существенно мнение только «всего Замоскворечья», а не «всей Москвы».

В бальзаминовском цикле в лубочном, полусказочном, преувеличенно патриархальном пространстве незамужние девицы-невесты, сидящие целыми днями у окон, ведут «теремной» (статичный, изолированный) образ жизни. И не случайно сваха Красавина иносказательно использует сказочный сюжет об Иване-дураке, сивке-бурке и королевишне в высоком тереме, сватая Бальзаминову Капочку Ничкину.

К р а с а в и н а. Ну уж кавалер, нечего сказать! С налету бьет! Крикнул это, гаркнул: сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой! В одно ухо влез, в другое вылез, стал молодец молодцом. Сидит королевишна в своем новом тереме на двенадцати венцах. Подскочил на все двенадцать венцов, поцеловал королевишну во сахарны уста, а та ему именной печатью в лоб и запечатала для памяти⁵⁰.

Однако в действительности не на «вещей каурке» появляются в полусонном замоскворецком царстве кавалеры, а во всякую погоду ходят «по пятнадцати раз» мимо окон, придавая этому застывшему пространству некоторую динамику. К таким героям-ходакам относится и Миша Бальзаминов. Главное занятие в его жизни — шатанье под окнами, пешие прогулки в поисках богатой невесты.

В трилогии разнообразны глаголы движения и обороты речи, связанные с перемещениями (ходить, гулять, бродить, пройти/сь/, трепаться по Москве, сбегать, бежать, полететь, «ног под собой не буду слушать от радости»⁵¹ и др.). Сваха Красавина сравнивает бальзаминовские хождения с ткачеством: «Где с утра основу-то снуешь, аль не знаешь»⁵².

Хождение хоть и не приносит результата, но находит оправдание в глазах окружающих.

Б а л ь з а м и н о в а. Говорят: за чем пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда так бывает. Вон Миша ходит-ходит, а все не находит ничего. Другой бы бросил давно, а мой все не унимается. Да коли правду сказать, так Миша очень справедливо рассуждает: «Ведь мне, говорит, убытку нет, что я хожу, а прибыль может быть большая; следовательно, я должен ходить. Ходить понапрасну, говорит, скучно, а бедность-то еще скучней»⁵³.

В то же время в прогулках Бальзаминова видится и некий прообраз (возможное будущее) его благородной жизни, отчего возникает чужая, не до конца освоенная, но как бы более приличествующая действию лексика.

⁴⁷ Островский А. Н. Праздничный сон — до обеда // Островский А. Н. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1959. Т. 2. С. 134.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 131.

⁵⁰ Там же. С. 123.

⁵¹ Островский А. Н. За чем пойдешь, то и найдешь... С. 345.

Кроме «праздношатайки» Миши Бальзаминова (выражение Муромского из «Свадьбы Кречинского») связывает замоскворецкие пространства и неутомимая сваха Красавина (того требует ее ремесло). Она же и выполняет по своей драматургической функции роль «помощницы» Бальзаминова в достижении его цели. То есть в определенном смысле играет такую же роль, как Расплюев при Кречинском.

⁵² Островский А. Н. Праздничный сон — до обеда... С. 125.

⁵³ Островский А. Н. За чем пойдешь, то и найдешь... С. 369.

Б а л ь з а м и н о в а. ...Ты все говоришь: «Я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «Я хочу проминаж сделать!»⁵⁴

К р а с а в и н а. Он-то ходит под окнами манирует, а она ему на втором этаже пленирует⁵⁵.

Сам Бальзаминов интуитивно ощущает ходьбу также как некую возможность для размышлений.

Б а л ь з а м и н о в а. Ты бы пока слова подбирал, какие уже говорить с невестой.

Б а л ь з а м и н о в. А я вот во время прогулки и буду слова подбирать⁵⁶.

«Замоскворецкая Азия» (определение критика А. И. Урусова) — часть общей «вечной Азии» Островского (от Москвы до вымышленных Бряхимова и Калинова)⁵⁷, имеющей фантастическую (мифологическую) картину мира, в том числе свою народную географию и историю.

На этой воображаемой народной карте отсутствуют Петербург и другие реальные российские города. Зато здесь появляется давно умерший Наполеон, который опять на Москву идти хочет⁵⁸, да царь Фараон, который «стал по ночам из моря выходить, и с войском»⁵⁹, а также белый арап из Белой Арапии, который «подымается, двести миллионов войск ведет»⁶⁰.

Разговор о царе Фараоне (как важный и существенный) дважды возникает в первой части бальзаминовской трилогии. Слухи об этом событии сначала приносит сваха Красавина. Вдова Ничкина, затеявая беседу с Бальзаминовым, повторяет их, дополняя опасностью возможного наполеоновского вторжения с одной (западной) стороны и уточняя географические координаты царя Фараона, выходящего из моря с войском с другой стороны (восточной).

Н и ч к и н а. А где это море?

Б а л ь з а м и н о в. Должно быть, недалеко от Палестины.

Н и ч к и н а. А большая Палестина?

Б а л ь з а м и н о в. Большая-с.

Н и ч к и н а. Далеко от Царьграда?

Б а л ь з а м и н о в. Не очень далеко-с.

Н и ч к и н а. Должно быть, шестьдесят верст... Ото всех таких мест шестьдесят верст, говорят... только Киев дальше.

Ю ш а. Царьград — это пуп земли?

Н и ч к и н а. Да, миленький⁶¹.

В такой трудно представимой народной картографии Царьград (Константинополь) — пуп земли. Но и Москва, стало быть, «пуп» (она также находится в центре некоего круга, от которого все равно удалена). Очевидно, что Палестина, Царьград, Киев — все это «святые места»⁶². Однако Царьград с Палестиной в этой картине мира к Москве отчего-то ближе, а Киев (пространственно выделенный особо) по какой-то причине дальше.

⁵⁴ Там же. С. 347.

«Проминаж сделать» — калькированное и искаженное франц. faire une promenade.

⁵⁵ Островский А. Н. Праздничный сон — до обеда... С. 125.

Манирует и пленирует — словотворчество Красавиной на «французский манер».

⁵⁶ Островский А. Н. Праздничный сон — до обеда... С. 128.

⁵⁷ См. об этом: Созина Е. К. Азиатская мифография в мире А. Н. Островского (статья первая) // Щелыковские чтения 2007. А. Н. Островский в контексте мировой культуры. Сборник статей. Кострома, 2008. С. 18–36; Купцова О. Н. Художественная картография А. Н. Островского: город // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 78–86.

⁵⁸ Островский А. Н. Праздничный сон — до обеда... С. 143.

⁵⁹ Там же. С. 133.

⁶⁰ Там же. С. 134.

Подробный анализ созданного Островским «фантома» Белой Арапии, многозначного символа простонародных географических и исторических представлений, см.: Кошелев В. А. «Из Белой Арапии» // Щелыковские чтения 2006. В мире А. Н. Островского. Сборник статей. Кострома, 2007. С. 151–160.

⁶¹ Островский А. Н. Праздничный сон — до обеда... С. 143–144.

⁶² См. справедливое наблюдение по этому поводу Е. К. Созиной: Созина Е. К. Указ. соч. С. 25.

Приблизительно в том же духе преподносится и слух (на этот раз внутримосковский) в последней части трилогии — разговор Красавиной с другой вдовой, Белотеловой.

К р а с а в и н а. ...шайка разбойников объявилась.

Б е л о т е л о в а. Откуда ж они?

К р а с а в и н а. Из диких лесов, говорят. Днем под Каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки, и все на ходулях; по семи аршин ходули, а атаман в турецком платье.

Б е л о т е л о в а. Зачем на ходулях?

К р а с а в и н а. Для скорости, ну для страха⁶³.

Каменный мост в этих историях напоминает о месте обитания разбойников (под мостами), закрепленном в фольклорных текстах (например, в народной петрушечной драме: «лекарь, из-под Каменного моста аптекарь»). И в то же время мост здесь — опасное мифологическое пограничье городской поэтосферы между двумя частями города, разделенными рекой. В этом «междумирье» и должна жить всякая нечисть, нехристь, по определению враждебная; так возникает деталь: турецкое платье атамана (как чужого, незваного, пришлого, из какой-нибудь «Белой Арапии», в данном случае обозначенной как «дикие леса»).

В замоскворецких географических беседах особо следует обратить внимание на фантастическое пространственное измерение, притворяющееся точным и как будто выраженное в мерах длины. Основные пространственные характеристики (далеко — близко, большие — маленькие), которыми широко пользуются персонажи, не дают сколько-нибудь объективного представления: напротив, они подчеркнута субъективны, их относительность постоянно подчеркивается. Однако и упоминаемое число «верст» (семь, пятнадцать и несколько раз — шестьдесят как некое измерение далекого и очень далекого) — всего лишь синонимическая замена сказочной формулы «за тридевять земель, в тридесятом царстве».

П и о н о в а. ...Иногда так нужно бывает, так нужно, а решительно не с кем, ну и едешь к тебе за семь верст⁶⁴.

«Мы с вами поедем верст за пятнадцать, где меня ждут мои приятели, и уже все готово, даже и музыка...»⁶⁵.

М а т р е н а. Гадать увезли, далеко, верст за шестьдесят, говорят⁶⁶.

Неизвестно также, сколько времени (еще одно численное измерение) проходил Бальзаминов в поисках невесты (по субъективным оценкам, его собственным и его матери — бесконечно долго), но сколько бы ни ходил, в Замоскворечье как будто царит вечное лето. Так, в первой части предметом для разговора становится сбор яблок. А время действия третьей части обозначено и того точнее: август — месяц плодоношения, урожай, жатвы.

Дом в трилогии играет роль пространства размышлений и рефлексий: обсуждения планов, рассказывания и толкования снов, посвящения в мечты. Сад становится местом событийным: он предназначен для нечаянных встреч, любовных свиданий, путаницы, крушений надежд и разочарований. К тому же сад связан с ироничным напоминанием о грехопадении и фольклорными эротическими коннотациями (К р а с а в и н а. Ничего я лишнего не сказала; сказала только: пожалуйста, в наш сад вечером погулять, вишенья, орешенья щипать. Он так обрадовался, будто лунатик какой сделался⁶⁷).

Все дома похожи друг на друга, один сад легко заменить другим. Почти неразличимы садовые ремарки в первой и третьей частях трилогии⁶⁸.

⁶³ Островский А. Н. За чем пойдешь, то и найдешь... С. 385.

⁶⁴ Там же. С. 354.

⁶⁵ Там же. С. 389.

⁶⁶ Там же. С. 409.

⁶⁷ Островский А. Н. Праздничный сон — до обеда... С. 133.

⁶⁸ «Сад. Направо сарай с голубятней; прямо забор, и за ним деревья другого сада; налево беседка, за беседкой деревья; посредине сцены, в кустах, стол и скамейки; подле сарая куст и скамейка». (Там же. С. 138.)

Гомогенность (однородность) замоскворецкого пространства проявляется у Островского в безымянности улиц, переулков, набережных — в бальзаминовском цикле нет ни одного точного адреса в Замоскворечье.

Московские адреса появляются только с расширением круга поисков в бальзаминовских хождениях — с выходом на другой берег, «на ту сторону» (а именно в срединной, второй части трилогии). По предположениям матери, Бальзаминов в это время добирается до Рогожской заставы или даже Лефортово (на левом берегу Москвы или в Заяузье).

Б а л ь з а м и н о в а. ...Прибежит из присутствия, пообедаёт наскоро да и был таков, и пропал на целый день. Где-то он, бедный, бродит? Должно быть, далеко-далеко куда-нибудь ходит! Придет всегда такой измученный, усталый, и лица-то на нем нет, и не ест ничего, только все вздыхает. Надо полагать, он в Рогожскую бегаёт; а пожалуй, что и в Лефортово⁶⁹.

Сваха Красавина подтверждает, что Бальзаминов ходит-бродит «по таким палестинам, что другому и на ум не взойдет», и доходил аж до «край-Москвы», однако точных адресов и она не называет⁷⁰. Палестины (во множественном числе) — здесь места отдаленные, чужие, неизвестные, окраинные. Вот и девица Пионова замечает, что Бальзаминов проделал от своего дома до дома Антрыгиной «проминаж через всю Москву»⁷¹.

Во второй части появляются Сокольники, Чистые пруды — точки, маркирующие левобережную часть Москвы. А за пределами города упоминается далекая, страшная Сибирь, как место каторги и ссылки.

Однако длинные и утомительные «проминажи» через весь город, в чужие, не замоскворецкие части города, не приносят Бальзаминову никаких результатов. И в последней части трилогии пространство снова сужается, еще больше сжимаясь по сравнению с началом истории: герой в этот раз ходит кругами возле своего дома.

М а т р е н а. Тут близехонько. Только он не прямо ходит, а круг большой делает, чтобы соседям виду не показать. Таково далеко отойдет, да потом и воротится переулками: глаза отводит⁷².

Б а л ь з а м и н о в. Я уж теперь далеко не хожу, а хожу тут поблизости⁷³.

В финальной части трилогии пространство хоть и ближе, но оно как будто удваивается (или раздваивается): два дома и два сада, две сестры-девицы в одном доме и вдова в другом.

В уже упоминавшемся сне Бальзаминовой Китай-город (часть Москвы) и вовсе предстает в тройном отражении: в сновидческой реальности возникают еще и Китай-страна с китайцами и китайками (что логично) и непонятный Китай-дом. Загадочный сон (оказавшийся «в руку») предполагает множество толкований. Бальзаминов пытается снять эту иррациональную многозначность (по сути, символичность) сна, объясняя его тем, что у Белотеловой лавка в Китай-городе. Прозаичное объяснение тем не менее не помогает понять ни вещей характер сна, ни саму его семантику.

К финалу «Женитьбы Бальзаминова» нарастает количество снов (в том числе и вещей), «мечтаний в потемках», грез, видений. Чем ближе к счастливому концу, тем меньше реальности.

«Сцена представляет два сада, разделенные посередине забором; направо от зрителей сад Пеженовых, а налево — Белотеловой; в садах скамейки, столики и проч.; в саду Белотеловой налево две ступеньки и дверь в беседку; у забора с обеих сторон кусты (Островский А. Н. За чем пойдешь, то и найдешь... С. 383).

⁶⁹ Островский А. Н. Свои собаки грызутся, чужая не приставай... С. 335.

⁷⁰ Там же. С. 343.

⁷¹ Там же. С. 359.

⁷² Островский А. Н. За чем пойдешь, то и найдешь... С. 368.

⁷³ Там же. С. 370.

В бальзаминовских образах будущего возникают фантастические городские картины: например, сооружения, гиперболические по размеру и ничтожные по задачам. Так, он воображает «большую» башню, с которой можно всю Москву увидеть, но мечтает в ней держать голубей (сарай с голубятней как реалия замоскворецкого быта фигурирует в первой части трилогии: таким образом, мотив повторяется, закольцовывая сюжет).

Бальзаминов почти теряет рассудок, представляя, как сад одной невесты он добавит к саду другой, сделав один огромный сад с беседками и аллеями. В этот момент он забывает, что для такого варианта ему надо стать двоеженцем, женившись разом на двух невестах.

Островский завершает трилогию присказкой свахи, пришедшей в дом Бальзаминовых сватать невесту.

К р а с а в и н а. Ох, далеко я ехала, насилу доехала. (*Садится.*)

Б а л ь з а м и н о в а. Откуда ж это?

К р а с а в и н а. Отсюда не видать. <...>. Ехала селами, городами, темными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами; горлышко пересохло, язык призамялся⁷⁴.

Красавина говорит о дальней поездке (через села, города, леса и реки, хоть и пришла она пешком из соседнего дома), о преодолении множества препятствий. В свадебных фольклорных текстах приход сватов (свахи) представлен как путь из «другого мира». Именно этим «путешествием» счастливо завершаются прогулки (или городские странствия) Бальзамина, приведя к желаемой цели. Присказка свахи (часть свадебного обряда) дает ключ к его истории — замоскворецкой волшебной сказке о «добром молодце».

Москва (и прежде всего Замоскворечье), не меняющая основных параметров своей городской мифопоэтики на протяжении всех частей бальзаминовского цикла Островского, в целом вписана в систему координат фантастического «хождения» в «другой мир».

References

Koshelev V. A. ["From the White Arapia"]. Shchelykovskiye chteniya 2006. V mire A. N. Ostrovskogo [Shchelykovsky Readings 2006. In the World of A. N. Ostrovsky]. Kostroma: Avantitul Publ., 2007, pp. 151–160. (In Russian).

Kuptsova O. N. ["Abyss": "Seventeen Years, or the Life of a Family Man" (Melodrama in 4 Acts)]. Shchelykovskiye chteniya 2003: A. N. Ostrovskiy v sovremennom mire [Shchelykovsky Readings 2003: A. N. Ostrovsky in the Modern World]. Kostroma: Gosudarstvennyy Memorial'nyy i Prirodnyy Muzei-Zapovednik A. N. Ostrovskogo "Shchelykovo" Publ., 2004, pp. 214–235. (In Russian).

Kuptsova O. N. [A. N. Ostrovsky's Artistic Mapmaking: City]. Ural'skij istoriceskij vestnik [Ural Historical Journal], 2018, no. 2 (59), pp. 78–86. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-78-86. (In Russian).

Kuptsova O. N. [Once Again About Ostrovsky and Ducange]. Shchelykovskiye chteniya 2004. Tvorcheskoye naslediyе i lichnost' A. N. Ostrovskogo: bytiye vo vremeni [Shchelykovsky Readings 2004. Creative Heritage and Personality of A. N. Ostrovsky: Being in Time]. Kostroma: FGUK Gosudarstvennyy Memorial'nyy i Prirodnyy Muzei-Zapovednik A. N. Ostrovskogo "Shchelykovo" Publ., 2004, pp. 145–158. (In Russian).

Penskaya E. N. [Sukhovo-Kobylin Alexander Vasilievich]. A. N. Ostrovskiy. Entsiklopediya [A. N. Ostrovsky. Encyclopedia]. Kostroma: Kostromizdat Publ.; Shuya: Izd-vo FGBOU VPO "SHGPU" Publ., 2012, pp. 427–428. (In Russian).

Schukin V. G. Gorod i mif. Issledovaniya v oblasti geopoetiki [City and Myth. Research in the Field of Geopoetics]. Moscow: LENAND Publ., 2021. (In Russian).

⁷⁴ Островский А. Н. За чем пойдешь, то и найдешь... С. 412.

Sozina E. K. [Asian Mythography in the World of A. N. Ostrovsky (First Article)]. Shchelykovskiye chteniya 2007. A. N. Ostrovskiy v kontekste mirovoy kul'tury [Shchelykovsky Readings 2007. A. N. Ostrovsky in the Context of World Culture]. Kostroma: Avantitul Publ., 2008, pp. 18–36. (In Russian).

УДК 82.09(2)

Литовская Мария Аркадьевна

д. филол. н., главный научный сотрудник Центра истории литературы, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0002-3388-7616

E-mail: marialiter@yandex.ru

Река в советских популярных песнях периода «оттепели»: формирование образа доброжелательного пространства*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются образы реки в популярных советских песнях периода «оттепели». Песни традиционно были способом и формирования общей системы пространственного воображения общества, и фиксации происходящих в нем изменений. В советской подцензурной унифицированной культуре песня занимала важное место посредника между частной и официальной сферами жизни людей (Чередниченко), становясь, таким образом, активным инструментом распространения государственной идеологии; в то же время песня воплощала в себе «варианты русской модели мира советского периода», создавая «мифопоэтический облик эпохи» (Щукин). Популярная песня своей повторяемостью и постоянным репродуцированием настойчиво задавала образы Отечества в целом и отдельных его частей, доминирующие представления о значительном в человеческой жизни, наконец, предпочтительные модели поведения.

С 1930-х до первой половины 1950-х гг. реки изображались в «официальных» советских песнях как важная часть нового идеологического проекта: советский человек вступал в противоборство с мощью и силой «великих» рек и обуздывал их, тем самым символически доказывая превосходство новой организации общества. В советском обществе эпохи «оттепели» сохраняется централизованная эстетизация идеологических установок, но образ реки существенно меняется: вместо «великих» рек все чаще фигурируют небольшие речки или даже ручейки, а «великие» реки символически уподобляются «малым», представляя собой часть гармоничного пейзажа, где обычный человек просто отдыхает и/или на досуге думает о жизни. Тема героического покорения и преобразования природы переносится в космос, на целину и т. п., а река оказывается пространством демонстрации, с одной стороны, прочного статуса советского человека как «хозяина необъятной Родины своей», а с другой — гармонии традиционных и новых ценностей, достигнутой на новом этапе развития советского общества. Изменения образа рек в песнях эпохи «оттепели» позволяют предположить, что они функционируют как часть репрезентации нового образа дружелюбного советского мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ реки в русской поэзии, популярные песни, советская культура, «оттепель» как социокультурная эпоха, культурная география

* Настоящая статья является существенно переработанным русским вариантом главы «The River in Thaw-era Soviet Popular Song (1954–1970): The Formation of an Amicable Space» в коллективной монографии «Water in Social Imagination — from Technological Optimism to Contemporary Environmentalism» (ed. by Jane Costlow, Yrjö Haila, Arja Rosenholm, Brill, 2017, pp. 119–144).

UDC 82.09(2)

Maria A. Litovskaya

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0002-3388-7616

E-mail: marialiter@yandex.ru

**The River in Thaw-era Soviet Popular Song (1954–1970):
The Formation of an Amicable Space**

ABSTRACT. The article examines the images of the river in the Thaw-era popular Soviet songs. Songs have traditionally been a way of both forming a general system of spatial imagination of society and fixing the changes taking place in it. In the Soviet unified culture, the censored song occupied an important place as an «intermediary between the private and official spheres of people’s lives» (Cherednichenko), an active instrument for the dissemination of state ideology; at the same time, the song embodied «variants of the Russian model of the world of the Soviet period», forming the mass «mythopoetic image of the era» (Shchukin). The popular song, with its repetition and constant reproduction, persistently set the images of the Fatherland as a whole and its individual parts, the dominant ideas about the significant in human life, and finally, the preferred patterns of behavior.

From the 1930s to the first half of the 1950s rivers were depicted in «official» Soviet songs as an important part of the new ideological project: the Soviet people entered into confrontation with the power of the «great» rivers and curbed them, symbolically proving the superiority of the new organization of society. In the Thaw-era Soviet society, centralized aestheticization of ideological attitudes was preserved, but the image of the river is changing dramatically: instead of the «great» rivers, small rivers or even streams are increasingly appearing, the «great» rivers are symbolically likened to «small», representing part of a harmonious landscape where an ordinary person rests or reflects on the «course of life». The theme of the heroic conquest and transformation of nature is transferred to the «space», to the «virgin lands», to the «taiga», and the river turns out to be a space for demonstrating, on the one hand, the solid status of Soviet people as «the master of their vast Motherland», on the other, the achieved harmony of traditional and new values. Changes in the image of rivers in the Thaw-era songs suggest that they function as part of the representation of a new image of the friendly Soviet world.

KEYWORDS: river imagery in Russian poetry, popular songs, Soviet culture, Thaw period, cultural geography Zamoskvorechye, artistic geography, urban poetosphere

Социальная динамика, процессы модернизации глубоко связаны с изменением значений культурных, в частности «природных» символов. Эти изменения могут быть вызваны как развитием господствующих представлений об окружающей среде, так, и собственно, в обществе; задаются они в двух направлениях: «сверху» — государством, «снизу» — меняющимся социумом.

В нашей статье мы ставим перед собой локальную задачу: рассмотреть, как трансформируется в СССР образ реки в период середины 1950-х — 1960-х гг., когда в советском обществе происходит очевидное изменение системы ценностей. В качестве материала для анализа мы выбрали тексты популярных песен.

В своей статье «Мифопоэтика города и века (Четыре песни о Москве)» В. Г. Щукин отмечает, что те или иные песни стали «популярными именно потому, что вполне адекватно выражали массовое общественное сознание». Поэтому их «можно считать яркими примерами органической взаимосвязи общественной жизни, господствующих мировоззрений и эстетических вкусов, художественная “материализация” которых заставляла авторов применять те или иные поэтические средства. Модели мира, возникавшие в сознании современников в разные исторические периоды, подвергались перекодированию, “переводу” на язык поэзии, музыки... и давали о себе знать в соответствующих образах пространства, времени, стихий, света и тьмы, животных и растений, в передаче соответствующих данной модели мира субъективно-лирических настроений. Поэтика становится, таким образом, производной мирозерцания, а это последнее неотделимо от динамики социальных процессов в самых разнообразных их аспектах: от исторической (то есть зависящей от объективных исторических процессов) экономики, социологии, психологии, мифологии, идеологии»¹.

В СССР начала 1950-х гг. процесс смены метафорических и культурных значений в искусстве, в том числе связанных с природой, в значительной степени модерируется сетью государственных институтов, в частности институтов литературы и медиа. Отрезок исторического времени, именуемый в советской истории «оттепелью», в политическом отношении представляет собой переходную эпоху от сталинизма к позднему социализму. В метафорическом определении исторического этапа как природного явления («оттепель») основной акцент изначально был сделан на высвобождении общества из сковывающих ограничений времен сталинского руководства². При этом сохраняется советская идеология, большинство советских институтов, общая установка на плодотворность мобилизационного усилия общества при решении государственных задач. Сами задачи сохраняли свою футуристическую грандиозность: осуществить космическую программу, победить в схватке двух политических систем, освоить целинные и залежные земли и т. п.

Однако, начиная с середины 1950-х гг., заметно меняется огласовка грандиозных планов. Целью их объявляются «дальнейшее укрепление экономической и оборонной мощи СССР и одновременно все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей народа»³. Речь заходит об изменении качества повседневной жизни человека, причем не только человека будущего, который будет пользоваться коммунистическими благами, созданными его предшественниками, но и того, кто живет в СССР здесь и сейчас. Ряд практических государственных программ, направленных на видимое улучшение жизни людей, вроде первой в истории Советского Союза жизнеспособной жилищной программы, программ развития легкой промышленности, торговли, были не только приняты, но и начали реализовываться.

Общественно значимые официальные мероприятия, направленные на изменение образа страны, вроде Всемирного Фестиваля молодежи и студентов (1957), Международного Московского кинофестиваля (1959) и т. п., появление новых журналов и театров, даже лица выдвигаемых публичных персон (космонавты, деятели искусства, спорта, науки) — все свидетельствовало о стремлении государства продемонстрировать искреннюю расположенность к своим гражданам и открытость миру. Как вспоминал Владимир Буковский, «атмосфера тех лет была весенней, полной надежд и ожиданий. <...> Москва преображалась на глазах: вместо уголовного трупобного города моего детства, с бандами подростков в сапогах, плащах и кепках с разрезом, возникал город, жители

¹ Щукин В. Мифопоэтика города и века (Четыре песни о Москве) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 6. С. 36.

² Чупринин С. Оттепель: В 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 12.

³ XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза // Правоведение. 1959. № 1. С. 3.

которого толпились в книжных магазинах, набивались в залы, где выступали поэты, ломились в театр “Современник”. <...> И было такое чувство, словно понемножку, осторожно все расправляют затекшие от долгого сидения члены, пробуют шевелить конечностями, переменять позу»⁴.

Отказ от тотальной коммунальности, разрастающееся пространство частной жизни в сверхцентрализованном советском государстве были не столько «продавлены» снизу, сколько «разрешены» сверху⁵. А значит, нуждались в соответствующем риторическом обосновании и инструментарию. Советская идеология, основанная на просветительской модели, в период «оттепели» также предполагала обучение граждан тому, как должны выглядеть «достойная» жизнь и важные жизненные цели⁶, что значит «жить со вкусом» и какие вкусы «здоровые», а какие «отсталые»⁷, каким должен быть досуг и в целом «мир советского человека»⁸. Несмотря на господствующую в «оттепельной» риторике модальность долженствования, человеку все же предлагался более широкий выбор возможностей поведения и оценок, в том числе с помощью искусства, организация которого предполагала его быструю реакцию на социально окрашенную повестку. Советский потребитель искусства умел чувствовать эти изменения: к середине 1950-х гг. в СССР был воспитан человек, способный не только послушно реагировать на голос власти, но улавливать малейшие его нюансы, отклонения от предшествующих шаблонов: интонацию, новые мотивы, даже новую форму слов⁹.

Государственный контроль, характерный для советского общества, позволял сделать искусство мощным инструментом информационного воздействия, активно использовать его для насаждения единой государственной идеологии, если под идеологией понимать систему, организующую социальное познание¹⁰. Значительную часть советского культурного пространства составляли песни, занимавшие, по точному наблюдению Татьяны Чередниченко, положение «медиатора» между «официальной» и «частной» сферами жизни советских людей¹¹.

Любая песня является своего рода вторичным поэтическим материалом, в который могут включаться и политическая пропаганда, и ангажированная публицистика, и лирика. Содержательно близкие друг другу песни задают доминирующий порядок культуры, формируют мироотношение субъекта и носителя этой культуры¹². Клишированность, стереотипность, высокая степень воспроизводимости, характерные для массовой песни, обусловлены не только «халтурой» или низким мастерством конкретного поэта-песенника. Общность образов, опора на одни и те же канонические формы, ориентация на однотипные словесные и музыкальные конструкции формируют общий социально значимый символический опыт. Складные понятные слова песни дают слушателям пример того, как надо переживать предписанные культурой эмоции¹³.

Советская песня, все риторические элементы которой проходили многоступенчатую проверку на «идеологическую выдержанность», задавала строго определенные параметры образа мира, учила видеть определенные его черты. Особенно эффективным этот инструмент оказывался из-за кажущейся непреднамеренности воздействия исполняемыми песнями.

⁴ Буковский В. И возвращается ветер: Письма русского путешественника. М., 2007. С. 107.

⁵ См., например: Лебина Н. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб., 2015.

⁶ См.: Брусиловская Л. Культура повседневности эпохи «оттепели»: Метаморфозы стиля. М., 2000.

⁷ О крупных недостатках в репертуаре и распространении грампластинок // ЦК КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 250–251.

⁸ Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. М., 2013.

⁹ Чупринин С. Указ. соч. С. 12–13; Чудакова М. Новые работы. 2003–2006. М., 2007.

¹⁰ Bergman P., Luckman T. The Social Construction of the Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. London, 1991; van Dyik T. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, 1998.

¹¹ Чередниченко Т. Типология советской массовой культуры. Между «Брежневым» и «Пугачевой». М., 1990. С. 4.

¹² Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. С. 115 (Wiener Slawistischer Almanach; Sonderband 50).

¹³ Гюнтер Г. Поющая Родина: советская массовая песня как выражение архетипа матери // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 46–61.

Конечно, советское государство не могло полностью контролировать сферу распространения песен. Популярным типом рукописной книги среди разных слоев населения были самодельные песенники, куда их владельцы могли включать тексты из разных источников¹⁴. Отдельные песни, созданные вне официальной культуры, запоминались со слуха. Но все же самодельное распространение «несанкционированных» песен приобрело массовый характер только с момента более или менее широкого распространения в СССР магнитофонов, то есть с конца 1960-х гг. «Эпоха узаконенного двоемыслия», как иногда именуют поздний советский период¹⁵, с характерным для нее резким повышением престижа неповиновения официальному дискурсу, формировалась параллельно со становлением магнитофонной культуры, когда «государственной» позиции радио и телевидения открыто противопоставили себя «самодельные», то есть, во-первых, непрофессиональные, а во-вторых, распространяющие свои тексты вне государственного «заказа» исполнители и авторы песен — «бардовских», «рок-» и т. п.¹⁶.

До конца 1960-х гг., несмотря на популярность в среде части городской молодежи самодельных записей «западных» музыкантов¹⁷, песни распространялись преимущественно по государственным информационным каналам (грампластинки, радио, санкционированные концерты, набравшее распространение телевидение). Слова и ноты «разрешенных» песен публиковали государственные издательства: соответствующий песенный раздел был обязательным, например, в таких книгах, как «Домоводство»¹⁸, в настенных отрывных календарях и т. п. изданиях, тиражи которых исчислялись миллионами экземпляров.

При отсутствии точных статистических подсчетов степень популярности песни в советское время можно определить только косвенно, по частоте исполнения ее по радио, на телевидении, по степени обязательности ее присутствия в торжественных (съезды, собрания, митинги и т. п.), полуофициальных (первомайская и ноябрьская демонстрации, маевки, субботники) и бытовых (домашнее музицирование, застольное пение) ситуациях.

Современники «оттепели» вспоминают, какое значительное место в их жизни занимали радиопередачи, фоном проходившие через домашнюю жизнь и взрослых, и детей независимо от места жительства и качества жилья. В сетке радиовещания песни занимали важное место. Даже если песня не нравилась, человек слушал ее не потому, что его заставляли, а потому что «радиоточка» в квартире была обычно настроена на один канал и радио «говорило» практически целый день. Так, журналист Леонид Парфенов, 1960 года рождения, вспоминая свое детство, говорит: «Мы были скорее бедные, да. Я не помню никакой покупки вообще. А те редкие, что случались, совершенно вышибали из колеи — годами решалось, купить ли сапоги... В нашей первой квартире, в хрущевке, всегда работало радио — телевизора не было. И из радиоточки — “Навстречу утренней заре, по Ангаре, по Ангаре...” и вот это, пронзительное: “Верят девочки в трудное счастье...”»¹⁹.

В любом случае число популярных песен было ограничено, относительная однородность советского информационного поля позволяет экстраполировать конкретный частный опыт на значительные группы людей. Песни усваивались в таких условиях едва ли не автоматически, даже если человек не слишком вслушивался в текст. В итоге они исподволь формировали у слушателей устойчивую картину мира, неслучайно производство так называемой советской массовой песни было поставлено в СССР на поток с середины 1920-х гг.²⁰.

Знаменитые в СССР слова Василия Лебедева-Кумача о том, что «нам песня строить и жить помогает, она, как друг, и зовет, и ведет» («Марш веселых ребят», 1934), соответствуют выводам исследователей о том, что «в совокупности нарративов песня задает параметры симво-

¹⁴ См.: Росовецкий С. К. Крестьянские и городские песенники 1940–1970-х годов: Опыт статистического исследования // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 2010. Вып. 13. Традиционная культура современного города. С. 146–173.

¹⁵ Фирсов Б. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. СПб., 2008.

¹⁶ Аннинский Л. Барды. Иркутск, 2005.

¹⁷ См., например: Карасюк Д. Как мы любили «Битлз». История битломании в СССР. Екатеринбург; М., 2022.

¹⁸ См. в первом издании книги: Домоводство. М., 1956. С. 470–477.

¹⁹ Парфенов Л. Я привык ни на кого не рассчитывать // Огонек. 2013. № 10. С. 18–21.

²⁰ Минералов Ю. Так говорила держава. XX век и русская песня. М., 1997.

лического ландшафта советской массовой культуры»²¹. Но для того, чтобы песня стала популярной, содержание песни должно легко усваиваться самой широкой аудиторией, а значит, ориентировалось на уже известную слушателю устойчивую систему образов, сложившуюся в фольклоре, нашедшую свое развитие в той части классической русской поэзии, что известна массовому читателю.

* * *

Река, то есть находящаяся в границах (берегах), упорядоченным образом (течение) перемещающаяся вода, является носителем амбивалентных смыслов, воспринимаясь как ось мира, медиатор, источник жизни, граница, носитель информации, место забвения и т. п. Все эти значения встречаются в русском фольклоре и развиваются в русской литературе²².

Образ реки-«батюшки» или «матушки» (иногда — «колыбели»), прародитель(-ницы) русского народа, кормилец(-цы) и податель(-ницы) всех благ, соседствует с образом реки как мощной стихии, «живущей» свою — независимую от человека — природную жизнь. В сюжете фольклорного текста присутствие реки обостряет эмоции героя, так как, с одной стороны, может быть связано с его испытанием, с другой — созерцание текущей воды побуждает героя/героиню к размышлениям о судьбе²³. На этом построены стереотипные гендерные противопоставления образов реки-судьбы и реки-приключения, реки-русла и реки-воли. Распространенность образа реки в русской культуре, кроме того, связана с географическим фактором: огромное лесостепное пространство России реки разрезают и, согласно бытовым представлениям, организуют²⁴. Река воспринимается как своего рода ландшафтная структурная основа, внутри которой проходит (или — повседневная «водная» речевая метафора русского языка — *течет*) российская жизнь, складываясь в историю общества и государства. С конкретными реками часто связывается региональная самоидентификация жителей России²⁵.

В XIX в. в русской литературе (в том числе и псевдонародной, создаваемой в стиле русского фольклора), как отмечают исследователи²⁶, происходит решительный переход от сакрального восприятия рек к утилитарному. Все реже встречается прием персонификации рек, образ реки-«прародительницы» сменяется образом реки, как, во-первых, места исторического события, часто легендарного, во-вторых, водного ресурса, имеющего конкретное экономическое, хозяйственное значение²⁷.

Впрочем, постепенная смена акцентов в образе реки не выводит из поля русского искусства тексты с прежними актуальными коннотациями, они сосуществуют и в собственно фольклорных текстах, и в русской песенной поэзии. В итоге за долгое время развития «речной» темы в русских фольклоре и литературе сложился ряд устойчивых представлений, связанных с образом реки, которыми владеют носители русской культуры. Даже намек на какой-либо из них в массовой, в частности советской песне, позволяет слушателю едва ли не автоматически переводить метафорический код, заданный автором, в набор знакомых значений.

Авторы слов советских песен продолжают традицию включения традиционных образов в контекст современности, в частности, образ реки, смыслы которого известны по литературе и фольклору, помогал достраивать сжатую объемом песни историческую картину, общую для всех советских людей. Постоянное повторение формирует «цитатный фон»²⁸ говорения о реке. По идее, можно выстроить

²¹ Сандомирская И. Указ. соч. С. 98.

²² Природа и цивилизация. Реки и культуры. Материалы конференции, посвященной 100-летию выхода в свет 1-го русского издания книги выдающегося ученого И. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» / Ред. Л. Р. Павлинская. СПб., 1997.

²³ Бобунова М., Хроленко А. Конкорданс русской народной песни. Курск, 2007.

²⁴ Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 510–520.

²⁵ Кусмидинова М. Концепт Волги в историко-культурном развитии России: философский анализ. Астрахань, 2010. С. 10. См. также: Haussman G. Mütterchen Wolga: Ein Fluss als Erinnerungsort vom 16. bis ins frühe 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 2009.

²⁶ Кусмидинова М. Указ. соч.

²⁷ См.: Река и гора: локальные дискурсы. Материалы международной научной конференции «Урал и Карпаты: локальный дискурс горных местностей» (Пермь, 29–30 октября 2009). Пермь, 2009.

²⁸ Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 80.

«Историю Советского Союза» через собрание популярных текстов, где образ реки оказывается одним из доминирующих и помогает «правильному» усвоению исторического материала.

В 1920–1930-е гг. в «официальных» популярных песнях река является неотъемлемой частью грандиозного ландшафта СССР, а любовь к «великим» родным рекам — обязательной составляющей духовного мира советского народа. Человек в своих чувствах равен великой реке. Выходящая «на берег крутой» Катюша из одноименного стихотворения Михаила Исаковского²⁹ (1938) именно «над рекой» получает то ощущение свободы, которое ей необходимо для того, чтобы прямо продекларировать свои чувства к «бойцу на дальней на границе». Река и граница переключаются, являясь и физическим, и метафорическим пространством, разделяющим / соединяющим персонажей.

В текстах о войнах река — это традиционно рубеж, преграда, линия фронта, место испытания и возможной гибели героев:

Там, вдали, за рекой зажигались огни,
В небе ясном заря догорала,
Сотня юных бойцов
Из буденовских войск
На разведку в поля поскакала³⁰.

В эпоху индустриализации река метонимически уравнивается с природой: подчинение реки человеку, борьба с рекой, сложное хозяйственное освоение реки, создание человеком новых рек, превращение реки в «рукотворное море» — важнейшая составляющая всех жанров советской литературы, включая и песни. Река — природный объект, нуждающийся в переделке сообразно планам большевиков; она, хоть и сопротивляется, подчиняется мудрой человеческой воле и обретает свободу, то есть — в контексте советской песни — начинает «служить» человеку:

Мы сдвигаем и горы, и реки,
Время сказок пришло наяву,
И по Волге, свободной навеки,
Корабли приплывают в Москву³¹.
По полюсу гордо шагает,
Меняет движение рек,
Высокие горы сдвигает
Советский простой человек³².

Мощь реки неизменно подчеркивает грандиозность свершений советских людей. В песне В. Фролова «Енисей — брат полярных морей» (1948) сибирская река, подобная морю, весной сбрасывает «цепи свои» и несет «волною широкой» в полярные моря «славу гордую русской земли», воплощенную в теплоходе с именем «"Ленин" на белом борту». Плывущий по «дороге широкой» корабль символизирует победу: «покорил и тебя, Енисей, / Наш великий народ-богатырь!».

* * *

В одном из первых кинофильмов самого начала «оттепели» — комедии «Верные друзья» (1954) полемически заявлено существенное изменение образа реки, казавшееся современникам «пределом демократической простоты»³³. Главные герои фильма — немолодые люди отправляются в короткое совместное путешествие на лодке по небольшой реке Яузе в средней

²⁹ Большую часть анализируемых в статье песен можно послушать на сайте <http://www.sovmusic.ru/>

³⁰ Кооль Н. Там, вдали, за рекой, 1924. В дальнейшем при цитировании в сноске мы будем указывать фамилию автора слов, название и год создания песни.

³¹ Лебедев-Кумач В. Песня о Волге, 1937.

³² Лебедев-Кумач В. Советский простой человек, 1937.

³³ Аннинский Л. Шестидесятники и мы: кинематограф, ставший и не ставший историей. М., 1991. С. 10.

полосе России. В противовес фабуле знаменитой советской кинокомедии «Волга-Волга» (1938) они едут не на всесоюзный смотр самодеятельности из глубинки в столицу — Москву, превращаясь тем самым из «частных» в «государственных» людей, а наоборот — покидают столицу, чтобы отдохнуть и пожить частной жизнью, невидимой для государства.

В фильме звучит песня на слова Михаила Матусовского, подтверждающая этот сюжетный разворот. Она исполняется не хором, а трио, задумчиво, не под дирижерскую палочку, а как будто спонтанно. Слова песни соответствуют символическому содержанию истории о трех друзьях детства:

Березы подмосковные
Шумели вдалеке,
Плыла-качалась лодочка
По Яузе-реке. <...>
Над нами небо родины,
И так светло кругом,
Как будто мы на лодочке,
Как в юности, плывем.
Кипит вода под веслами,
Не дрогнет руль в руке.
Все дальше мчится лодочка
По утренней реке.
И путь наш не кончается,
Простор речной широк.
И гонит, гонит лодочку
Попутный ветерок³⁴.

Река — небольшая, но становится все шире; образ соотносится с биографиями героев фильма, в котором звучит песня, — обыкновенных московских мальчишек, которые выросли и стали профессором-животноводом, академиком архитектуры и хирургом, но при этом сохранили и дружбу, и чудачества обычных людей, и планы на будущее. Перипетии судьбы героев обозначаются через привычные для советского слушателя «водные» образы: «кипит вода под веслами», «гонит лодочку попутный ветерок» и т. п. Доминирующими в описании речных реалий являются диминутивы, одним из значений которых в русском языке оказывается умиление, связанное с небольшим размером чего-то³⁵. Яуза-река, лодочка, ветерок — все это знаки частной, небольшой по отношению к общегосударственной жизни отдельного человека, приобретающей в «оттепельном» дискурсе особенное, новое для советского общества значение привлекательности, очарования.

Одна из первых песен начинающегося нового этапа в жизни государства фиксирует меняющиеся «родовые» характеристики СССР. Это страна обыкновенных хороших людей, для которых частная жизнь так же важна, как работа; они любят отдыхать, умеют радоваться жизни, ссориться из-за пустяков, им доступна вся полнота эмоций. Прогулка по реке дает друзьям возможность поговорить, вспомнить свою жизнь, определиться с новыми приоритетами, поменяться. Речное путешествие становится для них своего рода испытанием, проявляя в каждом лучшее и худшее, подталкивая их к изменениям.

Волжанку — девушку, живущую на Волге, из одноименной песни на стихи Анатолия Пришельца (1957) влюбленный в нее герой видит волжским «золотым вечером» тоже в лодочке: «Вся от солнца золотая, ты на лодочке плывешь». Волга в этой песне — не великая русская река, но всего лишь часть милого глазу пейзажа наряду с березками, елками, полянками, соловьями, розовыми тучками. Героев не интересует преобразование реки или ее экономическое государственное использование, они всего лишь ловят рыбу, готовят уху, назначают на берегу свидания, любят виды.

³⁴ Матусовский М. Лодочка, 1954.

³⁵ Кузьменкова В. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 2007. Вып. 34. С. 38–45; Спиридонова Н. Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 2. С. 13–22.

В символическом ландшафте, организуемом советской песней, с середины 1950-х гг. намечается новая тенденция: вместо мощной реки — «соперницы» человека — начинает воспеваться речка, как место жизни, само по себе несущее безоговорочную ценность. Самая известная песня этого времени — «Подмосковные вечера» на слова Михаила Матусовского (1956) подтверждает меняющуюся картину:

Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра,
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера³⁶.

Песни, которые исполняют герои — добровольцы популярных в эпоху «оттепели» комсомольских строек, вливаются в звуки меняющегося на глазах мира не полноводной рекой, а всего лишь ручьем:

Зовет страна решительных и стойких,
Горят отвагою глаза.
Ручьем весенним в песне нашей стройки
Звенят девичьи голоса³⁷.

Начавшееся в конце 1950-х гг. строительство мощных гидроэлектростанций на больших сибирских реках сопровождается «официальными» песнями, где «новые» реки и города, названия которых заняли свое место на дискурсивной карте СССР, предстают местом не индустриальной битвы, но радости и надежды:

А река бежит, зовет куда-то,
Плывут сибирские девчата
Навстречу утренней заре
По Ангаре,
По Ангаре³⁸.

Характерная для эпохи «оттепели» полемика по отношению к предшествующему периоду развития советского общества проявляется, в частности, в отказе от идеи тотальной мобилизации. Жизнь человека по-прежнему в качестве важнейшей составляющей включает труд на благо общества, и государственно значимые песни, конечно же, не отказываются от темы преобразования мира, но меняется интенция: результатом преобразований провозглашаются не столько электростанции, сколько увлекательная жизнь их строителей, с романтикой, интересными делами, глубокими чувствами.

В песне «Марчук играет на гитаре» (характерно вынесение в название песни фамилии главного героя) «дикая Ангара», превращенная усилиями героев в «море Братское» (ключевой для песни мотив братства), становится в первую очередь поводом для воспоминаний, частью биографии строителей Братской ГЭС:

Жизни не искал ты ласковой да гладкой,
И теперь припомнить вправе мы с тобой
Первую палатку,
Первую палатку,
Вьюги над замерзшею, над дикой Ангарой.
А нынче отстроенный Братск легендарен,
И катер по морю плывет,
Марчук играет на гитаре,
И море Братское поет³⁹.

³⁶ Матусовский М. Подмосковные вечера, 1956.

³⁷ Гребенников С., Добронравов Н. Нас мечта зовет, подруги, 1963.

³⁸ Гребенников С., Добронравов Н. Девчонки танцуют на палубе, 1963.

³⁹ Гребенников С., Добронравов Н. Марчук играет на гитаре, 1963.

В песне «Над широкой Обью» есть набор типичных образов эпохи индустриализации:

Как растут плотины
На твоём просторе,
Скоро ль в новом море
Зашумит прибой?
Скоро ль твоя сила
Закружит турбины,
Брызнет ярким светом
По земле родной?⁴⁰

Однако важнейшей частью описания становятся пейзажные красоты «стороны сибирской», а именно реки Оби:

Над широкой Обью
Бор шумит зелёный,
Над широкой Обью
Чайки день-деньской...
И сверкают зори
Над обской волной.

В текст также включен разговор двух «подруг» и «сестер» — рек Волги и Оби. Волга посылает «в гости» к «сибирячке» «мастеров бетона» «парней с Волго-Дона» — строителей электростанций, для того, чтобы, «как утес, плотина / Поднялась над морем».

Работа построенной электростанции изображается не через образы завоеванной реки, начавших работать заводов или освещённых домов. ГЭС принесла в мир новую музыку:

Поют турбины
Песню об Отчизне,
О великой славе
Партии родной!

Иными словами, метафорически подчеркивается гармоническое единство индустриально-природного советского пространства:

В стороне сибирской
Песни Волго-Дона
Породнились с песней
О волне обской.

В такой огласовке гидроэлектростанция как источник не столько электроэнергии, сколько песен, по сути, завершает ландшафт, добавляет ему красоты и выразительности.

* * *

Аналогичная картина возникает в «Письме на Усть-Илим» — ещё одной песне, где строительство гидроэлектростанции является поводом для проявления скрытых до этого чувств героев. Красота дикой сибирской природы не только не разрушается после строительства электростанции и возникновения рукотворного моря, но, наоборот, проявляется, так как обретает видящего её человека. Наблюдатель романтизирует образ реки, приписывает природе свою тоску по разлуке с любимой:

⁴⁰ Пухначев В. Над широкой Обью, 1964.

Усть-Илим на далекой таежной реке,
Усть-Илим от огней городских вдалеке,
Пахнут хвоей зеленые звезды тайги,
И вполголоса сосны читают стихи.
Усть-Илим, над Москвой твои ветры поют,
Усть-Илим, твои ветры в дорогу зовут,
Усть-Илим... две зеленых звезды в небесах...
И костер... и тоска в его рыжих глазах...⁴¹

Одной из важнейших функций образа реки в русской культуре является формирование региональной идентичности. В «оттепель» ситуация не изменилась, но акцент в этот период делается на гармоничном сосуществовании человека с рекой: река «обеспечивает» человека необходимой ему для полноценной жизни красотой, он, в свою очередь, наделяет ее смыслами.

Одной из первых песен, которую советские дети разучивали еще в детских садах, была песня на слова Анатолия Пришелеца, начинавшаяся словами:

То березка, то рябина,
Куст ракиты над рекой...
Край родной, навек любимый,
Где найдешь еще такой!⁴²

Моря, горы, дороги, цветущие сады, наряду со скромным речным пейзажем, с этого времени постоянно соотносятся с образом «детства золотого» советского человека, являются популярной идеальной картинкой «тихой моей Родины» (Н. Рубцов).

Во многих «локально-патриотических песнях»⁴³ река изображена как важная примета города. «Город над вольной Невой» (Ленинград), «город на Оби» (Новосибирск), «город над Томью» (Томск) и т. п. продолжают принятую в фольклоре традицию региональной идентификации через реку. Важнейшей особенностью таких песен является соотнесение качеств реки и обитателей места, где она протекает. В песне Евгения Долматовского лирический герой рассказывает, как:

На Волге широкой, на стрелке далекой,
Гудками кого-то зовет пароход.
Под городом Горьким, где ясные зорьки,
В рабочем поселке подруга живет⁴⁴.

Ясность отношения к миру, широта натуры, внутренняя свобода, трудолюбие — качества, которыми река как будто наделяет героя и его подругу.

Такая традиция, продолжаясь в период «оттепели», развивается в направлении формирования менее помпезного образа городов, а также выражения теплой привязанности к городу и реке как его важной части. Одна из самых популярных песен о городе той поры — «Вечерняя песня» — содержит в себе набор традиционных для автобиографии лирического героя советской песни клише: «юность беспокойная моя», «юность комсомольская моя», «пора огневая», но при этом сама песня характеризуется непосредственно в тексте как «задушевная»:

Слушай, Ленинград, я тебе спою
Задушевную песню свою⁴⁵.

⁴¹ Гребенников С., Добронравов Н. Письмо на Усть-Илим, 1963.

⁴² Пришелец А. Песня о Родине, 1955.

⁴³ Лурье М. *Urbs et Terra. Поэтика локального патриотизма в песнях о городе // Литературные явления и культурные контексты*. СПб., 2005. С. 41–49. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/lurim23.pdf> (дата обращения: 31 августа 2022).

⁴⁴ Долматовский Е. Сормовская лирическая, 1951.

⁴⁵ Чуркин А. Вечерняя песня, 1962.

Автор выбирает редкий жанр колыбельной для города («Доброй ночи, родной Ленинград»), главной характеристикой которого по-прежнему остается тот факт, что он «город нашей славы трудовой». Но предметом изображения являются не символические, а реальные приметы Ленинграда: «В парках и садах липы шелестят», а важнейшей его характерологической чертой становится начальное определение: «город над вольной Невой». Свободная река будто бы не закована в гранит, не обуздана мостами; найдено некое гармоническое соответствие между парками и садами, «вольной» рекой и человеком, вместе создающими мирное, благополучное пространство советского города. Символическим воплощением этой гармонии оказывается песня:

Песня летит над Невой,
Засыпает город дорогой...

Аналогичным образом река, деревья и человек создают гармоничное пространство Ростова-на-Дону в песне «Ростовский вальс». Герой воспекает спокойный, красивый зеленый город, раскинувшийся широко, как река, на которой он стоит:

Много разных городов видел я, родная.
Только лучше, чем Ростов, города не знаю.
У реки казачьей он лег огромным садом.
Разольется если Дон — не окинешь взглядом⁴⁶.

Большие реки оказываются соразмерны человеку, который свое время укротил их и сейчас может пользоваться результатами новой, подчиненной ему «вольности». В то же время в песнях о Москве-реке подчеркивается ее природная неприметность («неширокая, неглубокая, невысокие берега»), но на ней расположена столица СССР, что делает реку «неповторимой»:

И стоит Москва, и красуется,
Достает Кремлем облака.
И, как песня неповторимая,
Прямо к солнцу спешит река⁴⁷.

Особенность Москва-реки состоит в ее обыкновенности, так как уникальность обеспечивается, в первую очередь, взглядом человека, который ощущает Москву как место значимое («сердцу русскому дорога»):

Пусть Москва-река — не Волга,
Ни в длину, ни в ширину.
Но готов я долго-долго
На нее глядеть одну⁴⁸.

Идентификация через реку возможна и тогда, когда речь идет не о конкретном городе, но о целой территории, через которую протекает река. В «Песне о Двине» создан характерный для русской традиции образ «могучей, раздольной» красавицы-реки. Река здесь, хотя и потенциально неукротимая («То не буря волны вспенила»), изображена как «мать-кормилица» европейского русского Севера:

Над тобою, мать-кормилица,
Разгулялось лето светлое:
На полях — хлеба высокие,
На лугах — стада несметные⁴⁹.

⁴⁶ Костырев Н. «В городе над Доном (Ростовский вальс)», 1959.

⁴⁷ Островой С. Песня о Москве-реке, 1964.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Ширшов Ф. Песня о Двине, 1963.

Именно поэтому Двину не надо преобразовывать, надо лишь пользоваться тем, что она может тебе дать. Река — место работы советского человека: Родина дала ему богатство — он платит за него трудом. Правомочность подобной сделки не обсуждается: труд — дело чести, почетная человеческая обязанность. Он способствует процветанию государства, человек получает в результате счастливое чувство приобщенности к значительным мировым событиям: «Корабли с дарами Севера к стройкам мира направляются». Хлеб, рыба, города — вот плоды родящей силы союза человека, земли и реки. Эта же тема плодотворности нового гармоничного союза человека и природы транслируется в песне «Приезжайте к нам на Север в гости», где также звучит тема богатства родных «светлых наших рек»:

В наших реках рыба не выводится,
И полны богатствами моря⁵⁰.

* * *

Если говорить о гендерной маркировке образа реки, то она в целом соответствует положению, установившемуся в СССР в период «оттепели»⁵¹. Четкая гендерная интерпретация образа реки, характерная для фольклора, сохраняется в первую очередь в песнях, написанных в фольклорном стиле.

Большая часть из них создана уже на излете, а прозвучала за пределами «оттепели» в рамках моды на «историзм». Одним из ярких примеров «мужской» песни, выражающей сомнения и тоску героя, является драматическая песня Юлия Кима, прозвучавшая в телефильме «Бумбараш»:

Ходят кони над рекою,
ищут кони водопою,
А к речке не идут —
больно берег крут.
Ни ложбиночки пологой,
ни тропиночки убогой.
А как же коням быть?
Кони хотят пить.
Вот и прыгнул конь буланный
с этой кручи окаянной.
А синяя река
больно глубока⁵².

В песне «Как по Волге-матушке» Владимир Высоцкий создает своего рода квинтэссенцию популярных мужских гендерных символов, связанных с рекой:

Вниз по Волге плавая, прохожу пороги я...
Волга песни слышала хлеще, чем «Дубинушка»,
В ней вода исхлестана пулями врагов.
И плыла по матушке наша кровь-кровинушка,
Стыла бурой пеною возле берегов.
Долго в воды пресные лились слезы строгие.
Берега отвесные, берега пологие,
Плакали, измызганы острыми подковами,
Но теперь зализаны злые раны волнами...
Лапами грабастая, корабли стараются,
Тянут баржи с Каспия, тянут-надрываются,
Тянут, не оглянутся, и на версты многие
За крутыми тянутся берега пологие⁵³.

⁵⁰ Мусиков В. Приезжайте к нам на Север в гости, 1963.

⁵¹ Пушкарева Н. Л., Битокова Т. В. Женская городская повседневность второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. в советской и постсоветской историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 2. С. 305–320.

⁵² Ким Ю. Ходят кони... 1970.

⁵³ Высоцкий В. Как по Волге-матушке... 1970–1972.

Река-труженица, река-воительница, река-защитница являет своего рода образец для героя: мать своим примером учит сына. Река предстает как искушение, смертельное испытание, на которое настоящий мужчина не может не пойти. В сочетании с образом коня — также знака мужских боевых испытаний — река становится местом проверки «настоящей» мужественности.

В ситуации подчеркнутой субъективности, характерной для литературы «оттепели», важно, кто именно рассказывает о реке. Так, в своеобразной диалогии Льва Ошанина о сибирской реке Бирюсе, до того мало кому известной, слушатель легко угадывал диалог мужчины и женщины, который может служить примером для постколониальных штудий. Мужчина из «белого города» «через реки, через горы» отправляется в Сибирь, к лесорубам, на речку Бирюсу:

Там, где речка, речка Бирюса,
Ломая лед, шумит, поет на голоса,
Там ждет меня таежная
Тревожная краса.

Женщина-«бирюсинка» — охотница в прямом смысле этого слова:

С ружьем уйдет под вечер,
Не найдешь четыре дня,
Может, в лося выстрел метил,
А ударил он в меня⁵⁴.

Городской герой чувствует себя «парусом на волне», он не может принять решение, быть или не быть ему вместе с героиней. Завоевание экзотической героини соотносится с освоением новых земель. Сибирская река для героя — испытание расстоянием, тревогой и нравом дикарки, которое он пытается смягчить частушечным юмором.

В свою очередь, в песне «Таежный вальс»⁵⁵ женщина отвечает герою, за что она любит «бирюсинские дали» «на дремучей реке Бирюсе»: там «обросшие смородиной скалы», «тянет медом с верховий», постоянно слышен шум реки («не найти полчаса, чтоб молчала моя Бирюса»). Идеальная «таежная» женщина подобна своей реке, она смиренная и непокорная, дикая и податливая, влюблена в героя, но знает цену его увлечению. Поэтому свою тайну она доверяет только реке: «Я боюсь, что случайно об этом / Бирюса разболтает тебе». Герой противопоставляет проницательности героини («Может, ты и пойдешь на медведя, / Да боишься в тайге комара») иронию, но укротить «бирюсинку» с ее здравым смыслом он не в силах, как не в силах укротить Бирюсу.

Изображение реки в песнях периода «оттепели» часто соотносится с открыто сексуализированным образом женщины, что также характерно для советского искусства эпохи «оттепели». Так, например, в уже упоминавшейся ранее песне о Москве-реке река описана как взрослая, опытная женщина:

То стыдливая, то беспечная,
То откроется вся до дна.
Сколько видеть пришлось ей разного,
Знает только она одна.

Песня Геннадия Шпаликова «Навигация» — типично мужская песня-приключение:

На меня надвигается
По реке битый лед.
На реке навигация,
На реке ледоход⁵⁶.

⁵⁴ Ошанин Л. Бирюса, 1963.

⁵⁵ Ошанин Л. Таежный вальс, 1963.

⁵⁶ Шпаликов Г. Навигация, 1964.

Хотя о том, мужчиной или женщиной является лирический герой / лирическая героиня этой песни, мы можем только догадываться: даже описание любовной игры («мы по палубе бегали, целовались с тобой») вписывается в новый тип раскованного поведения женщины, который стал новился все более характерным для искусства начала 1960-х гг.

Характерным примером двойственной гендерной маркировки является популярнейшая песня «Течет река Волга», каждый новый куплет которой начинается одинаково:

Издавека долго течет река Волга,
Течет река Волга,
Конца и края нет.
Среди хлебов спелых, среди снегов белых
Течет моя Волга...⁵⁷

Песня рассказывает о трех возрастах в жизни человека: семнадцать, тридцать и седьмой десяток лет. Мифология каждого периода жизни требует перечисления определенных черт возраста, река является символом неумолимо текущего равнодушного времени, внутри которого сменяют друг друга жизненные циклы, так как на смену одним поколениям приходят другие, и все повторяется: «другой мальчишка» переживает «первый взгляд и первый всплеск весла», «твою любовь», «дороги», «причал» и т. д.

Песня написана от лица мужчины и посвящена рассказу о мужской, а не о женской жизненной истории, но в тексте есть и женская реплика: мать, обращаясь к герою «сынок», говорит о его усталости от дорог и необходимости смирения перед ходом жизни:

Когда придешь домой в конце пути,
Свои ладони в Волгу опусти.

Песню начинали петь исполнители-мужчины, но самой знаменитой исполнительницей ее в СССР стала Людмила Зыкина, поэтому слушатели могли связывать эту песню с народными песнями о реке как символе женской судьбы. Текст песни позволяет эту двусмысленность. Женщина-исполнительница в данном случае словно воплощает природу-мать — Волгу своей мудростью, неспешностью, верностью заведенному порядку вещей.

Советское общество, существовавшее в условиях провозглашенного гендерного равенства, по-прежнему отдавало предпочтение текстам с выраженным делением на «женские» и «мужские» варианты сюжетной реализации образов реки.

* * *

В советском обществе периода «оттепели» сохранялась централизованная эстетизация идеологических установок. Популярные песни, знание их слов, а значит, формул описания социальных событий, наряду с другими формами пропагандистских текстов, «выравнивали» сознание советских граждан, задавая образы Отечества в целом и отдельных его частей, доминирующие представления о значительном в человеческой жизни, наконец, предпочтительные модели поведения.

Представления о реке, восходя к архетипическим значениям, связанным с водой, потенциально становятся существенным символическим ресурсом и для «работы» власти, и для формирования коллективных идентичностей. При этом образ реки, как и другие определяющие картину мира, менялся в зависимости от конкретной исторической ситуации. Само название эпохи «оттепели» включало образ воды — таяния снега, бурного течения новой жизни, освобождающейся от сковывающего льда прежних правил и традиций. Популярные песни эпохи «оттепели» микшируют мотив «бури», переводя революционность в область НТР и выполнение государственных заданий. Постепенно они меняют представление советского человека о мире, где он живет, создавая образ дружелюбного пространства СССР, где человек — не только «хозяин необъятной Родины своей», но житель красивого места, в котором ему интересно жить. Река перестает быть объектом приложения производственных усилий, соперницей, которую необходимо подчинить и заставить работать на государство, но все больше связывается с отдыхом, созерцанием природы, размыш-

⁵⁷ Ошанин Л. Песня о Волге, 1964.

лениями о жизни, любовью. Течение реки соотносится не только с мотивом неумолимой судьбы, но и с волей, раскованностью. Этот образ, вне сомнения, импонировал людям, уставшим от недавней войны, жесткости и жестокости предвоенных, военных и послевоенных мобилизаций.

Конечно, отчасти изменение образа реки было связано с тем, что с середины 1950-х гг. советские люди стали «штурмовать» не реки, а небо космическими ракетами. Появились новые ключевые слова, связанные с темой покорения природы, — космос и тайга. Река и человек к этому времени уже изображаются как находящиеся в согласии. В песне Михаила Матусовского «Рабочий человек» так описана гармония глазами человека 1962 г.:

Корабли плывут под звездами,
Гордо высятся мосты:
Это все не богом создано,
Это сделал только ты!
Ты построил эти здания,
Ты направил русла рек,
Нет на свете выше звания,
Чем Рабочий Человек!

Мосты уже построены, каналы проведены, реки поменяли русла, человек научился строить гидроэлектростанции, как кажется в тот момент, без ущерба для природы.

Таким образом, отношения человека и реки могут являть собой образец взаимного взаимовыгодного мирного сосуществования, в песнях формируется образ пространства, не враждебного по отношению к человеку, природы, спокойно приемлющей человеческое вмешательство. Река оказывается пространством демонстрации, с одной стороны, прочного статуса советского человека как «хозяина необъятной Родины своей», а с другой — гармонии традиционных и новых ценностей, достигнутой на новом этапе развития советского общества. Изменения образа рек в песнях эпохи «оттепели» позволяют предположить, что они функционируют как часть репрезентации нового образа дружелюбного советского мира.

Однако стоит заметить, что в это же время в поэзии создается образ рек, альтернативный гармоническому песенному. Геннадий Шпаликов называет Западную Двину возможным местом своей гибели («Ах, утону я в Западной Двине»). Евгений Евтушенко создает в одноименном стихотворении 1964 г. образ лодочного перевоза Долгие Крики — российской глухомани как места настоящей скрытой мощи, где, собственно, проверяется значимость всего создаваемого современной культурой.

Кардинально образ реки начинает меняться в набирающей силу «деревенской прозе», очеркистике, развивающей экологические темы, что буквально через десятилетие приведет к появлению «Царь-рыбы» (1976), «Прощания с Матерой» (1976) и множества других текстов, где река вновь станет центром сражения человека и природы, но исход этого сражения всегда будет не в пользу человека⁵⁸.

Особенно ощутимо это различие, если сравнить тексты об одних и тех же местах, создаваемые в разные периоды вслед за изменением общественных умонастроений. В «перестройку» происходит в прямом смысле смена значений того ландшафта, что мы рассматривали, говоря о песнях «оттепели»: на излете советской власти происходит своего рода деконструкция того, что было создано ранее. Например, Северной Двине посвящено одноименное стихотворение Александра Городницкого, где названы совершенно иные по сравнению с «оттепельными» песнями приметы этого края: «пыльные сцены поселковых клубов», «леспромхозы», «северные злые комары», а красота белых ночей («лишь чернь и серебро») всего лишь оттеняет «видения зловещего ГУЛАГа» и превращается в «многодневную пытку» бессонницей.

В песнях, постоянно исполняемых уже по постсоветскому радио, существующему вне государственного контроля, также рассказывается о бывших ранее предметом изображения реках.

⁵⁸ Галимова Е. Поэзия пространства: образы моря, реки, леса, болота, тундры и мотив пути в северном тексте русской литературы. Архангельск, 2013.

Бит-квартет «Секрет», не касаясь трагического исторического прошлого, создает весьма драматический образ реки, на которой стоит столица России:

И вот Москва-река течет,
и тает лед, в мельканьях мод
проходит год, и жизнь идет:
привет — пока.
А мне согреться тяжело,
вон сколько снега намело,
Уносит прочь мое тепло
Москва-река.

Глеб Самойлов, в 2012 г. описывая мучения от «лета серого цвета», восклицает:

И если бы так не воняла Москва-река,
Москва-река
Сердце успокоит на века!

Дурно пахнущая незамерзающая река, уносящая тепло земли и вызывающая тоску у героев, мало общего имеет с трогательной речкой эпохи «оттепельных» подмосковных вечеров. Но образ реки в песнях по-прежнему используется и формирует у слушателей определенный образ мира, подтверждая одну из любимых русских максим: какое время — такие и песни.

References

- Anninsky L. *Shestidesyatniki i my: kinematograf, stavshiy i ne stavshiy istoriyey* [The Sixtiers and We: Cinematography That Has Become and Has Not Become History]. Moscow: VTPO Kinotsentr Publ., 1991. (In Russian).
- Bergman P., Luckman T. *The Social Construction of the Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London: Penguin Books, 1991. (In English).
- Bobunova M., Khrolenko A. *Konkordans russkoy narodnoy pesni* [Russian Folk Song Concordance]. Kursk: Izd-vo KGU Publ., 2007. (In Russian).
- Brusilovskaya L. *Kul'tura povsednevnosti epokhi "otpepeli": Metamorfozy stilya* [The Everyday Life Culture of the "Thaw" Era: Metamorphoses of Style]. Moscow: RGGU Publ., 2000. (In Russian).
- Cherednichenko T. *Tipologiya sovetskoy massovoy kul'tury. Mezhdru "Brezhnevym" i "Pugachevoy"* [Typology of Soviet Mass Culture. Between "Brezhnev" and "Pugacheva"]. Moscow: RIK "Kul'tura" Publ., 1990. (In Russian).
- Chudakova M. *Novyye raboty. 2003–2006* [New works. 2003–2006]. Moscow: Vremya Publ., 2007. (In Russian).
- Chuprinin S. *Otpepel': v 3 t.* [Thaw: in 3 vols.]. Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ., 1990, vol. 1. (In Russian).
- Firsov B. *Raznomysliye v SSSR. 1940–1960-ye gody* [Diversity of Opinion in the USSR. 1940s–1960s]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo Universiteta Publ., 2008. (In Russian).
- Galimova E. *Poeziya prostranstva: obrazy morya, reki, lesa, bolota, tundry i motiv puti v severnom tekste russkoy literatury* [Poetry of Space: Images of the Sea, Rivers, Forests, Swamps, Tundra and the Motif of the Way in the Northern Text of Russian Literature]. Arkhangelsk: KIRA Publ., 2013. (In Russian).
- Gasparov B. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Linguistic Existence]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 1996. (In Russian).
- Günther H. [Singing Motherland: Soviet Mass Song as an Expression of the Mother Archetype]. *Voprosy literatury* [Studies in Literature], 1997, no. 4, pp. 46–61. (In Russian).
- Hausman G. *Mütterchen Wolga: Ein Fluss als Erinnerungsort vom 16. bis ins frühe 20. Jahrhundert*. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2009. (In German).
- Kusmidinova M. *Kontsept Volgi v istoriko-kul'turnom razvitii Rossii: filosofskiy analiz* [The concept of the Volga in the Historical and Cultural Development of Russia: A Philosophical Analysis]. Astrakhan: Astrakhan Universitet Publ., 2010. (In Russian).
- Kuzmenkova V. [Diminutive as a Means of Expressing the Implicit Meanings of an Utterance]. *Yazyk. Soznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Consciousness. Communication]. Moscow: MAKS-Press Publ., 2007, iss. 34, pp. 38–45. (In Russian).

Lebina N. *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy: destruktsiya bol'shogo stilya: Leningrad, 1950–1960-ye gody* [Everyday Life of the Space and Corn Era: Destruction of the Big Style: Leningrad, 1950–1960s]. Saint Petersburg: Pobeda Publ., 2015. (In Russian).

Litovskaya M. The River in Thaw-era Soviet Popular Song (1954–1970): The Formation of an Amicable Space. *Water in Social Imagination — from Technological Optimism to Contemporary Environmentalism*. Leiden; Boston: Brill, 2017, pp. 119–144. (In English).

Lurie M. [URBS ET TERRA. Poetics of Local Patriotism in Songs about the City]. *Literaturnyye yavleniya i kul'turnyye konteksty* [Literary Phenomena and Cultural Contexts]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. un-t kul'tury i iskusstv Publ., 2005, pp. 41–49. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/luriem23.pdf> (accessed: 31 August 2022). (In Russian).

Mineralov Yu. *Tak govorila derzhava. XX vek i russkaya pesnya* [Thus the Country Spoke. 20th Century and Russian Song]. Moscow: Izdatel'stvo Literaturnogo instituta Publ., 1997. (In Russian).

Priroda i tsivilizatsiya. Reki i kul'tury. Materialy konferentsii, posvyashchenoy 100-letiyu vykhoda v svet 1-go russkogo izdaniya knigi vydayushchegosya uchenogo I. I. Mechnikova "Tsivilizatsiya i velikiye istoricheskiye reki" [Nature and Civilization. Rivers and Cultures. Materials of the Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Publication of the 1st Russian Edition of the Book of the Outstanding Scientist I. I. Mechnikov "Civilization and Great Historical Rivers"]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom Publ., 1997. (In Russian).

Pushkareva N. L., Bitokova T. V. [The Daily Lives of Urban Women During the Khrushchev Thaw in Soviet and Post-Soviet Scholarship]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 305–320. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-2-305-320. (In Russian).

Reka i gora: lokal'nyye diskursy. Materialy mezhdunar. nauch. konf. "Ural i Karpaty: lokal'nyy diskurs gornyykh mestnostey" (Perm', 29–30 oktyabrya 2009) [River and Mountain: Local Discourses. Proceedings of the International Sci. Conf. "The Urals and Carpathians: Local Discourse of Mountainous Areas" (Perm, October 29–30, 2009)]. Perm: Lab. politiki kul'turnogo naslediya Publ., 2009. (In Russian).

Rosovetsky S. K. [Peasant and Urban Songbooks of the 1940s–1970s: An Experience of Statistical Research]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Moscow: Gosudarstvennyy respublikanskiy nauchnyy tsentr russkogo fol'klora Publ., 2010, iss. 13, pp. 146–173. (In Russian).

Sandomirskaya I. *Kniga o Rodine: Opyt analiza diskursivnykh praktik* [Book about the Motherland: Experience in the Analysis of Discursive Practices]. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 2001. (Wiener slawistischer Almanach; Sonderband 50). (In Russian).

Shchukin V. [Mythopoetics of the City and the Century (Four Songs About Moscow)]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnyykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences], 2013, no. 6, pp. 8–38. (In Russian).

Spiridonova N. [Russian Diminutives: Problems of Formation and Meaning]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1999, vol. 58, no. 2, pp. 13–22. (In Russian).

Stepanov Yu. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow: Shkola yazykov russkoy kul'tury Publ., 1997. (In Russian).

van Dyik T. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Saga, 1998. (In English).

Weil P., Genis A. *60-ye: Mir sovetskogo cheloveka* [60s: The World of the Soviet Man]. Moscow: AST; Corpus Publ., 2013. (In Russian).

УДК 82.0

Кораблёв Александр Александрович

д. филол. н., профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы и теории словесности
Донецкого национального университета (ДНУ, Донецк)

ORCID 0000-0003-1362-6283

E-mail: dikoepole@rambler.ru

**Сотворение мира как онтология творческой предопределенности:
геопэтика и теопэтика (на примере генезиса донецкой словесности)**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются онтологические предпосылки региональной творческой парадигматики на примере формирования новой донецкой словесности. В качестве опознавательного маркера избран концепт «сотворение мира», который повторяется в творчестве известных донецких поэтов (Борис Ластовенко, Наталья Хаткина и др.) и донецких филологов (Михаил Гиршман, Владимир Федоров и др.). Проанализированы стихи из дебютного поэтического сборника Н. Хаткиной «Прикосновение» (1981), характеризующие его литературность и концептуальность, а также полемическую направленность в отношении методологических принципов донецкой филологической школы. Изложены основные тезисы теории целостности М. Гиршмана и космогонической концепции В. Федорова. Категория «целостность» показана как основной интегрирующий принцип Донецкой филологической школы, которая, соответственно, производила апробацию филологической целостности. Целостность утверждается донецкими филологами как универсальный принцип художественного мира. Дополнением теории целостности М. Гиршмана является филологическая космогония В. Федорова, который исходит из предпосылки о словесности как коренном качестве мироздания, поскольку «В начале было Слово». Соответственно, филология предстает как внутренняя форма всех наук и всех форм знания. На основании тематического сходства и концептуальной соотнесенности ведущих донецких поэтов и филологов и ввиду их взаимной независимости высказывается гипотеза о наличии общей геопэтической предпосылки их творчества, а закономерности «сотворения мира» осмыслены как онтология творческой предопределенности. В качестве одного из подтверждений этого предположения представлены литературные опыты автора статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теория целостности, филологическая космогония, региональная литература, донецкая филология, М. М. Гиршман, В. В. Федоров, Наталья Хаткина

UDC 82.0

Alexander A. Korablyov

Doctor of Philological Sciences, Donetsk National University (DPR, Donetsk)

ORCID 0000-0003-1362-6283

E-mail: dikoepole@rambler.ru

**Creation of the World as an Ontology of Creative Predestination:
Geopoetics and Theopoetics (On the Example of the Donetsk Literature Genesis)**

ABSTRACT. The article examines the ontological prerequisites of regional creative paradigmatics on the example of the formation of a new Donetsk literature. The Creation concept is chosen as an identification marker repeated in the works of famous Donetsk poets (Boris Lastovenko, Natalia Khatkina, etc.) and Donetsk philologists (Mikhail Girshman, Vladimir Fedorov, etc.). The author analyses poems from N. Khatkina's debut poetry collection «Touch» (1981), characterizing its literary and conceptuality, as well as a polemical orientation in relation to the methodological principles of the Donetsk philological school. The main theses of M. Girshman's theory of integrity and V. Fedorov's cosmogonic concept are also presented. The integrity category is shown as the main integrating principle of the Donetsk philological school, which, accordingly, tested philological integrity. It is claimed by Donetsk philologists to be a universal principle of the artistic world. M. Girshman's theory is complemented with the philological cosmogony by V. Fedorov who proceeds from the premise of literature as the root quality of the universe, since «In the beginning was the Word». Accordingly, philology appears as an internal form of all sciences and all forms of knowledge. Based on the thematic similarity and conceptual correlation of the leading Donetsk poets and philologists and in view of their mutual independence, a hypothesis is expressed about the presence of a common geopoetic premise of their creativity, and the laws of the Creation are interpreted as an ontology of creative predestination. As one of the confirmations of this assumption, the author's literary experiments are presented.

KEYWORDS: integrity theory, philological cosmogony, regional literature, Donetsk philology, M.M. Girshman, V.V. Fedorov, Natalia Khatkina

Геопоэтика и теопоэтика — области теоретических представлений об истоках творчества. Как явствует из их обозначений, это «земля» и «небо» художественных миров, противоположные пределы творческой устремленности и основные параметры ее обусловленности, на которые указывают Аристотель и Платон на знаменитой фреске Рафаэля. На эти же начала указывает и первый стих Библии: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1).

Опыты художественного и научного творчества служат основанием для максимальных экстраполяций и взаимоуподобления мирового эволюционного процесса и его частных человеческих проявлений — космогенезиса и антропогенезиса. Как показывают эти опыты, для осуществления творческого акта необходим не только субъект («творец»), но и его энергийно-информационный источник — непосредственный («вдохновение», «озарение», «наитие» и т. д. — как импульс и перспектива творчества) и опосредованный («природа», «мир», «космос» — как образцы и генераторы творения). Особый теоретический интерес должна вызывать практика коллективного авторства, и не только креатика фольклора с его долговременной, многопоколенческой генеративностью и культурно-исторические парадигмы с их этнонациональной и хронологической доминантами, но и феномены возникновения региональных литератур как целостно-системных образований.

В логике больших аналогий возникновение литературы — и в целом, и в ее частностях — как словесное воспроизведение мирообраза во всех его человеческих мироподобиях, повторяет сакральный алгоритм творения. Донецкая литература, в силу ее локальности и новорожденности, даже удобнее для рассмотрения литературного генезиса, чем многовековые и необозримые словесные традиции. Почти в точном соответствии с библейским описанием, первоначально донецкая земля была «безвидна и пуста» (Быт. 1:2) и называлась Диким полем; затем в семантике этого пространства выделились и противопоставились «свет» и «тьма»: Святые горы и inferнальные угольные подземелья; затем в донецкой степи появились искусственные горы («терриконы»), искусственные водоемы («ставки»), искусственные леса («посадки»); а потом над Донбассом зажглись искусственные звезды, пятиконечные, указывающие путь в светлое будущее; наконец, на земле донецкой из ее «породы», «огня», «дыма» и «пота» стал формироваться «новый человек», тоже отчасти искусственный, советский, homo soveticus. Конечно, эти процессы происходили на всей территории СССР, но в Донбассе, в «сердце России», как его называли, где был сосредоточен «атакующий класс», эти процессы были наиболее наглядны и мифологичны.

В середине 70-х годов в одном из дворцов культуры Донецка состоялся концерт рок-группы «Солнечный камень». Это было событие. Требовалось особое благорасположение городских властей, чтобы получить разрешение на проведение столь неоднозначного массового мероприятия. На этот раз власти поступили мудро и отчасти философски. Они позволили просочиться через «железный занавес» чуждой западной культуре (в виде композиций Deep Purple, Led Zeppelin, Santana и др.), но при условии, что в первом отделении концерта прозвучит что-то патристическое, донецкое.

Условия были соблюдены, но своеобразно: вместо чего-нибудь из апробированного советского репертуара прозвучала рок-опера «Сотворение мира» на стихи донецкого поэта Бориса Ластовенко. Тинейджерскому сознанию, не отягощенному не только чуждой, но и родной культурой, да еще разгоряченному огненной водой и ожиданием настоящего драйва, запомнилось, наверное, немного, но главное. Человек в гимнастерке, медленно и значительно вышедший на авансцену, должен был сразу показать, что речь пойдет прежде всего о восстановлении разрушенного мира. А когда этот человек поет, как он уходит из дома и «ветер треплет концы его дли-и-и-инного шарфа», становится ясно, что речь не только о восстановлении послевоенного Донбасса. Расширяясь, опера затрагивала уже и более общие смыслы, не менее тревожные, чем западное вторжение. Сложно сказать, насколько эти смыслы были осознанными для самих рокеров, но они были обозначены в названии, в художественной образности, в музыкально-сценическом исполнении.

Послевоенное строительство в Донбассе, развернувшееся во всесоюзную стройку, а с другой стороны, жанр оперы предрасполагали к формально-содержательной значительности, к библеистике

и, в частности, к геопоэтике. Мистериальное название представления формировало и теоретическую перспективу для желающих и способных ее помыслить. «Сотворение мира» могло быть осознано как универсальный концепт художественной воспроизводимости, как воссоздание сущностных форм существования, аналогичных физическому миру, как акт социальной регенерации, актуализация соприродного бытия в его изначально творческих основаниях.

Тогда же, в 70-е, в Донбассе стала формироваться новая литература, преодолевающая идеологические клише, восстанавливающая классическую онтологическую вертикаль. Эта теопоэтическая интенция отчетливо выразилась в стихах Натальи Хаткиной, чье творчество вскоре стало поэтическим камертоном донецкой словесности.

I

В 1981 году в издательстве «Донбасс» вышла дебютная книга Натальи Хаткиной, названная дерзко, остро, программно: «Околом». С этим словом она вошла в литературу еще в 1974 году, когда в мегатиражной газете «Комсомольская правда» были опубликованы четыре ее стихотворения, среди которых и «Околом» — утверждающее детский, дерзкий взгляд на мир. Околом — «это все, что ломит око, / все, что взгляд нетерпеливый / остановит на лету». Этот мир — простой, просторный («в синем небе — голубь белый, / в синем море — парус легкий»), но в то же время близкий и подробный, домашний и одушевленный («спит на варежке снежинка»), неожиданный и цветной, с его «случайными радугами», но и черно-белый, с его шахматно-математичной логикой («там, на белой-белой сцене, / рассчитав свои движенья, / умирает черный мим»). Из этих вроде бы бесцельных игр видимостей и невидимостей возникает миражное искусство странных отражений, его самопроизвольная эстетика («из пустышки выйдет радость»). Это всякий раз заново осознаваемая странность бытия и по-новому утверждаемое поэтическое остранение, превращающее взгляд в текст. «Околом» — это такой поэтический взгляд, который являет мир в его прекрасной ясности и простоте, но в преломлении, тоже ясном и простом, являющем и сам взгляд. «Околом» — это оптическая иллюзия, зеркальное письмо, но это такая оптика, которая, трансформируя мир, проясняет его естество и эстетику. Это поэтическая кодировка, являющая и сам код. «Околом» — это загадка, поэтизирующая обескураживающую простоту разгадки: «перевернутая надпись / на тележке с молоком».

«Околом» показывает: смотри, мир — загадочен, но учти, его разгадка — словесна. Мир явлен в словах, и некоторые явления нарочито названы словами: «Околом — какое слово!», «слово “Мир”», надпись «”молоко”». Эти слова взаимно отражаются («околом» — «молоко») и взаимно коррелируются («околом» и «молоко» соотносятся как «искусство» и «жизнь», и оба обусловлены понятием «мир»). Есть ли в этих словарных соотношениях и словесных играх объективный смысл, автор не говорит, но он знает, что в этом есть «радость».

Название было отвергнуто редактором. Сложно объяснить, почему: непонятно? непоэтично? неэтично? Хаткина предложила другое: «Жена клоуна». Концептуально — такое же. С одной стороны — представление, арена, краски, музыка, но с другой — жизнь как она есть, и даже не самого артиста, а его невидимой миру спутницы. Это название тоже не подошло. Что в нем было не так: несерьезно? несоциально? нелепо?

Сборник вышел под компромиссным названием «Прикосновение». Но компромиссность не отменяла концептуальности. Это становится ясно при сопоставлении первоначального названия с окончательным. «Околом» — выражение поэтического зрения, тогда как «Прикосновение» — изъяснение поэтики осязания. Оба названия обращены к жизненной эмпирике (к творческой конкретике, к пластике мировосприятия), но «Прикосновение» — это уже опыты контактного знания и рефлектирующей филологии. И если манифестация «околомной» поэтики представлена в соответствующем стихотворении и помещена на первой странице дебютного компендиума, то ментализация «прикосновенности» расположена в середине, означивая смысловой центр и духовно-вещественную вертикаль:

Был воздух уплотнен в божественной ладони,
и появились мы, и нас назвали — плоть.
И осязанье мы взлюбили в плоть
до жажды видеть дух овеществленный.

Онтология миротворчества, по Хаткиной, тотальна, исторична и персональна. Она предопределяет человеческую жизнь, она предрасполагает к творческому самоосуществлению, но она и обнаруживает разноприродность духа и плоти и трагический разноуровневый разлад мышления и речи:

И мы сгущаем — целое столетье —
до двух страниц, общенье — до острот,
любовь — до кратких встреч.
Но пусть нас обойдет
сгустить тоску до пули пистолетной,
когда унизим мысль до языка.

В заключительных строках стихотворения онтологическая вертикаль натально, по-хаткински, заземляется, являя искусственную сладость и естественную горечь человеческого бытия:

Рябины на варенье дочь приносит.
Добавим сахару в сгустившуюся осень
и будем думать, что она сладка.

Сакраментальная вертикаль, соединяющая небесный план с земным, выражена и в образе полуразрушенной церковки, которая служит контуром и каналом сокровенных человеческих устремлений:

От церковки осталось так немного —
Четыре арки, что держали свод.
Ни риз, ни алтаря, ни страхов, ни красот —
Прямое сообщенье с Богом.

Отсутствие стен, не говоря уже о внутреннем убранстве, не отменяет святости и назначения заброшенного сооружения. Наоборот, «прямое сообщенье», без посредников, при всех рисках недопринять или недопонять, обостряет соприсутствие сверхжизненной реальности и предощущение посмертного воздаяния. Изображая вечное распутье души между адом и раем, поэт прозревает и третью возможность — продолжение земного бытия:

Войди, но знай — страшней всего удел —
Желаннее всего — когда на землю свыше
Отпущенный — ты к ней, шатаясь, выйдешь
И не поймешь — откуда ты и где.

Стихотворение осталось неопубликованным — вряд ли из-за деканонических вольностей, скорее из-за такой же, как и описанной в нем, конструкции, неприкрытой прямоты. Форма совпала с содержанием, но выпадала из формата издания. В таком неотформатированном и более откровенном черновиковом виде стихотворение дополняет и проясняет концептологию хаткинского поэтического дебюта. Инерция продолжающегося сотворения мира (в истории, в жизни, в искусстве) сопровождается актами сотворения человека.

Ад или рай — награда или наказание за прожитую жизнь — ветшающие (потому что неподтверждаемые) маркеры нравственного бытия — принимаются автором как необсуждаемая

данность. Хаткина не задается вопросом, так ли на самом деле устроен мир, для ее художественного традиционализма достаточно и того, что так устроена человеческая жизнь. Эти символы нередки и в ее стихах («Был сквозь окно замерзшее виден рай» и др.), и в прозе («Жизнь в раю»). Третий же исход остался в черновиках, в тайнописи, в умолчаниях. Это привилегия избранных, это пушкинское «весь я не умру», это хаткинское «я умру — как живу — невидимкой. / А быть может, совсем не умру». Это иллюзия бессмертия, хотя, быть может, и не только иллюзия.

* * *

Первая строка в первом стихотворном сборнике Натальи Хаткиной безыскусна, литературна, классична: «Перо, чернильница и лампа на столе...» Такое начало предрасполагает к литературному восприятию всего сборника в целом, что подтверждается его тематикой (творчество, ученичество, литературная школа и т. д.), присутствием литературных персонажей (Буратино, Золушка, Хавронья, Василиса Прекрасная, Ленский, Соьер и Финн), упоминанием литературных знаменитостей (Мольер, Чехов, Шекспир), цитатами («Бедный Йорик!»), аллюзиями («Ты мне не сторож») и др. Литературность хаткинского сборника, помимо того что она множественна, насыщена, характерна, а местами и нарочита, она к тому же, по некоторым признакам, системна и, более того, концептуальна. Так, первые два стихотворения — «Перо, чернильница...» и «Околом» — составляют программный диптих, двойной камертон, настраивающий читательское восприятие. Таким же бинарным, взаимодополняющим высказыванием представляется и следующая пара стихотворений — «Песенка о Буратино» и «Учителю».

«Песенка» — про то, как горюет папа Карло о пропавшем проказнике Буратино. Можно было бы сделать другого, послушного, прилежного («чтобы в школу ходил, как на праздник, / чтоб гордился своим букварем»), но мастер понимает, что клоны-куклы ему не нужны, а такого, как Буратино, он не сделает, потому что дело не в его мастерстве, а в исходном материале: «Ах, другого такого полена / никогда и нигде не найти».

В послании «Учителю» — та же история, только не сказочная, личная. Отношения ученика и учителя не складываются, ученик не хочет учиться, для него учеба — неволя, у него свое ученье — «в уловках, в ухмылках, в прогулах», он свободен и талантлив, он поэт. Но драма не в этом, не в отсутствии связи, понимания, преемственности. Драма в том, что на самом деле все это наличествует:

Я твой извратитель, я твой непочтитель,
виновник седин твоих, трус и злодей.
Но если меня ты отвергнешь, учитель,
ты станешь виновником смерти моей.

Стихотворение «Учителю», по признанию Хаткиной, написано с мыслью о ее научном руководителе, известном литературоведе и основателе Донецкой филологической школы Михаиле Моисеевиче Гиршмане (1937–2015). Слово «школа» встречается в обоих стихотворениях и в примечательных контекстах. Буратино — не тот, кто бежит в школу как на праздник и кто гордится своим букварем, потому что, как объясняется в другом стихотворении, «школа и розга в сознании сплелись». Более определенно отношение Хаткиной к гиршмановской методике анализа высказано в ее неопубликованном, но публично прочитанном шуточном стихотворении, где авторская полемика сопровождается филологической аргументацией:

Я, конечно, пока что не классик,
Но меж нами совсем не стена:
По количеству гласных-согласных
Я им в общем и в целом равна.

Повторяется мысль о неуловимости поэта, и не только прижизненной, но и посмертной:

Разобрав мои строчки до точки,
Ты их бросил на цинковый стол.
Ты и почки нашел, и кишочки,
Только сердца, увы, не нашел.
Плохо ямку копаешь, старатель,
Ковыряясь в бумажной судьбе.
Моим сердцем владеет читатель.
Угадай, что досталось тебе?

Опоэтизированное хаткинское неповиновение учителю — защитная реакция поэта на подмену поэзии, которую он чувствует в себе как живую, им же порождаемую реальность, внешними, может быть, эстетически эффектными и миметически корректными, но безжизненными подобиями. Подмена происходит и при восприятии художественного текста, когда исследователь, используя научные методы, направленные на выявление формальных закономерностей и соответствий, получает и закономерный результат: языковой эквивалент внешнего мира — но только внешнего и только эквивалент.

Хаткинское отношение к миру подобно пушкинскому — это поэтический критерий подлинности: поэт сочувственно откликается на соприродное и уклоняется от всего, что ему чуждо. Это онтологическая двойственность: приятие физики мира в его конкретных проявлениях (красках, звуках, запахах, вкусах, прикосновениях) и отторжение метафизики мира в его абстрактных проекциях (теориях, концепциях и т. п.). Хаткинское невосприятие донецкой филологии аналогично пушкинскому неприятию немецкой метафизики («Бог видит, как я ненавижу и презираю ее...»¹), филологическая аналитика в ее представлении инфернальна и убийственна, поэты — жертвы филологического насилия:

Спешит к ним филолог глазастый,
Хромая, как бес, на бегу.
В руках его скальпель и заступ,
Концепции гвоздик в мозгу.

На части он все разбирает
И тайну лишает чудес,
Поэтов он вновь убивает,
Сальери, Мартынов, Дантес!

В поэме «Лучшие годы» указание на изъян отвлеченного знания выражено с нежной дружеской укоризной:

Мой бедный друг! Бессильем истомись
и обрети попробуй сливы смысл,
минуя косточку, и кожицу, и мякоть.
Но не минуй меня! Я буду плакать.

В стихотворении «Сковорода» (2003) она возражает украинскому философу, поэтически генерируя текст его эпитафии («Мир ловил меня, но не поймал»):

¹ Пушкин А. С. Письмо Дельвигу А. А., 2 марта 1827 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 320.

В салочки с миром играем? И пусть, и пусть!
Раз извернусь — но позволю себя поймать.
Рыжей лисицей в железный капкан попадусь,
лапу себе отгрызу, но вернусь опять.

В бытность студенткой филологического факультета Хаткина уже имела репутацию бесспорного и безусловного поэта, но никоим образом не проявляла интереса к научной деятельности. После окончания университета она проработала по распределению один год в сельской школе, и этого времени ей хватило, чтобы больше ни в какую школу не возвращаться — ни в сельскую, ни в городскую, ни в научную. Предпочла работать в библиотеке.

Между тем Хаткина была настоящим филологом, если таковыми считать не тех, кто защищает диссертации и преподает в вузах, а кто точно и тонко чувствует слово, глубоко и широко знает литературу и ориентируется в теоретических дебрях. Постепенно она освоилась в статусе литературного критика: писала рецензии, предисловия к книгам, литературные пособия. Вокруг нее сформировалось литературное окружение (С. Заготова, Э. Свенцицкая, В. Рафеенко, О. Завязкин, В. Верховский и др.), где она была признанным мэтром, эталоном поэтического вкуса, литературтрегером, редактором, наставником. По сути, она создала в Донецке литературную школу, которая утверждалась как альтернатива именитой филологической школе.

Хаткина строит свой поэтический мир сообразно тому, в котором живет сама, который не уловка и не плен для духа, а естественная, органичная, необходимая форма земного, жизненного, человеческого существования. Хаткинская филология не только поэтична, но и личностна. Судьбы героев испытываются авторским жизненным опытом: Буратино, Золушка, Ленский... «Лишь училка деревенская / плачет вот уж десять дней / над нелепой смертью Ленского / и над участью своей» («Песенка о Ленском»).

В поэтические тексты Хаткиной вкраплены поэтологические категории и понятия, в том числе неназванные: повторы («И все вернется на круги своя...»), гармония («Гармонии не представляю иной...»), кристалл («Выйду из дому в мороз...»), почерк («Безвестные птицы в поместье гостят...»), верлибр («Окраине поэзии — хвала...»). И вся эта филология растворяется до кристаллизации в поэтической образности, собирается и скрепляется онтологической, небесно-земной, духовно-природной вертикалью, которая, помимо программного стихотворения, несколькими световыми столбами отмечена в архитектонике хаткинской поэтологии, начиная с первого поэтического сборника: от центрального («Был воздух уплотнен...») до предпоследнего, где совмещены «тихое облако тверди небесной» и «шумное дерево тверди земной».

* * *

Сотворение мира — концептуальная метафора классического литературного творчества. Благоклонно принимая цветущее многообразие творческого бытия, сама Хаткина держалась благословенной середины, предустановленности центра, предзаданной нормы («Письмо к эстету»). В русской литературе такая творческая установка именуется пушкинской. Центрирование литературы — одно из важнейших проявлений ее целостности и космогоничности. Пушкин потому и ассоциируется с Солнцем, что образует вокруг себя систему закономерных притяжения и отдалений, предопределяя своим бытием и местоположением порядок, превращающий литературную множественность в Литературу.

У нас нет полной уверенности, что у Хаткиной было столь амбициозное намерение — создать, подобно Пушкину, особую литературу, пусть даже тоже пушкинскую, продолжая пушкинскую архитектонику в новых культурно-исторических условиях и в отдельно взятом регионе. Возможно, это была просто «игра в классики» или дерзновенное, вдохновенное обучение в «школе Пушкина», попутно воссоздавая эту школу. Косвенным подтверждением этого предположения являются системность и концептуальность пушкинских аллюзий в творчестве Хаткиной, начиная с первого ее сборника.

Вхождение автора в мир большой литературы прочитывается в стихотворении «Выйду из дому в мороз...»:

Выйду из дому в мороз.
Ветер с налету облапит,
тело продует насквозь,
душу вчистую ограбит.

Изначальная, исходная, сказочная ситуация выхода из малого, обжитого, внутреннего пространства («дома») в большое, чуждое, холодное, пронизывающее, захватывающее, внешнее («мир») предстает как универсальная — как образ всякой человеческой жизни, независимо от ее устремлений и планов. Но ассоциативная образность стихотворения, притом специфическая, литературно-филологическая и литературно-философская и к тому же узнаваемо пушкинская, предполагает прочтение в нем не только общего содержания, но и необщего, неочевидного, личного.

Ветер — пушкинский образ творческой свободы, вдохновения, поэтический аналог духа, который веет, где и когда хочет («Осень», «Езерский», «Египетские ночи» и др.), но также и блоковский символ исторических перемен, социального творчества, онтологических процессов («Двенадцать»). Хаткинский ветер тоже творчески бытиен, но изображенный осязательно, физиологично. Это не наблюдаемый издали, как он «кружится в овраге» или надувает паруса, и не пронизывающий всех, кто рядом (прохожего, собаку...), а пронизывающий самого поэта, выявляя состав его естества: «тело продует насквозь, / душу вчистую ограбит».

Такова природа поэтического творчества — классического, нормального, отнимающего у человека его самого. Вот почему Хаткина наотрез отказывалась включать в сборник избранного свои предранние стихи — «сопли и вопли», как она их называла: там слишком много ее самой, непосредственно отразившейся в их зеркалах. Но значит ли это, что высокое искусство сверхчеловечно? Хаткина чувствует ледяной холод его вечности, но, подобно девочке Герде, пытается согреть его своим поэтическим прикосновением, остаться живой, собой, человеком:

Ветер, хоть что-то оставь
мне в эту ночь ледяную.
Память оставил — кристалл,
впаянный в клетку грудную.

Человеческое в поэте — его память: способность сохранять прожитую жизнь, пережитые впечатления, состояния, озарения. Богиня памяти — мать муз, прародительница искусства, согласно представлениям древних греков. Иначе говоря, она хранительница мироподобной матрицы, инвариация длящейся всевременности. Отъединяя прошлое от настоящего и будущего, память позволяет воспринимать прошлое отстраненно, эстетически, целостно. Человеческое восприятие жизни, запечатленное в памяти, восполняется сверхчеловеческим, матричным, божественным.

Память не только порождает искусство, но и возрождает. Пушкинское имя, отпечатанное, как представляется, навечно в памяти народной, подвержено, как и все другие имена, забвению, опустошению, умиранию, «подобно надписи надгробной на незнакомом языке», но память способна воскресить умершие смыслы, если это память сердца, где живет поэт. Поэтому и у Хаткиной поэтическая память — кристалл, впаянный в грудную клетку, а не чип, вживленный в мозг. Это переосмысленный пушкинский «магический кристалл», сквозь который поэт видит мир, его дали, образы, смыслы.

Поэт видит весь мир в целом и все в мире, не видит только себя. Это феномен односторонней рецепции, обусловленной человеческой ограниченностью, и не только зрительной, но и слуховой, эховой, тоже отмеченный Пушкиным: на всякий звук рождать свой отклик, не получая ответного отзыва. Это и шекспировская аллюзия — о невозможности вывернуть зрачки вовнутрь. Поэтическая рефлексия — иллюзия самопознания, хотя с помощью «магического кристалла»

такое познание оказывается возможным, когда это неспроста, сущностные вопрошания: «Знать бы, куда поверну, / где я, откуда и кто я?»

Ответы есть, но они странные, поэтические, пифические, скорее догадки, которые еще нужно адекватно истолковать. Это уже не отпечатки человеческой памяти, ограниченной отдельной жизнью, это обращение к общей человеческой сверхпамяти: «Помню лишь зиму одну / жизни, прожитой не мною». Что означает эта угадываемая в поэтическом наличии реинкарнация? Что она может означать, если следовать инерции поэтического восприятия? Пояснения — в следующей строфе:

С кем же я лето пропела?
Ветер толкает — пустяк!
Вот он забрался под перья
в полый мой птичий костяк.

Птица — такая же поэтологическая аллегория, как и ветер, и такая же пушкинская («Поэт», «Езерский» и др.). Если продолжать погружаться в анналы культурной памяти, то не избежать платоновского определения: «Поэт — существо крылатое». Этих ассоциаций достаточно, чтобы видеть в сборнике не просто птиц, но и поэтические знамения: «голубь белый» («Околом»); «птичьи шорохи под крышей» («А в доме дети. Их искать...»); акация воробьиная («Где безлистые кроны...»), лебедушка без крыла («Что дурак — не моя вина...»), канарейка («Зима. Спортплощадка пуста...»), «безвестные птицы» («Безвестные птицы в предместье гостят...»).

Пушкин ассоциировал себя с орлом («Узник»), царской птицей, имперской, верховной, а поэтическое вдохновение — с пробуждением или полетом орла («Поэт», «Езерский»). Хаткина же смиренно помещает себя в самый низ поэтической иерархии, но, кажется, затрудняется определить, что она за птица: голубь, канарейка, лебедушка?..

Продолжением этих птицепоэтических аллюзий станет сборник Хаткиной «Птичка божия» (2000), уже прямо и определенно рифмующий пушкинскую поэзию с собственной жизнью:

Птичка божия ее знает,
ни заботы, ни труда.
Я хочу, чтоб эта песня
была песней про меня.

В сборнике 1981 г. «птичка божия» вместо того, чтобы петь и летать, долбит мерзлую землю, являя все ту же небесно-земную вертикаль и обозначая свое пребывание на этой шкале. Финал стихотворения смыкает его ассоциативные потоки: бездомность, ветреность, память, птичья натура, «человечья судьба»... «Как же теперь возвратиться, / как мне добраться домой? / Так и останешься птицей, / вмерзнешь в кристалл ледяной».

Стихотворение «Выйду из дому в мороз...», насыщенное пушкинскими аллюзиями, содержит и более определенное, символическое подтверждение его протопушкинского происхождения. У него есть структурно-образный аналог: стихотворение, непосредственно обращенное к Пушкину, которое начинается таким же выходом поэта в свет, в мир, в мороз:

В морозный день из кельи душевной,
бессонницей и дымом сыт,
выходит классик простодушный,
мороз и солнце говорит.
Пушкинский стиль описан по-пушкински — кратко, емко, образно:

Как русский крепок, свеж и чист,
как ясен он в стихах и прозе!
Как будто яблоко разгрыз
Сейчас — на солнце, на морозе.

Пушкинские простота, легкость, свет, так любимые народом, скрывают другую, ночную сторону поэта, с философскими вопросами во время бессонницы, с мучительными воспоминаниями, с пугающими ответами и откровениями:

Вдыхает, целый свет любя,
морозный воздух и хохочет.
Как будто с ужасом в себя
он не глядел сегодня ночью.

Пушкинский жизненно-поэтический опыт осмыслен как образец творческого бытия, пресуществляющий пережитое содержание в прозреваемые формы.

В 2000 г., в новой коммуникативной реальности, Хаткина напишет еще одну вариацию этого поэтического сюжета, и тоже с пушкинскими реминисценциями: «Поэт выходит в интернет, / как денди лондонский одет...» Расширение творческого ареала, видимо, отвечало ее «всечеловеческому» самоощущению, в духе пушкинских поэтических преодолений языковых, национальных, культурных, ментальных и иных границ, но сопровождалось и внутренним самоограничением — традиционной формой и трансперсональным содержанием. Своей приверженностью пушкинской традиции и нормативной поэтики Хаткина становилась Пушкиным для своего литературного окружения и предопределяла собой и своим творчеством переформатирование донецкой литературы.

Хаткинская ориентация на Пушкина, на его поэтику и судьбу, и не только ориентация, но и усвоение, уяснение, уподобление, — это оригинальный опыт художественной филологии, имевший впечатляющие, хотя, может быть, и непреднамеренные последствия. Активированный и актуализированный потенциал пушкинской поэтики оказался действенным не только в создании отдельных произведений, но и в их системно-целостном единстве, в их взаимосвязях и взаимообращенности, в их метатекстуальности, которая оказалась интегрирующей и системообразующей для разных творческих индивидуальностей, находящихся в одном жизненно-литературном контексте. Воспроизводя пушкинские принципы литературной гармонии, творчество Хаткиной воздействовало на состояние донецкой литературы и, судя по результатам этого воздействия, совпадало с основными интенциями донецкой филологии.

II

Приехавший в 1966 году в Донецк будущий основатель филологической школы М. М. Гиршман успел к этому времени поработать школьным учителем, так что понятия «школа» и «учитель» уже тогда стали его житнетворческими определениями. Начинать он свой путь в науку как стиховед, и весьма успешно: его статья «Стихотворная речь» вошла в знаковый для своего времени трехтомник «Теория литературы в историческом освещении» (1965). Вскоре диапазон его научных изысканий расширился до изучения ритма прозы, но методика исследования осталась прежней: скрупулезный подсчет звуков, слогов, ударений и т. д., вызывающий двойственное отношение у его учеников: безмерное уважение к уму, энергии, энтузиазму ученого, но и сомнение, что этот путь приводит к сути поэтического высказывания, а не уводит от нее. Не только Хаткина, были и другие (например, «Фома Н.»), кто вопрошал учителя: «Все знают, что наука может не только улучшить нашу жизнь, но и уничтожить. Почему же мы не боимся, что наука может отнять у нас искусство?»²

Отвечая ученикам, учитель не только объяснял, для чего нужна наука в делах искусства и какова ее компетенция, но, по-видимому, и сам задавал себе подобные вопросы, потому что

² Гиршман М. М. Литературное произведение: Теория художественной целостности. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 9.

направленность его литературоведческих целеполаганий стала изменяться, условно говоря, от значений, которые можно верифицировать, к смыслу, который надо осознавать. В его докторской монографии³ достаточно подсчетов и расчетов, но есть и нечто существенно иное — *теория*, и не какая-нибудь абстрактная, локальная или прикладная, а фундаментальная, универсальная и не вполне научная — теория *целостности*.

Целостность, по Гиршману, это «первоначальное единство, саморазвивающееся обособление и обращенность друг к другу на основе глубинной неделимости полноты бытия, многочисленных и различных социально-этнических общностей и индивидуального существования каждого здесь и сейчас живущего человека в его конкретной историчности и неповторимой единственности»⁴. Дефиниция Гиршмана объясняла, как возникает художественное целое и почему художественный мир глубинно аналогичен и сущностно идентичен миру действительному. Будучи абстрактнейшей из абстракций, категория целостности обретала жизненное наполнение, поскольку целостность сверхлогична, она предполагает не только отвлеченное познание, но и бытийное постижение, личностное, резонансное совпадение с познаваемым. Целостный объект постижим в той мере, в какой целостен постигающий его субъект.

Целостность — собирающее, интегрирующее, фирменное понятие Донецкой филологической школы, но и раздражающее многих своей ускользающей обтекаемостью и оттого размножающееся на многочисленные трактовки⁵. Гиршман никогда не декларировал создание своей школы и, кажется, никогда не называл школой организованное им научное сообщество. Но он обосновал теорию, которая сама начала работать, подбирая себе последователей и провоцируя оппонентов.

Школа Гиршмана — апробация филологической целостности, союз творческих личностей на основе «первоначального единства» с необходимым «обособлением» и последующей «взаимообращенностью». Неизбежные случаи творческого (и нетворческого) уклонения в какую-либо односторонность в этом сообществе не пресекались, но фиксировались и осознавались как проблема, например, крайности субъективизма и объективизма⁶, поэтики и онтологии⁷ и т. п. Подобно опытному капитану или лоцману, Гиршман пролагал срединный путь в науке — между Сциллой безличной объективности и Харибдой беспредметной субъективности⁸.

Теория Гиршмана оказалась саморазвивающейся доктриной, которая осуществляется по своим же принципам: от утверждения «целостности» как всеобъединяющей категории — через ее категориально-личностные локальности («ритм», «стиль», «жанр» и др.) — к установлению между ними взаимопроникающих, диалогических отношений. «Диалог» осознается Гиршманом как личностное инобытие первоначального единства: «В начале было отношение», — повторяет он сакраментальную апофегму М. Бубера⁹. Это был ответ всем возражающим и сомневающимся — филологическая реконструкция миротворения и открывающаяся в ней восхитительная перспектива — «от слога до Бога», как не единожды определял ее донецкий профессор.

* * *

Вопрос о первоначале всего сущего — это вопрос не только о творении, но и о творчестве — о замысле Творца, о принципе мироустройства, о его программе, предопределяющей возможности дальнейшей творческой реализации. Этот вопрос, естественный для мифологического сознания, кажется нерелевантным и некорректным для художественной и научной компетенций, но если он все-таки задается, значит, существует потребность в таком взгляде на мир, сверхтварном,

³ Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. М., 1982. 368 с.

⁴ Гиршман М. М. Литературное произведение... С. 46.

⁵ Кораблёв А. А. Донецкая филологическая школа: Опыт полифонического осмысления. Донецк, 1997. С. 94.

⁶ Гиршман М. М. Литературное произведение... С. 9–13.

⁷ Кораблёв А. А. Донецкая филологическая школа: Пушкинский выпуск. Донецк, 1999. С. 121–122.

⁸ Кораблёв А. А. «Путь к объективности» М. М. Гиршмана как научная одиссея // Профессия: литератор. Год рождения: 1937: Коллективная монография. Елец, 2017. С. 155–163.

⁹ Гиршман М. М. Литературное произведение... С. 453.

творческом, побуждающем повторять, пусть гипотетически, процесс его сотворения, воспроизводя в его рукотворных подобиях законы бытия и сознания.

Принцип целостности предполагает, что любая частность воспроизводит целое, и человек, как микрочастица мира, в котором он осуществляет свое бытие, содержит в себе весь комплекс действующих законов этого мира. То, что было «в начале», повторяется в каждом новом рождении — в каждом начале нового, обособляющегося бытия. Таким образом, неизмеримо отдаленное во времени «начало» бытия оказывается индивидуально и интимно близким. Соответственно, каждая подлинно творческая самореализация воспроизводит не только законы творения, но и сам принцип творчества. В этом воспроизведении бытия и заключается подлинность творчества — его мимесис и экстазис, его геопэтика и теопэтика.

Относительно канонического христианского «В начале было Слово» (Ин. 1:1) тезис «В начале было отношение» воспринимается как фундаментальное определение другой традиции — постканонической, исходящей из философско-теологического осмысления основ иудаизма. Различие этих сентенций не покажется непримиримо принципиальным, если прочитывать формулировку св. Иоанна полностью, поскольку в ней определяются именно *отношения* — между ипостасями первоначального Субъекта: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Своеобразной филологической интерпретацией этих отношений является концепция другого донецкого профессора Владимира Викторовича Федорова (1941–2021) — существенная, но не принципиальная антитеза теории М. М. Гиршмана.

Понятие «поэтический мир» — центральное понятие докторской диссертации Федорова, которое он рассматривает в онтологическом плане. Выявляя закономерности художественной космогонии, опираясь в основном на учения Бахтина, Потебни, Гумбольдта, на закономерные взаимопереходы внутренней и внешней форм, профессор совершает головокружительный реверс, который меняет местами художественный и действительный миры. Федоров исходит из предпосылки о словесности как коренном качестве мироздания и рассматривает все разнообразие форм существования как проявления этого качества¹⁰, то есть не художественный мир является подобием мира действительного, а наоборот: мироздание в основе своей словесно, ибо «В начале было Слово». Чтобы подключить евангелический сакрум к логико-филологической цепи, Федоров допускает рискованное (и в логическом, и в металогическом смысле) умозаключение: «Филология — внутренняя форма, единая для всех наук (не исключая и их “царицы” — математики), точнее, всех форм знания вообще»¹¹.

Рассматривая мироздание филологически, Федоров дерзает осмыслить процесс его возникновения:

«“Сотворение мира”, безусловное благо для всего тварного, есть, с другой стороны, следствие и выражение (оформление) внутреннего неблагополучия. <...> Слова. “Небо и земля” — это продукты вынужденного воплощения Слова, следствие происшедшей (или происходящей) со Словом катастрофы. С момента творения начинается период непрямого (= неистинного) бытия Слова-человечества»¹².

Воплощаясь, федоровское «Слово-человечество» преображается в «язык-народ», однако не растворяется в языке, но определяется по отношению к нему как его внутренняя форма¹³. Возникающий конфликт между языком (иной формой Слова) и Словом (внутренней формой языка) разрешается *поэтически*. В этом заключается миссия поэта и его единственная цель. Эта миссия выполнима, если содержанием человеческого бытия является любовь, а единственной сферой, которая может вместить это содержание, является мироздание¹⁴.

¹⁰ Федоров В. В. Проблемы поэтического бытия. Донецк, 2008. С. 311.

¹¹ Там же. С. 311–312.

¹² Там же. С. 329.

¹³ Там же. С. 326.

¹⁴ Там же. Там же. С. 360–361.

На прямой вопрос слушателей, кто из поэтов способен совершать такую космогоническую регенерацию, Федоров отвечает: Пушкин. Для него это *единственный* поэт, чье поэтическое одиночество он возводит в универсальный и абсолютный принцип.

Среди современников статуса единственного поэта, и то с оговорками, Федоров удостоил только Юрия Кузнецова — то ли поверив его поэтическому самоопределению («Звать меня Кузнецов, я один...»), то ли по причине личного знакомства.

А Наталья Хаткина, поэт пушкинского типа, не была отмечена ни Гиршманом, ни Федоровым. Не была она замечена ими и как филолог.

III

Всякая повторяемость может оказаться закономерностью, особенно если она обусловлена общими предпосылками. Закономерно ли, что наиболее заметные донецкие поэты, знаменосцы своих поколений Борис Ластовенко и Наталья Хаткина и наиболее значимые донецкие филологи, системные теоретики литературы Михаил Гиршман и Владимир Федоров, обращались, каждый по-своему, к теме *сотворения мира*, а среди основных поэтических ориентиров избирали *Пушкина*? Между собой эти креаторы мало общались или вовсе не были лично знакомы: взаимоотношения Гиршмана и Хаткиной как учителя и ученика не сложились, как и отношения Гиршмана и Федорова, хотя формально Михаил Моисеевич был научным руководителем Владимира Викторовича; другие взаимосвязи (Хаткиной с Федоровым и Ластовенко со всеми перечисленными) практически отсутствуют. Значит, причина их интенциональной общности не персональная, а некая общеконтекстуальная, хронотопная, геопоэтическая? Понятие «хронотоп» здесь уместно именно в геопоэтическом значении — как оно воплощено в тысячестраничном документально-историческом повествовании «Хронотоп» Александра Рогожкина (2012–2013), сокурсника Н. Хаткиной, и как его определяет В.Г. Щукин: как «присущая процессу, событию или состоянию субъекта пространственная и временная оформленность и жанровая завершенность», как «время-место свершения», а не просто «время-пространство»¹⁵.

Это предположение сложно проверить и обосновать, если вообще возможно. Статистика скорее послужит опровержением, поскольку далеко не все поэты и филологи задаются вопросами мироустройства и миротворения, не всякий склонен к творческим саморефлексиям и не у всех возникает намерение привести свои мысли о мироздании в целостную систему. Такого рода тенденции определяются не большинством, а немногими «неадекватными» (в том смысле, что, с точки зрения большинства, они не вполне соответствуют требованиям и ожиданиям своего социума), нацеленными на сверхличностный результат. Возможно, это свойство провинции — стремление к самопреодолению, к превозможению своей пространственной ограниченности и отдаленности от центров, генерирующих культурно-исторические события.

В Донецком регионе с некоторых пор вселенские настроения стали характерным настроением творческих индивидов: антропологическая поэтология доцента В. И. Борисенко, теория мироздания поэта-авангардиста Яр-Ко Соняча, космическая поэтика Сергея Шаталова, философский клуб по изучению русского космизма под руководством Д. Е. Музы и др. Если все это — энергия и трансляция земли, тогда она воздействует на всех, а дальнейшее зависит от способности восприятия и возможностей реализации воспринятого. Стоило бы, кроме общих констатаций и предположений, исследовать природу этих воздействий научными методами, экспериментально, с помощью специальных приборов, или хотя бы описательно, с привлечением поэтических и психографических источников, но в настоящее время организовать такой исследовательский центр, к сожалению, не представляется возможным.

У автора этих рассуждений имеется в распоряжении только одно достоверное интровертивное свидетельство о том, как на окраине и на закате великой империи зарождалась новая литература, — его собственное. Поэтому, наверное, будет естественно, нарушив условности научного этикета, рассказать о своем соучастии в общем деле и рассказывать об этом от своего лица.

¹⁵ Щукин В. Г. Город и миф. Исследования в области геопоэтики. М., 2021. С. 80.

* * *

Все четверо соиздателей новой донецкой словесности, так сложилось, составили вокруг меня если не круг, то уж точно некий квадрат моего донецкого существования. Борис Ластовенко — первый профессиональный поэт, с которым я познакомился еще школьником; с Натальей Хаткиной — учился на филологическом факультете Донецкого университета, посещал литературные кружки и объединения, позже участвовал в совместных литературных, издательских и медийных проектах; с М. М. Гиршманом и В. В. Федоровым — общался вначале как студент, а потом как коллега, работал с ними на одной кафедре и принял ее сначала от одного, а потом от другого. У меня была возможность не только читать, изучать и публиковать их тексты, но также прочитывать их контексты — соотносить написанное с затекстовой реальностью. Я мог видеть некоторые моменты их личных контактов и личностных пересечений, обстоятельства их текстопорождений и предпосылки интертекстуальности. И я видел, что они хотя и рядом, но не вместе, каждый сам по себе, автономен и самодостаточен, что их творчество обусловлено не столько человеческим соседством, сколько их талантами, их личностной предзаданностью.

Не менее ценным для экстрафилологических наблюдений оказался личный творческий опыт. Находясь с авторами в одном контексте, в общем жизненном хронотопе, я мог ощущать, осознавать и фиксировать те же воздействия времени и места, которые предопределяли творчество моих современников и земляков. И вдруг обнаруживалось, что у нас, независимо друг от друга, возникают общие обращения, образы, обороты, словно мы создаем, каждый на своем месте, какой-то общий текст — *донецкий текст*.

У меня тоже был свой «Около» — такой же по-детски наивный, с таким же «рыжим мальчиком», как и я сам, который видит «в тарелке с печеньем разрушенный храм» и который, как демиург, «все в мире, как в доме своем, переставит», после чего скажет: «Пусть будет так!»

Позже, учительствуя в селе, в том же районе, где и Хаткина, я написал, как оказалось, свою версию хаткинского теопозитического шедевра «Был воздух уплотнен в божественной ладони...», мужскую — цикл «Семь чудес» (1979), который начинался так:

Создатель дивный мира и молчания!
Пока твое твердеет ремесло,
тяжелый хор окаменевших слов
удерживает своды мироздания.

Но всего удивительнее было для меня появление в моих стихах Пушкина — как живое соприсутствие и творческое совпадение. Странно, что поэтическая тема, уловившая этот образ в свои ритмы и смысловые сети, была той же, что и у Хаткиной: выход из дома, из замкнутого пространства, из ограниченного собой текста, и не в благодатную пушкинскую осень, что было бы естественно и ожидаемо, а тоже в зимний морозный день. И даже начальная строка этого стихотворного выхода была почти такой же, что и у Хаткиной («**Выйду** из дому в **мороз...**»), с тем же ключевым глаголом («Эх, **морозец! Выйду** утром...»):

Замело мою избушку,
занесло мое крыльцо.
А в избушке я да Пушкин,
ждем заветных бубенцов.
Выбегаем на дорогу,
ждем тебя издалека,
незнакомую немного,
неприступную слегка.

Было ощущение, что Пушкин действительно посетил тогда мой сельский дом, проник в мое уединенное сознание и стал открываться не так, как в университетские годы, не текстуально, а как бы выходя из текста, как бы высвобождая заключенную в тексте частичку своего бессмертного бытия.

Такие же двойственные, как и у Хаткиной, у меня были в ту пору отношения с М. М. Гиршманом: с одной стороны, благодарность за филологическую инициацию, с другой — сомнения в адекватности его методологии. Читая его стиховедческие разборы, я не чувствовал их необходимости. Все эти ударные и безударные, звонкие и глухие, схемы и сверхсхемы, несомненно, что-то значили, но, насколько я мог судить, не то, что предназначалось знать читателю и от чего зависело адекватное прочтение. Чувствовались только усилия исследователя обосновать взаимосвязь ритмики и эстетики, и я убеждался, что да, такая связь есть, но всякий раз забывал о ней, когда слушал или читал стихи, пробирающие до дрожи. И возникала крамольная мысль, что если без этого знания можно обойтись, то оно не очень-то и нужно, а значит, и не существенно. Свои сомнения я высказал учителю в коротком стихотворном вопрошании:

Сложное — ложно.

Простое — ничтожно.

Что же, скажи, непреложно?..

Ответа не предполагалось, но ответ пришел. Учитель написал: «...непреложно, наверное, только самое сложное и самое простое — то, про что писал Достоевский, что “эта живая жизнь есть нечто до того прямое и простое, до того прямо на нас смотрящее, что именно из-за этой прямоты и ясности и невозможно поверить, чтоб это было то самое, чего мы всю жизнь с таким трудом ищем”» (2.1.1982).

После такого ответа мое отношение к теории Гиршмана стало меняться. Впоследствии целостность и системность были мной осмыслены как противоположности, которые отражают простоту и сложность мира в их взаимовосполняющем единстве, что потом выразилось в монографии «Системология целостности» (2001).

Подобная двойственность у меня складывалась и с В. В. Федоровым: с одной стороны, восхищение его творческой оригинальностью, смелостью, целеустремленностью, с другой — безуспешные попытки воспринимать его космогонические конструкции без иронической улыбки. Тем не менее первый раздел в моей монографии называется «Поэтический космос».

Сейчас, находясь по-прежнему в том же донецком пространстве, но уже в другом времени, и перечитывая знакомые тексты своих коллег, в которых уловлено и зафиксировано состояние бытия в определенный период истории и в моменты творческих наитий, я обретаю новый ракурс для осознания прожитого и прочитанного: целостное восприятие внешне разрозненных явлений, проясняемое исторической дистанцией, которая, будучи зафиксированной, может стать и эстетической.

References

- Fedorov V. V. *Problemy poeticheskogo bytiya* [Problems of Poetic Life]. Donetsk: DonNU Publ., 2008. (In Russian).
- Girshman M. M. *Literaturnoye proizvedeniye: Teoriya khudozhestvennoy tselostnosti. 2-ye izd.* [Literary Work: Theory of Artistic Integrity. 2nd ed.]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2007. (In Russian).
- Girshman M. M. *Ritm khudozhestvennoy prozy* [Rhythm of Artistic Prose]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1982. (In Russian).
- Korablev A. A. [M. M. Girshman's "The Path to Objectivity" as a Scientific Odyssey]. *Professiya: literator. God rozhdeniya: 1937* [Profession: Writer. Year of Birth: 1937]. Elets: Yeletskiy Gosudarstvennyy Universitet Imeni I. A. Bunina Publ., 2017, pp. 155–163. (In Russian).
- Korablev A. A. *Donetskaya filologicheskaya shkola: Opyt polifonicheskogo osmysleniya* [Donetsk Philological School: An Experience of Polyphonic Comprehension]. Donetsk: Lebed' Publ., 1997. (In Russian).
- Korablev A. A. *Donetskaya filologicheskaya shkola: Pushkinskiy vypusk* [Donetsk Philological School: Pushkin Issue]. Donetsk: DonGU Publ., 1999. (In Russian.)
- Schukin V. G. *Gorod i mif. Issledovaniya v oblasti geopoetiki* [City and Myth. Research in the Field of Geopoetics]. Moscow: LENAND Publ., 2021. (In Russian).

УДК 82.1(470.5)

Созина Елена Константиновна

д. филол. н., профессор, заведующая сектором истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0002-7462-4153

E-mail: elenasozina1@rambler.ru

Локальности Урала в поэзии Екатерины Симоновой

АННОТАЦИЯ. В современной поэзии Урала Екатерина Симонова является одним из самых сильных и интересных поэтов с отчетливо своим голосом. В статье рассматривается поэтическая география Симоновой, ограниченная Уральским регионом. Симонова вышла из «нижнетагильской поэтической школы», как принято ее называть, учителем ее и других тагильских поэтов был Евгений Туренко. С 2013 года она живет в Екатеринбурге, однако Нижний Тагил сохраняет свое центральное значение в ее поэзии как город детства и юности, город поэтических истоков, место памяти, а эмпирически — город, где живут ее родители и где она бывает регулярно, поэтому в стихах он еще и выступает городом-дорогой. Стихи Симоновой близки к докупоезии и напоминают устные нарративы, естественным образом собирающиеся в верлибры. О пространстве и месте она пишет сюжетные стихотворения, в которых к каждому локусу бывает привязана особая история, взятая из жизни, необязательно личной, зачастую из жизни семьи и рода. В качестве комментария и дополнения к стихам Симоновой в статье приводятся ее посты из социальной сети — сродни дневниковым записям, среди них выделяется история «бабки Матрены», когда-то жившей в Висимо-Уткинском поселке, основанном еще Акинфием Демидовым. Малая история семьи тесно соприкасается в этом нарративе с большой историей страны, к которой, безусловно, оказывается причастна и сама Екатерина Симонова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатерина Симонова, Уральский регион, нижнетагильская поэтическая школа, места памяти, локальная история

UDC 82.1(470.5)

Elena K. Sozina

Doctor of Philological Science, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0002-7462-4153

E-mail: elenasozina1@rambler.ru

The Urals Localities in the Poetry of Ekaterina Simonova

ABSTRACT. In the Urals' modern poetry, Ekaterina Simonova is one of the most powerful and interesting poets with a distinctly own voice. The article deals with Simonova's poetic geography, limited to the Ural region. Simonova came out of the so called «Nizhny Tagil poetry school», Yevgeny Turenko was her and other Tagil poets' teacher. Since 2013, she has been living in Ekaterinburg, but Nizhny Tagil retains its central importance in her poetry as a city of childhood and youth, a city of poetic origins, a place of memory, and empirically, a city where her parents live and where she visits regularly, so in poetry it also acts as a city-road. Simonova's poems are close to docu-poetry and resemble oral narratives that naturally gather into free verse. She writes plot poems about space and place, in which a special story is attached to each locus, taken from life, not necessarily personal, often from the life of her family. As a commentary and addition to Simonova's poems, the article cites her posts from the social network — akin to diary entries, among them the story of «grandmother Matrena» stands out, who once lived in the village of Visimo-Utkinsky, founded by Akinfiy Demidov. The small history of the family is closely connected in this narrative with the big history of the country, in which, of course, Ekaterina Simonova herself is involved.

KEYWORDS: Ekaterina Simonova, Ural region, Nizhny Tagil poetic school, places of memory, local history

В энциклопедии «Уральская поэтическая школа» (понятие, изобретенное и популяризуемое В. Кальпиди) говорится, что поэтическое движение, школа — «феномен города, а не деревни», однако «самая благоприятная среда для созревания поэта — это поселок городского типа». «Большой город сильнее отдельно взятой личности. А поэт способен реализовать себя только в том случае, если станет сильнее и — главное — интереснее и духовно богаче того места, где находится»¹. Высказывание спорное, не все с ним согласятся. Однако в применении к Екатерине Симоновой оно работает.

Екатерина Викторовна Симонова родилась в Нижнем Тагиле и как поэт вышла из «лона» «нижнетагильской поэтической школы», иные обозначения этого феномена — «нижнетагильский ренессанс» и даже «нижнетагильский поэтический миф»². Этот феномен возник в начале 2000-х гг. в небольшом и, казалось бы, совершенно нелитературном городе Среднего Урала, просуществовал до начала или даже середины 2010-х, когда все представители этой школы после смерти учителя, Евгения Туренко, разъехались из города, а нижнетагильский ренессанс сохранился в истории литературы как некий культурный феномен.

В современной поэзии Урала Екатерину Симонову следует признать одним из самых сильных и интересных поэтов с отчетливо своим голосом. Она автор шести книг, точнее, уже семи — совсем недавно появился сборник «переводов» Симоновой стихов некоей Анны Арно (литературная мистификация в духе любимых ею поэтов Серебряного века). Предпоследняя книга Симоновой «Два ее единственных платья» вышла в издательстве НЛО в 2020 г. Она неоднократно становилась лауреатом фестиваля актуальной поэзии Урала и Сибири «Новый Транзит», лауреатом премий журнала «Урал», премии «Поэзия» (2019), Anthologia журнала «Новый мир» (2020). Симонова активно участвует в литературной жизни города и региона (является координатором премии для литературных критиков «Неистовый Виссарион» и др.). О ее творческой эволюции точно выразилась Н. В. Барковская: «Начав с неомодернистских, отчасти игровых, затем метамодернистских стихов (критики отмечали традиции акмеизма, сама Симонова признается в любви к творчеству Михаила Кузмина), Симонова сегодня, вроде бы, вписывается в линию докупозии. Она один из лидеров уральской F-поэзии, но, в отличие от большинства гендерно ориентированных авторов, не останавливается на боли и фиксации травмы, ей свойственно удивительное тяготение к гармонии с миром и самой собой»³. В рамках данной статьи нас будет интересовать связь Симоновой не столько с поэтическим, сколько с реальным географическим пространством, получающим особые измерения в ее поэтическом мире.

Симонова любит подчеркнуть свою уральскую идентичность. Вот фрагмент из ее монолога, где говорится именно «об Урале»:

«Бажова люблю, Сальникова — тем более, посикунчики уважаю, перстень и серьги с махитом есть, дома на холодильнике висит магнит из бетона с надписью “Урал — это сильно”, в шкафу хранятся три подноса с тагильской росписью, слову “что” предпочитаю “чо”. Кажется, перечислила все самые главные уральские символы, они же — триггеры. Кроме разве что современной уральской поэзии, но пусть мои взаимоотношения с ней останутся тайной. Что касается заповедности, то начнем с того (да и закончим этим), что я родом из Нижнего Тагила. Мое детство — это заводские трубы, ярко-розовые, ржавые и оранжевые дымы вышеупомянутых бесконечных труб, конец восьмидесятых. Количество моих выездов из этого города лет до 30 чуть ли не равняется количеству пальцев на моих руках. Поэтому о заповедности говорить сложно, в отличие от обыденности.

¹ Раков В., Курицын В., Болдырев Н. Уральский треугольник: город как точка входа // Уральская поэтическая школа: Энциклопедия / Гл. ред. В. О. Кальпиди. Челябинск, 2013. С. 28–41.

² О данном феномене см.: См.: В. К. [Кальпиди В. О.] «Нижнетагильский ренессанс» [Послесловие в публикации: Моргулес И. Записки обжоры] // Уральская новь. 2002. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/urnov/2002/12/zapiski-obzhozy.html>; Давыдов Д. М. К описанию феномена «нижнетагильского поэтического ренессанса» // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 4: Локальные тесты и типы региональных нарративов / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 91–96.

³ Барковская Н. В. Медиальная функция актуальной поэзии (стихотворение Е. Симоновой «В Ницце») // Филологический класс. 2022. Том 27. № 2. С. 45.

Я до сих пор люблю этот город, но ощущение малой родины мне не совсем понятно. Малая родина — это мои родители. Не станет их — не станет и малой родины, если хорошо подумать, потому что тогда точно закончится детство»⁴.

Нижний Тагил — безусловный центр ментальной карты Е. Симоновой, несмотря на то, что с 2013 г. она живет в Екатеринбурге⁵. В этом плане предваряющим комментарием к ее стихам могут служить строки из социальной сети, где Симонова ведет своего рода дневниковые записи, мы и дальше будем пользоваться ими (с указанием даты, но, в силу сложившейся ситуации, без указания адреса в сети⁶): «Тагил — это прекрасно» (запись от 2.05.2022); «Я снова в лучшем городе на земле, где пиццу, похожую на пироги, до сих пор продают кусками, где ворота охраняют пятидесятилетние железные зайчики, а за пустыми арками скрываются августовские тени, ворчливые бабушки и тихие алкаши (запись от 13.08.2022). Как видно по последнему фрагменту, Тагил для автора — это город, способный подарить ей счастье встречи с детством, город, над которым время словно бы не властно: все как было, все как есть. В стихах Симоновой Тагил предстает местом, где живут ее родители, жили бабушки-дедушки, где она провела свои детство и юность, но вместе с тем это город-дорога, по которой она привычно ездит теперь из Екатеринбурга и обратно, в неопределенном настоящем своей нынешней жизни, раз в неделю или чаще (из социальной сети: «В субботу поехала в Тагил», или «Приехала в Тагил. Садил картошку» и т. д.).

Топография города-дороги дается в стихотворении, начинающемся с прямой речи персонажа, случайного дорожного попутчика («Ну чо ты там чо, как дела? / Выходи к проходной, чо, я тебя, чо, встречу...»⁷). Героиня этого лирического нарратива едет в маршрутке к родителям и привычно отмечает городские и пригородные топосы, которые она минует. Причем у каждого городского места, упоминаемого в стихах Симоновой, два измерения — прошлое и настоящее, они сосуществуют, не исключая друг друга, и само прошлое может быть плодом городской молвы, знанием того, что знают все, а может быть сугубо личным прошлым лирической героини. Подчас это и не прошлое, а некое вечно длящееся бытие городских объектов, ничем особо не примечательных, кроме того, что они есть в городе и как-то связаны с жизнью героини, которая наделяет их своими обжитыми смыслами.

...ехали долго

в ноябрьской тьме

Мимо кулинарного училища с дешевой столовкой,

Мимо цыганского поселка с будто бы самопально

подведенным электричеством,

Мимо полностью выгоревшего лет пять назад мебельного,

Мимо продажи надувных насосов за 5800,

Мимо оврага, за которым минут через 10 ходьбы

инфекционка,

Мимо заброшенных садов, где когда-то

Цветы оттягивали к земле ветви кривой яблони и рядом

паслись две козочки,

Мимо КРЗ, где работает стерженщицей подруга

Шнуркова,

Мимо той самой проходной, где мужик, чо, все-таки

вышел,

Мимо кулинарии «Сказка», где я в шесть лет взяла пирожное

«Пенек»

⁴ Симонова Е. Уехать нельзя вернуться // Электронный ресурс: https://prosodia.ru/catalog/stikhi/ekaterina-simonova-uekhat-nelzya-vernutsya/?fbclid=IwAR3w1wqvkDvch4zIMyqNW9-YFVcjvxM_WqGnL4reFCWx-hz0NYeDseBuD9k

⁵ Теме Н. Тагила в поэзии Е. Симоновой была посвящена наша недавняя статья, с которой неизбежно пересекается данное исследование, вплоть до вынужденного цитирования одних и тех же особо характерных строк, касающихся Нижнего Тагила. Вместе с тем данная статья продолжает предыдущую. См.: Созина Е. К. Нижний Тагил в современной поэзии Урала. Екатерина Симонова // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 114–122.

⁶ Разрешение автора на цитирование фрагментов постов из социальной сети получено.

⁷ Симонова Е. Два ее единственных платья. М., 2020. С. 27.

Но за индивидуальной памятью героини и поэта чаще всего стоит память семьи и рода. «...Узнавая за твоей спиной кого-то, вглядывающегося в них...»¹¹, — пишет она в одном из стихотворений. В рассматриваемом «дорожном» тексте выражением некоей даже не тагильской, а уральской общности является местоимение «чо», с которого начинается и которым заканчивается стихотворение. Зайдя наконец домой, к родителям, героиня здоровается:

«Ну чо вы, как, чо? Чо, как здоровье? Я чо?
Я ничо, я вот печенья к чаю купила».

И финальная реплика:

Иногда этого «чо как ты чо» и достаточно.
Остальное неважно¹².

Тагил постоянен и есть всегда, он существует в ахронном измерении, в челночных движениях героини туда-обратно. Поэтому в стихотворении не фиксируется переход от Екатеринбурга (откуда едет героиня) к Тагилу (конечной цели ее пути), граница между ними стерта: ведь героиня живет в двух городах, ее дом — и там и здесь. Целостным обликом в стихах Симоновой обладает именно Тагил, небольшой, по сути, домашний город, город-дом и город-семья. Очень ярко эта семейственность, а вместе с тем родовая память, воплощенная, репрезентированная сознанием поэта, выражена в стихотворении «На перекрестке Белинского-Щорса отличный овощной киоск...», где в процедуре, скорее даже ритуале покупки овощей и фруктов, героиней участвует вся ее большая семья: в витрине вместо нее отражается мама, рядом стоит отец, потом появляются дед Афоня, баба Таня, баба Люда, деда Сеня (которых в большинстве своем уже нет в живых), все дают советы и просят о своем.

Заметим, что названные в этом стихотворении улицы принадлежат Екатеринбургу, но целостного облика и образа этого города, в котором теперь живет сама Симонова, в ее стихах не найти. Ибо для нее важны те места, те локальности города, в которых оседают некоторые истории, благодаря чему они и становятся значимы. К тому же Екатеринбург слишком велик, он не тянет на «маленький город», о чем мы скажем позже, поэтому его метонимически заменяют улицы, точнее, квартал, ограниченный определенными улицами, где протекает домашняя жизнь героини. Екатеринбург эмблематичен, для него достаточно простого упоминания, как то: «Женя и Таня приехали в Екатеринбург»¹³ (о встрече девушек-поэтов); «Камила говорит / что в Ебурге на Таганском ряду / самая хорошая на Урале узбекская кухня», но тут же — «Камила сама родом из Ташкента / сейчас живет в Нижнем Тагиле / раньше она в Ебург на Таганский ряд часто гоняла / чтобы побывать будто в Ташкенте»¹⁴. В семантическом ряду Ебург — Ташкент — Нижний Тагил перетягивает последний, ведь новые районы в Ташкенте Камиллы — «как наши тагильские Гальянка или Вагонка — / все в двухэтажных одинаковых деревянных домах»¹⁵.

«Жизнь вообще складывается, на самом-то деле, не из больших событий, а из маленьких историй, так же, как каждое время складывается из отдельных судеб, и нужно ли говорить, что самые интересные из них — это самые неизвестные, самые случайные, самые маленькие. Все, что от нас останется, — это обрывки историй и осколки вещей»¹⁶, — так говорит Симонова. Город — это тоже множество историй, это его локусы, составляющие, как писал В. Г. Щукин, «морфологию городской поэтосферы»¹⁷, они-то и собирают вокруг себя разнообразные истории, своего рода локальные нарративы. У Симоновой их множество. Кроме улиц, это может быть некая квартира, в которой раньше жила героиня, четко локализованная в тагильском пространстве, хотя сама эта локализация понятна лишь тем, кто с ней знаком, для остальных же она имеет привкус устных историй-анекдотов, а подчас историй-страшилок:

¹¹ Симонова Е. Два ее единственных платья. С. 19.

¹² Там же. С. 28.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ Там же. С. 135.

¹⁶ Симонова Е. Уехать нельзя вернуться // Электронный ресурс: https://prosodia.ru/catalog/stikhi/ekaterina-simonova-uekhat-nelzya-vernutsya/?fbclid=IwAR3w1wqvkDvch4zIMyqNW9-YFVcJvxM_WqGnL4reFCWx-hz0NYeDseBuD9k

¹⁷ Щукин В. Г. Город и миф. Исследования в области геопоэтики. М., 2021.

Рядом с моим бывшим домом по Коминтерна
Была спортивная школа. Рядом с ней — спортивное
школьное поле.
Над полем висели на проводах кроссовки.
Люди говорили, такое — знак того, что здесь кто-то умер.
Люди говорили, такое — знак того, что здесь продают
наркоту.

<...>

В доме напротив, на втором этаже, окна в окна с нашей
гостиной,
Квартиру снимали студентки торгово-экономического
Или кулинарного.

<...>

Пацаки в квартире на первом этаже ходили домой
через окно.

Друзья к ним в гости ходили тоже через окно.

До сих пор мне почему-то кажется,
Что кто-то из друзей именно этих пацаков
Обчистил нашу квартиру¹⁸.

Рассказ о краже, случившейся у героини, прерывается идиллической картинкой воскресного завтрака, который длится словно бы всегда, застывая в оправе авторского воспоминания, авторской уверенности: «Жизнь была безмятежна, медленна и проста, / Как бывает жизнь в каждом маленьком городе»¹⁹.

Это может быть магазин «Кедр», где героиня покупает «виноград кишмиш» и попутно имеет беседу с продавщицей, торопящейся выпить кофе. Местонахождение магазина опять-таки четко определено: «Я выхожу на улицу: справа — “Тагилхлеб”, / Где ржанушка солнечная с семенами подсолнечника, / И томатное мороженое. / Слева — аптека...»²⁰. И вновь в тагильской повседневности Симоновой идиллия оказывается неотделима от «ужасика» — совсем как в повести Н. Гоголя, где идиллическое существование «старосветских помещиков» нарушает некая (мистическая!) кошечка, пропажа которой не дает покоя Пульхерии Ивановне. В стихотворении Симоновой «Пахнет бензином, растаявшим первым снегом, / Лесом рядом, где кладбище домашних животных, / А в девяностых убили соседку из четвертого подъезда, / Из того самого, где обычно умирают от рака»²¹. Ее картина мира подчас напоминает мирообраз художников барокко: контрастность и зеркальность бытия, сочетание несводимого, ад и рай, причем вполне домашние, свои, и обе бездны живут рядом. Тагил — это не только город, но и его окрестности, главным образом, пригородные сады, неременная принадлежность уральского образа жизни: садовый участок родителей в Тагиле, где героиня (и автор) бывает регулярно, часть ее, их общей жизни. Тагил — это, как уже было сказано выше, люди, неотрывные от своих мест и вещей, все вместе они и составляют историю: «В зеркале отразилось все, что я помню и что не помню: / молодая бабушка и два ее единственных платья — / с белым сменным воротничком... / дедушка, неумело завязывающий праздничный галстук»²². В другом стихотворении Симонова вспоминает Алексея Сальникова, близкого ей по духу писателя и поэта: «Сальников прав: все друзья и родные — персонажи наших стишков, / выдуманные именно потому, что не выдуманные, / уютные, как сейчас эта теплая комната, непослушные, / выскальзывающие из рук, как бабушкин стеклянный подсвечник...»²³.

Тагил у Симоновой обладает своей топографией, своей историей, главным образом, семейной и личной. Но у симоновского Тагила есть еще и поэтическая история, она раскрывается как лирическое сестринство-братство и биографически связана с кругом Е. Туренко, корни же ее уходят

¹⁸ Симонова Е. Два ее единственных платья. С. 33–34.

¹⁹ Там же. С. 34.

²⁰ Там же. С. 59.

²¹ Там же. С. 59.

²² Там же. С. 61.

²³ Там же. С. 78.

в глубь истории русской поэзии, эпизоды из которой моделирует в своих стихах Симонова. Так, в цикле «Уехавшие, высланные, канувшие и погибшие» (целостный разбор которого на данный момент не входит в наши задачи) каждое отдельное стихотворение-глава — это воссоздание фрагмента путешествий какого-либо поэта или героя Серебряного века по разным странам (Нины Петровской, Софьи Парнок, Михаила Кузьмина, Александра Блока и др.), причем в рассказ об их путешествиях на равных правах вторгаются эпизоды личных путешествий героини-поэта, ее друзей и приятельниц. Наконец, в 10 главке цикла возникает ретроспекция о рождении поэзии в Нижнем Тагиле: «Кажется, 2003-й, Нижний Тагил. По воскресеньям / Ленка Михеева, / Наташка Стародубцева и я собираемся у Гали Коркиной. <...> читаем свое новенькое и Гатину, Костылеву, Русс...»²⁴. Поэтическая встреча рисуется на фоне Тагила, образ которого совсем не домашний, скорее он традиционен для этого локального центра уральской горнозаводской цивилизации:

пьем дешевый вермут, называя его мартини —
на окраине маленького тюремно-заводского
уральского города
за 1770 с половиной км (хочется сказать «верст»)
от Москвы,
с одной стороны — заброшенный рынок и пустыри,
с другой —
хлебозавод и хлебные запахи²⁵.

Подчас литературные параллели Симоновой носят провокационно-иронический и подчеркнутый характер. Запись в сети от 17.12.2020 гласит: «Мемуаристка, авторка великих — в будущем — книг “На берегах тагильского пруда” (том первый) и “На берегах Исети” (том второй)» (подразумевается диалогия И. Одоевцевой «На берегах Невы» и «На берегах Сены»).

Своеобразным символическим обобщением, поэтическим архетипом и Тагила, и любви-привязанности Симоновой к родному городу выступает просто «маленький город». «Город оказался таким, какие мы любим: / Разбегающиеся наивные улочки, кусты с бесконечными цветами. <...> / Маленькие окна, открытые, с надутыми белыми занавесками, / Маленькая площадь с невысоким высохшим фонтаном, / Маленькие магазинчики, забитые вещами и сладостями...»²⁶. Какой это город, неважно, ибо он таков, в котором удобно жить. «Все-таки нет ничего важнее маленькой жизни, поскольку / Сохранять ее на самом деле гораздо труднее, чем терять и гореть...»²⁷. На страницах социальной сети Симонова выкладывает посты под постоянной рубрикой «Новости нашего городка». Там рассказывается не только о поездках в Тагил к родителям («Была в Тагиле. Ходила с мамой в яму за овощами. Залезла туда с матом, вылезла с неприличным чувством облегчения и четырьмя ведрами картошки, не считая соленых огурцов и редьки. В огородах снег по колено. Интересно то, что следов зайцев в этом году не видно, зато, со слов мамы, в тагильские леса пришли кабаны и косули. Обсудили дела косуль и кабанов» (запись от 16.02.2022)), но и о повседневной жизни их с подругой Еленой Федоровной и тремя котами. Надо сказать, что Симонова — поистине поэт и певец повседневности, которая под ее пером становится чем-то иным, архиважным и ценным. Как писал критик Денис Ларионов: «Можно сказать, что Симонова отчетливо говорит от лица “жизни” (подробной и дискретной, унылой и полной сюрпризов), считая литературу (как институт) неподлинным, симуляционным предприятием, значимым для других мельтешением, которое надо перетерпеть и о котором вряд ли можно сказать что-то хорошее. Для Симоновой место литературы (как набора текстов или близких знакомств) — посреди повседневного быта, среди овощей и фруктов из лавки, товаров из “Пятерочки” и доставшихся в наследство от бабушек бесценных подарков»²⁸.

²⁴ Там же. С. 169.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 29.

²⁷ Там же.

²⁸ Новая литературная карта России. Электронный ресурс: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2021-41/hronika/view_print/

А вот что пишет сама Симонова: «Вышла на улицу, отломила прям голой рукой, прям дрожащей от нетерпения, кусок брецеля, засунула его в рот и поняла, как же ж я люблю всю свою жизнь: зимний вечер, свет фонарей и витрин, небо, такое глубокое, что и звезд не видно, свежее печево, крупинки соли на кончике языка, хрустящий пакет в в руке, с одной стороны бумажный, с другой прозрачный, и в прозрачной части тоже отражаются круглые огни фонарей и машинные огоньки, похожие на елочные. А дома ждут горячие батареи и теплые коты. Или мне кажется, или только для таких моментов мы и живем. А все остальное, насколько красивым или ужасным оно бы ни было, просто фон» (запись от 16.01.2022).

«Маленьким городком» Симоновой в Екатеринбурге является их с Еленой Федоровной квартира и вся их «маленькая» жизнь, внутренне огромная, с неизмеримым объемом и бесконечными тайнами. Метафорой этой жизни может служить как раз образ квартиры: «Квартира маленькая, шкафов, сами понимаете, не хватает, поэтому в шкафу в спальне, под пиджаками, жилетами и платьями, всегда можно найти что-то веселое и крайне необходимое тебе в грустный момент: коробку конфет, турецкую халву, банку оливкового масла с апельсиновыми корочками, бутылку мартини или текилы» (от 09.02.2022). «Вообще маленькие уральские городки — крутые», — прокомментировал некто пост Симоновой.

Своеобразным послесловием к историям маленького городка может служить рассказ Симоновой о бабке Матрене в четырех частях, также размещенный в соц. сети (февраль — май 2022 г.). Точнее, речь идет о мачехе симоновской бабушки, то есть не родной по крови, попортившей немало крови всей семье, но в итоге ставшей как бы и родной. Бабка Матрена — своеобразный пассионарий висимо-уткинского поселка. Здесь тагильские локальности выступают в полноте своей повседневной истории, тесно переплетающейся с историей страны.

«Годы предположительно 1933–1934. Прадед Павел, к этому времени уже отец двоих детей — моей бабушки Люды (в детстве Люськи) и младшего ее брата Васеньки — назначен заведующим висимо-уткинского магазина. Там его заметила продавщица Матрена — баба немолодая, но бойкая. Заметила настолько, что пришла к заведующему с серьезным рац. предложением: либо он бросает жену и начинает жить с ней, либо она пишет на него анонимку в соответствующие органы. Нужно сказать, что Матрена так периодически поступала с понравившимися ей мужчинами, и прадед знал, каковы будут последствия отказа. Так у моей бабушки появилась мачеха. Маленькое уточнение: дети по Матрениному желанию в качестве непонятого залога были оставлены с отцом — надо же было как-то поизмываться над брошенной женой».

«Кстати, — добавляет Симонова, — если кто не в курсе, то именно с деревни Висимо-Уткинск началось освоение Урала Демидовыми». Этим словно бы в сторону сказанным замечанием она вводит свою частную семейную историю в контекст большой истории Урала, сам же нарратив о похождениях бабки Матрены вписывается во множество аналогичных историй жизни обычных людей в 1930-е и последующие годы, далеко не сразу осознавших, какую мясорубку уготовила им история.

В 1941 г. Матрена загремела в тагильские лагеря, откуда вышла в 1945-м. Падчерица Люська (симоновская бабушка) к тому времени была замужем и переехала в Тагил, куда к ней и явилась вскоре бедовая Матрена. История бабушкиного мужа, родом из Кургана (как и самой бабушки Люськи), заслуживает отдельного рассказа, но Симонова об этом лишь упоминает. В Тагиле у Люськи бабка Матрена долго не зажилась, не выдержал Люськин муж, когда Матрена, ставшая к тому времени наркоманкой (варила зелье из таблеток), попыталась «оттяпать» у них половину их же квартиры. Переехала обратно в Висимо-Уткинск, где ей отдали никому не нужный домик-развалюху. «Несмотря ни на что, бабушка периодически Матрену навещала: долг перед старшими — страшная вещь». «Когда я немного подросла, — вводит автор личный нарратив, — то, помню, иногда бабушка брала меня, пяти-семилетнюю, с собой в поездки к мачехе. Как ни странно, Матрену я практически не помню, зато помню ее огород, уходящий вниз по косогору под немыслимым каким-то углом, кривой пол в единственной комнате, стол с клеенкой, стоявший между двух окошек, круглый половичок из старых тряпок, мы с бабушкой оставались ночевать и спали вместе на старой скрипучей железной кровати. А утром мы обязательно ходили в лес — собирать грибы и ягоды среди змей и берез. И где-то на заднем плане была маленькая и совершенно обычная деревенская старушка в обычной деревенской темной одежде».

Дом и огород пассионарной Матрены напоминают жилище ведьмы, да, впрочем, весь ее облик выстраивается по образу-архетипу ведьмы, которая, однако, в реальной истории страны и сама оказалась потерпевшей. Косогоры, углы и кривые линии, подъемы и спуски — такова морфология и мифология уральских мест; «камень, пещера, гора», по меткому наблюдению Майи Никулиной²⁹, определяют ландшафт Урала.

Наконец, вот «последыш» всей этой замечательной истории — недавнее посещение Симоновой Висимо-Уткинска в попытках найти фамильный дом, когда-то обманом отобранный Матреной у ее бабушки. «Долго ездили с пригорка на пригорок, из переулка в переулок, перезванивали маме, в итоге все же все нашли. Дома больше не было, остался только сам участок, заросший иван-чаем и травой по колено, в которую мама строго-настрого сказала не заходить: много гадюк. Из травы торчал обломок доски: то ли остатки ворот, то ли стены. Матрены больше не было, бабушки больше не было, не было больше никого и ничего — здесь, сейчас и навсегда — кроме их смерти и, как ни странно, живой меня». Приведем строчки, заканчивающие стихотворение о правоте Сальникова, процитированное нами выше, они могут служить комментарием к рассказу Симоновой о бабке Матрене, поскольку ее метафорическая поэзия сама провоцирует говорящего о ней на язык метафорических образов и отсылок:

...как бабушкин стеклянный подсвечник — отбивается край, остаются некрасивые зазубрины,	и все же —
нельзя выбросить, надо сохранить, позаботиться,	поскольку —

это любовь, это большая проза, это маленькая поэзия,
пронзительное «никак иначе»³⁰.

Таким образом, за каждой так называемой локальностью у Симоновой стоит реальная история, в центре которой — конкретный человек. Можно сказать, что уральские топосы оживают людьми и их историями. Это истории ее семьи, рода, ее самой, в которых происходит воссоздание памяти, переход памяти в письмо. Вся поэзия Симоновой — это большая метафора Памяти и Места.

References

- Barkovskaya N. V. [The Medial Function of Contemporary Poetry (The Poem by E. Simonova "In Nice")]. *Filologicheskii klass [Philological Class]*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 43–51. (In Russian).
- Davydov D. M. [To the Description of the Phenomenon of "Nizhny Tagil Poetic Renaissance"]. *Literatura Urals: istoriya i sovremennost' [Literature of the Urals: History and Modernity]*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta Publ., 2008, iss. 4, pp. 91–96. (In Russian).
- Nikulina M. P. *Kamen'. Peshchera. Gora [Stone. Cave. Mountain]*. Ekaterinburg: BKI Publ., 2002. (In Russian).
- Rakov V., Kuritsyn V., Boldyrev N. [The Ural Triangle: City as an Entry Point]. *Ural'skaya poeticheskaya shkola: Entsiklopediya [Ural School of Poetry: Encyclopedia]*. Chelyabinsk: 10 Tsyach Slov Publ., 2013, pp. 28–41. (In Russian).
- Schukin V. G. *Gorod i mif. Issledovaniya v oblasti geopoetiki [City and Myth. Research in the Field of Geopoetics]*. Moscow: LENAND Publ., 2021. (In Russian).
- Sozina E. K. [Nizhny Tagil in the Urals Contemporary Poetry. Ekaterina Simonova]. *Ural'skij istoriceskij vestnik [Ural Historical Journal]*, 2021, no. 1 (70), pp. 114–122. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-114-122. (In Russian).

²⁹ Никулина М. П. Камень. Пещера. Гора. Екатеринбург, 2002.

³⁰ Симонова Е. Два ее единственных платья. С. 78.

УДК 821.161.1"18/19".09(045)

Зверева Татьяна Вячеславовна

д. филол. н., профессор, кафедра истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (Россия, Ижевск)

ORCID ID: 0000-0002-0485-7664

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

Серго Юлия Николаевна

к. филол. н., доцент, кафедра истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (Россия, Ижевск)

ORCID: 0000-0001-5878-7676

E-mail: julsergo42@gmail.com

Урочища, или Семиотические путешествия Василия Щукина (рец. на: Щукин В. Г. Город и миф: Исследования в области геопоэтики. — М.: ЛЕНАНД, 2021. — 424 с.)

АННОТАЦИЯ. Рецензируемая книга принадлежит известному исследователю-слависту Василию Георгиевичу Щукину (г. Краков, Польша), чьи работы занимают ведущее место в разработке «усадебного» и «городского» мифов в человеческой культуре. Новая монография представляет собой детальную и многоаспектную разработку мифопоэтики города. Взгляд исследователя обращен, с одной стороны, к хрестоматийным текстам русской литературы («Гроза» А. Н. Островского, «Обломов» И. А. Гончарова, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и т. д.), с другой — к эмпирическим пространствам, преломленным через призму художественных творений («Симоново», «Девичье поле», «Марьино роццо», «Лефортово» и т. д.). Особое место в монографии отведено изучению реальных локусов современного городского пространства (вокзалы, метро, Ленинские горы, архитектурные здания). Авторы рецензии отмечают, что в «Городе и мифе» научные интересы В. Г. Щукина выходят за область филологии, смыкаясь с культурологией, историей, философией и искусствоведением. Для современного мира и современной науки чрезвычайно важна «гуманитарная» составляющая рецензируемого труда. В исследование введено важное для современной культуры понятие «гуманитарной географии», что позволяет не только воспринимать мир в качестве текста («мир как текст»), но и осознавать диалогическую природу пространства, обращенного к человеку. Обобщая огромный и многоаспектный материал, связанный с семиотикой города, В. Г. Щукин, по мнению авторов, творчески воскрешает «миф о городе».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: геопоэтика, «городской текст», миф, семиотика, хронотоп

UDC 821.161.1"18/19".09(045)

Tatyana V. Zvereva

Doctor of Philological Sciences, Udmurt State University (Russia, Izhevsk)

ORCID ID: 0000-0002-0485-7664

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

Julia N. Sergo

Candidate of Philological Sciences, Udmurt State University (Russia, Izhevsk)

ORCID: 0000-0001-5878-7676

E-mail: julsergo42@gmail.com

Tracts or Vasily Shchukin's Semiotic Journeys

(Rec. Ad. Op.: Shchukin V. G. Gorod i mif: Issledovaniya v oblasti geopoetiki. – M.: LENAND, 2021)

ABSTRACT. The author of the book under review is the famous Slavic researcher Vasily Georgiyevich Shchukin (Krakow, Poland), whose works occupy a leading place in the development of the «estate» and «city» myths in human culture. The new monograph is a detailed and multifaceted development of the mythopoetic of the city. The view of the researcher is turned on the one hand, to the typical texts of Russian literature («The Storm» by Alexander Ostrovsky, «Oblomov» by Ivan Goncharov, «Crime and Punishment» by Fyodor Dostoevsky etc.), on the other hand, to empirical spaces refracted through the prism of artistic creations («Simonovo», «the Field of the Maiden», «Maryina Roshcha», «Lefortovo» etc.). A special place in the monograph is given to the study of the real loci of modern urban space (train stations, metro, Leninsky Gory, architectural buildings). The authors of the review note that in «Gorod i mif», the scientific interests of V. G. Shchukin go beyond the field of philology, linking with cultural studies, history, philosophy and art history. For the modern world and modern science, the «humanitarian» component of the reviewed work is extremely important. The study introduces the concept of «humanitarian geography», which is important for modern culture, it makes possible not only to perceive the world as a text («the world as a text»), but also to realize the dialogic nature of the space facing a person. Summarizing the huge and multifaceted material related to the semiotics of the city, V. G. Shchukin, according to the authors, creatively resurrects the «myth of the city».

KEYWORDS: geopoetics, «urban text», myth, semiotics, chronotope

«Верить в мифы – не предрассудок, а проявление высокого тона культурной воспитанности».

В. Г. Щукин

Имя автора рецензируемой книги вряд ли нуждается в представлении. Василий Георгиевич Щукин хорошо известен славистам по целому ряду исследований, уже давно занявших прочное место в филологической науке: «Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе»¹, «Русское западничество. Генезис, сущность, историческая роль»², «Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей»³, «Сны об ангелах и бесах. Эссе о поэтическом воображении»⁴. Характерная для исследователя специфика подхода к анализу текста, возможно, берет истоки в его особых отношениях с городским пространством. Коренной москвич, для которого московский миф русской литературы является глубоко личным, он на протяжении многих лет занят изучением разных форм и образов культурного пространства: исторических районов города, садов, парков, метро, вокзалов... Вторым городом-мифом в судьбе ученого стал Краков — древняя столица Польши, в облике которой сохранились мифы и образы Европейского Средневековья и Возрождения: готические соборы, драконы и замки, львы и сатиры, прячущиеся порой в зарослях внутренних дворики старинных построек. Вечное путешествие во имя познания сути красоты, «одержимость тоской по тому, что **красиво**, и тому, что **интересно**»⁵ — основной стимул гуманитария.

«Город и миф» теснейшим образом связан с ранее вышедшим исследованием, обращенным к мифологеме дворянского гнезда. Две книги образуют нерасторжимое единство, в них автор обращается к пространственным образам мира. Если задача первой книги («Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе») состояла в выработке новых методологических подходов к изучению усадебной темы, то в последней своей работе подобной задачи автор перед собой не ставил; напротив, на первых же страницах книги заявлено, что авторские размышления носят «эkleктический характер и не содержат принципиально новых элементов»⁶. Речь в данном случае, конечно, идет о методологии, а не о практике филологического анализа. Следуя за важными для себя исследованиями в области геопоэтики (Н. П. Анфицеров⁷, В. Н. Топоров⁸, Ю. М. Лотман⁹, В. А. Подорога¹⁰, Д. Н. Замятин¹¹, В. В. Абашев¹² и пр.), В. Г. Щукин прочерчивает новые сюжеты, проходит путями, по которым еще не ходили его предшественники. И эта скрупулезная работа очень важна, поскольку движение любой гуманитарной науки — это не только поступательное движение вперед, но и постоянное возвращение к тому, о чем уже было сказано.

Обращаясь к мифогенным пространствам, исследователь вчитывается в хрестоматийные и нехрестоматийные тексты русской культуры (диапазон привлеченных имен авторов и их произведений в монографии огромен). «Не с всяким местом сговориться можно / Чтобы оно свою открыло тайну», — пронизательно писала Анна Ахматова в «Предыстории» к «Северным элегиям». В. Г. Щукина интересует не столько тайна тех или иных географических локусов, сколько скрытые механизмы, благодаря которым «место» обращается в «миф», «пространство» становится

¹ Щукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Краков, 1997.

² Щукин В. Г. Русское западничество. Генезис, сущность, историческая роль. Лодзь, 2001.

³ Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007.

⁴ Щукин В. Г. Сны об ангелах и бесах. Эссе о поэтическом воображении. Краков, 2014.

⁵ Щукин В. Г. Город и миф: Исследования в области геопоэтики. М., 2021. С. 424.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Анфицеров Н. П. Душа Петербурга. М., 1990.

⁸ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003.

⁹ Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 2. С. 9–21.

¹⁰ Подорога В. А. Метафизика ландшафта: коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. М., 1993.

¹¹ Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006. 488 с.

¹² Абашев В. В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала // Введение в геопоэтику. Антология. М., 2013. С. 20–32.

«культурой». Причины, по которым то или иное место становится точкой притяжения поэтической мысли, как правило, невидимы. Исследовательское зрение имеет дело с результатом — мифологизированным локусом, ставшим частью общекультурного кода. Представленные в монографии места (реальные Москва и Петербург или не существующие на географической карте Калинов и Обломовка) уже многократно описаны в литературоведческой науке, но В. Щукину удается взглянуть на них по-новому, увидеть то, что доселе скрывалось от исследовательского взгляда. В первую очередь обращает на себя внимание анализ образов архитектуры, которые предстают как самостоятельный текст, наделенный способностью взаимодействовать с сюжетами истории и литературы. Так, например, философский смысл архитектуры вокзала заключает в себе не только идею движения в географическом пространстве, но и параллельно с ним направлений движения русской литературы, которая с этой точки зрения еще мало изучена. Этот «гуманитарно-географический» подход таит в себе очень много загадок и перспектив.

Упорядочивание и разграничение пространства — основополагающая функция человеческой культуры. «Мир защищен от хаотичности, потому что количество типических элементов-процессов-событий, или, на филологическом языке, жанров, из которых состоит бесконечное во времени и пространстве бытие, далеко не бесконечно, и более того — строго ограничено»¹³. В. Г. Щукина интересуют находящиеся в руках филолога инструменты смысловой детализации пространства. В данном аспекте особо показательна шестая глава книги «Московские литературные урочища», включающая в себя ряд параграфов, названных по имени *genius loci*: «Симоново», «Девичье поле», «Марьино роща», «Окрестности Страстной площади», «Район Маросейки и Покровки», «Лефортово», «Петровский парк».

Важной для исследования является внутренняя полемика со структурно-семиотической школой. Признавая значимость научных результатов, касающихся разработки «городского текста», В. Щукин подчеркивает, что подобные выводы верны только в тех случаях, когда ученые имеют дело с непротиворечивыми смысловыми системами. Реальная практика филологического анализа сталкивается с постоянными отклонениями от теории. Одновременно объектом научной дискуссии в рецензируемой книге оказывается и так называемый «панлингвизм» структурно-семиотической школы. Размышляя о поэтике города, исследователь признает невозможность создания единого «алфавита градостроения»: «Город как текст или как “дискурс” — это не более чем метафора, над которой, однако, стоит задуматься»¹⁴.

Говоря во Вступлении о смысле пространства в контексте культуры, автор размышляет о недооцененности этой категории современным человеком по сравнению со временем. Вернее, речь идет о том, что время для современного человека представляет собой прежде всего утилитарную ценность, а пространство — гуманитарную. Мысль о соотношении этих категорий в человеческом сознании развивается на протяжении всей книги.

Особого внимания заслуживает то, что в исследовании В. Щукина город предстает не только в своем пространственном облике, он теснейшим образом связан со временем. Данному теоретическому аспекту в монографии посвящено два отдельных параграфа — «Пространство и время» и «Ворота хронотопа». Введенный М. Бахтиным в теорию литературы и культурологию термин «хронотоп» не так часто используется в современной филологии, вследствие того, что у самого Бахтина этот термин тяготеет к пространственным характеристикам. В «Городе и мифе» речь идет о другом, В. Щукин смещает смысловые акценты, выявляя, во-первых, историческую изменчивость пространственных форм, во-вторых, их пребывание во времени, то есть обусловленность пространства конкретной историко-культурной ситуацией и языковой средой. В монографии сформулирована важнейшая мысль о необходимости перехода от «нормативной поэтики» города к «исторической»¹⁵.

¹³ Щукин В. Г. Город и миф... С. 68.

¹⁴ Там же. С. 93.

¹⁵ Там же. С. 57.

В монографии В. Щукина город явлен в самых разных аспектах. Автора интересуют возвышенности и подземелья («Ленинские горы — элитарный локус тоталитарной культуры» и «Эйдологическая поэтика тоталитарного подземелья»), стихии, управляющие городами («Воздух города» и «Земля на Сенной площади»), ночное и дневное существование локуса («Дни и ночи Северной Пальмиры»), пограничные феномены («Окно как “жанровый” локус и поэтический образ» и «Вокзал как книга и здесь-пространство»), лабиринты и зияния («Почему заблудился Раскольников?» и «Город Калинов как город Зеро»), пространство в его отношении к Европе и Азии («Обломовщина как социопсихологический восток»). Уникальность «Города и мифа» во многом связана с тем, что подобный разноаспектный анализ не лишает книгу ее внутреннего единства, напротив, различные грани способствуют созданию целостности восприятия. Результатом научных изысканий стала мысль о неисчерпаемости «городского мифа». В. Щукин в буквальном слове реанимирует «миф о городе», выявляя его жизнеспособность и обнажая его принципиальную неисчерпаемость. Показательно, что финальной главой книги оказывается глава «Что еще бы стоило сделать?». Говоря о перспективах, которые связаны с постижением образов архитектуры как многоуровневого текста-послания, исследователь останавливается на перспективах изучения вокзальной поэтики и мифологической сущности Некрополя. Проблемы регионального текста связываются с образами «гуманитарной географии»: «...источников, водоемов, возвышенностей, обрывов, вершин, углублений, больших деревьев, полян, церквей, монастырей, колодцев, памятных столбов, каменных и деревянных идолов и т. п.»¹⁶.

Краткий обзор современных мифопоэтических исследований и их дальнейших перспектив заканчивается размышлениями о стремлении к познанию мира, которое столь сильно выражено в русской душе. Возможно, здесь в новом ракурсе представлена мысль Достоевского о спасении мира красотой. По мнению В. Щукина, красота служит для русского человека важнейшим стимулом познания.

Вопреки тому, что на первых страницах «Города и мифа» автор пишет о вторичности своего исследования, в последующих главах текста прочерчиваются важнейшие методологические установки, касающиеся дальнейшего изучения темы. Обобщая огромный материал, связанный с «поэтикой города», Василий Георгиевич Щукин не только обозначает собственный ракурс в разработке обширной научной проблемы, но и творчески воскрешает и пересоздает «миф о городе».

References

Abashev V. V. [Geopoetic View on the History of the Literature of the Urals]. *Vvedeniye v geopoetiku. Antologiya* [Introduction to Geopoetics. Anthology]. Moscow: Art Khaus media; Krymskiy Klub Publ., 2013, pp. 20–32. (In Russian).

Anfiterov N. P. *Dusha Peterburga* [Soul of Petersburg]. Moscow: Lira Publ., 1990. (In Russian).

Lotman Yu. M. [The Symbolism of Saint Petersburg and the Problems of the Semiotics of the City]. *Lotman Yu. M. Izbrannyye stat'i: v 3 t.* [Lotman Yu. M. Selected Articles: in 3 vols.]. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992, vol. 2, pp. 9–21. (In Russian).

Podoroga V. A. *Metafizika landshafta: kommunikativnyye strategii v filosofskoy kul'ture XIX–XX vv.* [Landscape Metaphysics: Communication Strategies in the Philosophical Culture of the 19th–20th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1993. (In Russian).

Shchukin V. G. *Mif dvoryanskogo gnezda. Geokul'turologicheskoye issledovaniye po russkoy klassicheskoy literature* [The Myth of the Noble Nest. Geocultural Research in Russian Classical Literature]. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego Publ., 1997. (In Russian).

Shchukin V. G. *Gorod i mif: Issledovaniya v oblasti geopoetiki* [City and myth: Research in the Field of Geopoetics]. Moscow: LENAND Publ., 2021. (In Russian).

Shchukin V. G. *Rossiyskiy geniy prosveshcheniya. Issledovaniya v oblasti mifopoetiki i istorii idey* [Russian Genius of Enlightenment. Research in the Field of Mythopoetics and the History of Ideas]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007. (In Russian).

¹⁶ Там же. С. 422.

Shchukin V. G. *Russkoye zapadnichestvo. Genezis, sushchnost', istoricheskaya rol'* [Russian Westernism. Genesis, Essence, Historical Role]. Lodz: Ibidem Publ., 2001. (In Russian).

Shchukin V. G. *Sny ob angelakh i besakh. Esse o poeticheskom vobrazhenii* [Dreams of Angels and Demons. Essays on the Poetic Imagination]. Krakow: Krakowskie Spotkania Rusycystyczne. Publ., 2014. (In Russian).

Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannyye trudy* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 2003. (In Russian).

Zamyatin D. N. *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovaniye geograficheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling of Geographical Images]. Moscow: Znak Publ., 2006. (In Russian).

ГОРОДСКАЯ ТОПОГРАФИЯ

УДК 902.2(470.342)''15/17''

Кайсин Алексей Олегович

заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией, Вятский государственный университет (Россия, Киров)

ORCID: 0000-0002-6188-0043

E-mail: akai_slob@mail.ru

Глазырина Маргарита Кирилловна

инженер-исследователь научно-исследовательской археологической лаборатории, магистрант, Вятский государственный университет (Россия, Киров)

ORCID 0000-0002-0256-5836

E-mail: rita_glazyrina1999@mail.ru

Борисова Анна Михайловна

инженер-исследователь научно-исследовательской археологической лаборатории, Вятский государственный университет (Россия, Киров)

ORCID: 0000-0001-5046-205X

E-mail: annalein8321@gmail.com

Посад города Хлынова в XVI–XVIII вв. (по археологическим данным)*

АННОТАЦИЯ. Статья содержит информацию о возникновении, застройке и развитии города Хлынова — Вятки — Кирова. Объекты соотносятся с планами города 1759 и 1784 гг. Дается анализ археологических работ: раскопок, разведок и надзоров, проведенных на территории кремля за период 1935–2019 гг. Именно они дали возможность скорректировать данные письменных источников и позволили определить местонахождение конкретных объектов. Авторами археологических работ являлись сотрудники Кировского областного краеведческого музея, Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области и других академических центров: М. П. Грязнов, Л. П. Гуссаковский, Л. Д. Макаров, А. Л. Кряжевских. В работе описываются топографические и географические особенности развития территории посада г. Хлынова. Дается интерпретация археологических и исторических данных, описание объектов архитектурных комплексов, найденных в ходе археологических исследований территории. Анализируется также достоверность интерпретации данных археологов разных периодов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хлынов — Вятка — Киров, посад города Хлынова, археологические работы, раскопки, разведки, надзоры, план города

* Работа выполнена в рамках проекта «Культурный код россиянина» программы развития ФГБОУ «ВятГУ» «Приоритет — 2030».

URBAN TOPOGRAPHY

UDC 902.2(470.342)"15/17"

Alexey O. Kaisin

Head of the Scientific research archaeological laboratory, Vyatka State University (Russia, Kirov)

ORCID: 0000-0002-6188-0043

E-mail: akai_slob@mail.ru

Margarita K. Glazyrina

Research engineer, Vyatka State University (Russia, Kirov)

E-mail: rita_glazyrina1999@mail.ru

Anna M. Borisova

Laboratory assistant, Vyatka State University (Russia, Kirov)

ORCID: 0000-0001-5046-205X

E-mail: annalein8321@gmail.com

The Settlement of the City of Khlynov in the 16th–18th Centuries According to Archaeological Information

ABSTRACT. The article contains information about the emergence, building and development of the city of Khlynov (later Vyatka and Kirov). The objects are brought into correlation with the city maps of 1759 and 1784. The analysis is focused on the archaeological works — excavations, exploration, and supervision — carried out on the territory of the Kremlin during the 1935–2019 period. It was those works that made it possible to specify and correct the data of the written sources and allowed determining the location of specific objects. The authors of the archaeological works were scientific employees of the Kirov Regional Museum of Local Lore, the Research and Production Center for the Protection of Cultural Heritage Objects of the Kirov region and other academic centers (M. P. Gryaznov, L. P. Gussakovsky, L. D. Makarov, A. L. Kryazhevskykh). The article describes the topographic and geographical features of the development of the territory of Khlynov's settlement. It provides an interpretation of archaeological and historical data, as well as description of objects of architectural complexes discovered during the archaeological research of the territory. The reliability of the interpretation of the data of archaeologists of different periods is analyzed, too.

KEYWORDS: Khlynov — Vyatka — Kirov, settlement of the city of Khlynov, archaeological works, excavations, exploration, supervision, city map

ФОРМИРОВАНИЕ ПОСАДА Г. ХЛЫНОВА

С момента основания и до конца XVII в. застройка Хлынова велась без плана, и его планировочную схему определяли в основном рельеф и транспортные магистрали, по которым шло сообщение с соседними землями. Рельеф местности, на которой располагался город, был сильно пересеченным. С юга развитие города ограничивал Засорный овраг, с севера — Раздерихинский, а на востоке город упирался в крутой берег р. Вятки. Все это определило направление дорог и улиц только в одном направлении — на запад. Этими обстоятельствами определялся и лучевой, или веерный, характер планировки города. Сеть радиальных, направленных от центра улиц напоминала не полностью раскрытый веер. Особенность хлыновского «веера» состояла в том, что он имел два центра — кремль и торг — и раскрывался всего на 120°. Этот угол задавали овраги¹.

Те же самые факторы (дороги, река, рельеф) определяли ориентацию и форму усадебных мест. Пока не изменялась планировка, не изменялись и усадьбы жителей. Они, как правило, состояли из трех частей: переднего двора, заднего двора и огорода с садом. Дома ставились в глубине усадьбы, разделяя передний и задний дворы.

Жилища и хозяйственные помещения строились преимущественно на одном и том же месте на протяжении длительного времени. Размещение построек определенного назначения оставалось достаточно стабильным.

В разное время из кремля на посад были переведены Покровская, Воскресенская и Всесвятская церкви. Туда же были перенесены съезжие избы и тюрьма.

На посаде центром городской жизни являлся торг. Он долгое время был единственной площадью в городе и располагался под стенами кремля, у рва, около переброшенного через него 14-саженного моста. Выбор места был обусловлен соображениями обороны, так как на открытом месте легче было заметить врага и отразить нападение. Торг был и местом торговли, и площадью для народных собраний и сходов, и биржей, и нотариальной конторой. Здесь в несколько рядов стояли торговые лавки, переносные лотки, полки, лари для товаров, амбары, балаганы (навесы для рабочих и товаров). О размахе торговли можно судить по тому, что в «Писцовой книге» 1628 г. упоминаются 123 лавки на торгу². Ставили здесь и храмы. В частности, здесь находились две пары церквей. Вообще церкви в Хлынове стояли парами: одна предназначалась для службы летом (студеная), вторая — зимой (теплая, с печью). Смысл нахождения церквей на торгу состоял в том, чтобы и во время торговли люди не забывали о Боге. К тому же в подклетах церквей располагались торговые лавки. Торг постепенно расширялся за счет посадских дворов, по какой-либо причине оставшихся без хозяев. Так появлялись новые торговые ряды. Во второй половине XVII в. торг простирался на запад от кремлевского рва до современного Кооперативного переулка примерно на 100 сажен, с севера на юг — от Московской улицы до Старых кузниц на левобережье Засорного оврага³.

К 1615 г. на территории посада существовало 10 улиц и переулков⁴. Улицы вели от торгового и кремля к острогу, продолжаясь за ним как дороги, ведущие в города и селения Вятской земли. От кремля к вершине Раздерихинского оврага вела Пятницкая улица, названная так по церкви, к приходу которой она относилась. От Воскресенских ворот кремля на северо-запад вела Чернышева улица, за острогом превращавшаяся в дорогу. С торгового в том же северо-западном направлении шла улица Спенцынская, переходящая в дорогу в Спенцынский стан. Бритовская улица за острогом вела на Орлов, Котельнич, Нижний Новгород и Москву. Еще одна — безымянная, радиальная — улица вела на запад, в обход Засорного оврага, а в его верховьях резко сворачивала на юг, в сторону Казани. Таким образом, все радиальные улицы за пределами города превращались в дороги. Именно вдоль дорог и располагались дома первых жителей Хлынова.

¹ Спасский Н. А. Внешний вид Вятки // Спасский Н. А. Труды по истории и статистике Вятского края. Киров, 2014. С. 22–24.

² Писцовая книга 1628 г. Офонасья Толочанова и подьячего Ондreja Иевлева // ТВУАК. 1913. Вып. III–IV. Отд. 3. С. 140–141.

³ Тинский А. Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX веках. Киров, 1976. С. 21–22.

⁴ Город Хлынов в 1615 году по Дозорной книге князя Ф. А. Звенигородского // ТВУАК. 1906. Вып. III–IV. Отд. 3. С. 1–34.

Переулки не имели выхода за пределы посада. Короткий переулок, еще не имевший названия, соединял Спенцынскую и Пятницкую улицы. От расположенной на торгу Вознесенской церкви на северо-запад вел переулок, названный по ее имени. От него почти на запад, по направлению к острогу, шел Тряпицын переулок. «Дозорная книга» князя Ф. Звенигородского 1615 г. называет еще два переулка — Копанский и Горошников. Если судить по числу дворов, то Копанский переулок должен был иметь большую протяженность, превышающую длину некоторых улиц города. Исходя из названия (от слова «копань»), А. Г. Тинский предполагает, что так мог называться переулок, идущий вдоль рва и острога. За пределами территории, ограниченной острогом, находилось еще более 200 дворов тяглых людей. Они располагались на склонах и в устье Засорного оврага, а также на «улице Чачулина», образовавшейся под горой, у р. Вятки. Всего в Хлынове в 1615 г. насчитывалось 604 двора⁵.

С течением времени посад расширялся, все больше дворов выходило за пределы острога. Однако в результате сильных пожаров 1631 и 1634 гг. посад выгорел практически полностью. Жилая застройка быстро восстанавливалась, и уже через 12 лет после второго пожара дворов в городе было уже больше, чем до него. Но косвенным следствием пожаров стало то, что многие улицы отстраивались фактически заново и утрачивали свои старые названия⁶.

С постройкой новых укреплений в 60-е гг. XVII в. старый острог со рвом потерял свое прежнее значение, но не был срыт и постепенно догнивал. На его месте возникает новая улица, полукольцом охватывающая старую часть посада. Ее отрезки поначалу имели собственные названия, но они забылись, и до нас дошло только одно — улица Седининская. Из прежних Безымянного и Тряпицына переулков возникает Морозовская улица, ведущая на запад. Бывшая Бритовская улица получает название Московской — по имени дороги, на которую она выводила. Улица, уходившая от торгового двора к вершине Засорного оврага, ранее не имевшая названия, называлась теперь Никитской⁷.

Кроме перечисленных, до нашего времени дошли названия еще многих хлыновских улиц и переулков конца XVII в.: улицы Узкая, Слободская, Свинка, переулки На Ямах, Горошников, Засорный, Кузнецкий, Архиерейский, Владимирский, Филимоновский. Названия улиц и переулков часто изменялись.

Переулок На Ямах заслуживает особого упоминания. «Старыми ямами» называлась часть посада, примыкающая к Пятницкой башне Земляного города. Сейчас это территория квартала, ограниченного улицами Казанской, Пятницкой, Ленина и Труда. В восточную часть указанного квартала вклинивается Раздерихинский овраг, на берегу которого стояла деревянная часовня в поминовение погибших в ночной битве устюжан. Согласно преданию, на этом месте в 1418 г. произошла битва вятчан с их союзниками — устюжанами, которые ночью по ошибке были приняты за татар. После рокового сражения тела убитых устюжан были погребены в одной глубокой яме. Затем в данном районе стали устраивать общие могилы, в которых погребали самоубийц, опойц, утопленников и других лиц, умерших неестественной смертью, так как христианская церковь запрещала хоронить таких людей на кладбищах⁸. Эти могилы называли скудельницами.

Застройка посада шла неравномерно. Город интенсивно застраивался в направлении Никитской улицы, несколько медленнее — в северо-западном направлении (по Ильинской и Воскресенской улицам) и совсем медленно — в западном направлении, вдоль Московской и Морозовской улиц. Никитская улица в пределах посада была застроена практически на всем своем протяжении,

⁵ Город Хлынов в 1615 году...

⁶ Кошелева Е. А. Из научного наследия историка и археолога А. А. Спицына // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 1 (1). С. 41.

⁷ Тинский А. Г. Указ. соч. С. 42–43.

⁸ Кошелева Е. А. О вятских скудельницах // Материалы IV научно-практической конференции «Слободской и слобожане». Слободской, 2001. С. 101–103.

что, очевидно, было связано с оживленностью Казанской дороги, в которую она превращалась за посадской стеной⁹.

Значение посада в городской жизни значительно возросло. Увеличилась плотность его застройки, что было связано с возведением посадских укреплений, ограничивших расширение города на запад и северо-запад. Жилая застройка стала продвигаться на юг и на восток, на склоны и устье Засорного оврага и на берег р. Вятки, где еще в начале XVII в. возникли целые улицы.

Оборонительная система посада в 60-е гг. XVII в. фактически была выстроена заново. До этого времени посад был защищен лишь острогом. Как и в случае с кремлем, основными составляющими укреплений посада были вал и ров. Ров, глубиной в 2 и шириной — в 4 сажени, полукольцом охватывал посад с запада. Начинаясь у Засорного оврага, он тянулся на северо-запад до современной улицы Московской, дальше — примерно до перекрестка улиц Свободы и Труда и здесь поворачивал сначала на восток, а потом на юго-восток, до верховьев Раздерихинского оврага. По краю рва также были обнаружены столбовые ямки — следы надолбов, то есть вкопанных наклонно бревен, направленных в сторону поля. Линия прохождения посадских укреплений прослеживается археологически. За рвом был насыпан земляной вал высотой до 4 сажен, укрепленный частоколом из заостренных сверху бревен. С южной стороны города вал смыкался с укреплениями малого города и проходил по берегу Засорного оврага, а с севера и востока — по южному берегу Раздерихинского оврага и берегу Вятки до Богоявленской башни кремля. С привязкой к современной планировке г. Кирова, направление посадского вала в западной его части — от Засоры до Раздерихинского оврага — можно локализовать в основном по ул. Володарского, Пятницкой и Труда. От кремлевских укреплений Земляной город отличался наличием так называемых городней — срубов, поставленных по линии обороны вплотную друг к другу и образующих крепостную стену переменной высоты. Эти городни перекрывали вытекающие из города ключи и сухие овражки, которые пересекал вал.

На всем протяжении укреплений посада было поставлено 7 деревянных башен. Первая из них — Успенская — стояла на городнях, устроенных через окружающий кремль глубокий ров, и имела проезжие ворота. На всем протяжении длинной стены, с южной стороны, башен больше не было; имелись только два вывода. На повороте стены, в конце Никитской улицы, стояла высокая Никитская башня. Она была поставлена на Пасеговской дороге, господствовала над Засорным оврагом и контролировала подходы к нему. Следующая, самая большая на посадском валу, — Московская, она же Спасская, проезжая башня — стояла в самом западном пункте укреплений, на вершине холма, — там, где сходились Морозовская и Московская улицы и где начиналась Московская дорога. От этой башни начиналась дорога на Казань. Остатки Никитской башни до сих пор видны на территории современного парка «Апполо», однако ее археологические исследования так и не проведены. Некоторые старые документы называют ее Спасской. Башня имела четыре ряда бойниц и вышку для наблюдения за местностью. За зданием «Gaudi Hall» сохранились остатки вала, на котором стояла эта башня. После Московской башни городская стена поворачивала на северо-восток и шла в этом направлении до Ильинской башни на выезде из одноименной улицы. От нее шла дорога в Спенцынский стан. Башня эта располагалась в квадрате, образуемом современными улицами Володарского, Свободы, Степана Халтурина и Труда.

После Ильинской башни городская стена еще больше отклонялась к востоку и, достигнув самой северной точки, за современной улицей Труда, меняла направление на юго-восточное, в конечном итоге упираясь в башню у вершины Раздерихинского оврага. Она имела два названия — Пятницкая и Троеворотная. Северо-восточнее башни, на крутом правом берегу Раздерихинского оврага, почти у самого угла укреплений, стояла Сретенская башня, господствующая над речным перевозом (см. рис. 1).

⁹ Тинский А. Г. Указ. соч. С. 24.

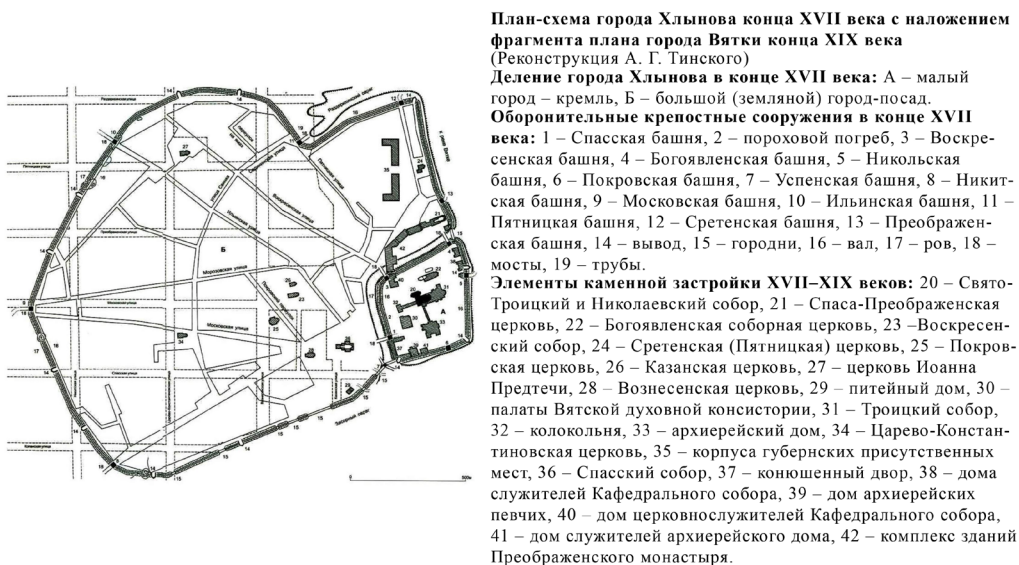

Рис. 1. План-схема города Хлынова конца XVII века с наложением фрагмента плана города Вятки конца XIX века (реконструкция А. Г. Тинского)

На всем протяжении посадского вала было устроено 9 выводов, из которых лишь один имел название. Он располагался на северо-восточном углу укреплений и носил имя Веселуха. Сейчас на месте этого вывода стоит 10-колонная ротонда Александровского сада (см. цв. вклейку, рис. 1).

По своей планировке система укреплений Хлынова представляла собой распространенный тип подковообразных укреплений мысовых поселений¹⁰. Система обороны стала двухвальной. Основу оборонительной линии составляли земляные валы, почти неуязвимые для пушечных ядер.

В целом в XVII в. Хлынов располагал довольно большим количеством церквей для относительно небольшого города. И если в начале века они были сосредоточены в основном в кремле и на торгу, то к концу столетия некоторые из них были вынесены на посад, вследствие чего их расположение стало более равномерным. Безусловно, это было следствием расширения города, жители отдаленных частей которого нуждались в более близких храмах. Деревянные церкви часто горели, что стало одной из главных причин начала строительства более долговечных каменных храмов в последней четверти XVII в.

Большой пожар 1700 г. еще раз уничтожил деревянные строения города. Сгорели все башни посада и малого города, деревянное внешнее строение крепостных стен. После 1721 г. в кремле восстановили три башни: Воскресенскую, Богоявленскую и Никольскую. К 1733 г. они уже не существовали. Из башен посада оставались лишь две — Московская и Ильинская, но и те постепенно ветшали. В 1741 г. со Спасской башни кремля упал и разбился набатный колокол, и эта ветхая башня была разобрана. Последней была снесена Московская башня. С этого времени крепостные укрепления Хлынова перестали играть какую-либо существенную роль в планировке города¹¹.

В городе в XVIII в. возникла целая группа каменных культовых и гражданских зданий. Время их постройки в большинстве опубликованных работ определялось неверно, иногда с ошибками на несколько десятилетий, отчего общая картина создания интереснейшего архитектурного ансамбля XVII–XVIII вв. искажалась.

¹⁰ Гордеев В. И., Павленко Ю. А. Малый город Поволжья в позднем средневековье. Йошкар-Ола, 2004. С. 64.

¹¹ Тинский А. Г. Указ. соч. С. 42–43.

План города 1759 г. позволяет представить Хлынов XVIII в. На плане показан кремль с остатками рва и крепостной стены. Через ров перекинута два моста: один — на торговую площадь, другой — в сторону Воскресенской улицы. Юго-восточную часть посада, вблизи рва, занимала площадь, на которой стояли две каменные церкви — Воскресенская и Спасская. Недалеко от площади, окруженные застройкой, находились Покровская, Воскресенская и Казанская церкви. Рядом с Воскресенской церковью на плане отмечен каменный дом Вятской провинциальной канцелярии. Южнее Спасской церкви показан каменный питейный дом. В северо-западном углу торговой площади — группа построек, относящихся к воеводскому двору и его канцелярии¹².

От площади расходились Морозовская и Ильинская улицы, а от Воскресенской башни кремля — Воскресенская и Пятницкая. Посад окружают остатки крепостной стены, местами совершенно разрушенной.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

Первое упоминание о территории посада как памятнике древности относится еще к 1838 г. В этом году в газете «Вятские губернские ведомости» была опубликована статья «О курганах и древних памятниках в Вятской губернии», в которой в числе восьми известных к тому времени археологических памятников упомянут посадский вал г. Хлынова¹³.

В 1881 г. А. А. Спицын дал следующее довольно подробное описание остатков посадских укреплений:

«В Вятке по сие время заметны во многих домах следы посадского вала, конченного в 1671 г., и в двух местах (вероятно) следы бывшего до него острога. Остатки первого видны, прежде всего, у старого дома у Вознесенского моста (по ним идет часть забора), далее у дома Швецова, где ныне телеграфная станция (видны с той стороны оврага), в виде кургана в д[оме] Поповой у Царевского моста (виден с улицы), в саду Окружного Суда, где на них стояла беседка, где-то в огородах угловых домов Никитской и Спасской улиц, в д[оме] Рязанцева, в д[оме] Блинова (где ныне Государственный банк), в доме Мариинской гимназии и Городского училища, в доме Ермолина (виден с Никитской и Преображенской улиц), в доме Гуняева (виден с Преображенской ул.), в доме Шиманского на углу Пятницкой и Никитской ул. (с улицы виден отлично, здесь сохранилась вершина крепостного угла), в д[оме] Плахиной (виден с улицы, здесь были Ильинские ворота), в д[оме] Соловкина, в д[оме] Чайкина (виден с улицы), наконец, остатки вала проходят по задней аллее Александровского сада.

Остатками острога можно признавать те два возвышения, что в д[оме] Шемановских на углу Преображенской и Царевской улиц и в противоположном (последний виден с улицы). Основанием этого предположения служит то, что вблизи находящаяся Предтеченская церковь в 1711 г. ставилась за острогу, из чего следует, что острог был именно в тех местах»¹⁴.

Первые полноценные археологические исследования на территории посада Хлынова — Вятки произвел М. П. Грязнов¹⁵. В ходе наблюдений за работами по прокладке водопровода на территории бывшего посада ему удалось зафиксировать бревенчатые мостовые, а также зарисовать и описать стратиграфию напластований. В то же время им был составлен сводный план фрагментов посадского вала.

В 1935 г. на месте бывшего приходского кладбища Воскресенского собора началось строительство Центральной гостиницы. Постройка каменного Воскресенского собора была начата по «храмозданной» грамоте епископа Ионы от 1695 г. В 1935 г., по инициативе президиума горсовета, Воскресенский собор был исключен из списка памятников архитектуры «как сильно разрушенный», а в 1937 г. разобран. Сохранившаяся часть кирпичей пошла на постройку гостиницы «Центральная». Во время земляных работ при закладке фундамента планируемого здания

¹² Спасский Н. А. Указ. соч. С. 32.

¹³ О курганах и древних памятниках в Вятской губернии // Вятские Губернские Ведомости. 1838. № 25.

¹⁴ Спицын А. А. Каталог древностей Вятского края // А. А. Спицын. Избранные труды по истории Вятки. Киров, 2011. С. 60.

¹⁵ Локализацию всех археологических работ в исторической (посадской) части города можно увидеть на рис. 3.3.

рабочими были обнаружены человеческие останки. Раскопками на данной территории руководил находившийся в Вятке в ссылке 1934–1937 гг. известный советский археолог М. П. Грязнов. На месте раскопа было собрано значительное количество человеческих костей с кладбища, разрушенного строительными работами. Будучи прекрасным антропологом, М. П. Грязнов провел половозрастную идентификацию умерших. Из найденных останков 136 человек женщин в возрасте от 18 лет и старше оказалось 40; мужчин в возрасте от 14 до 60 лет — 43; новорожденных детей до 3-х месяцев — 31; пол 22 человек в возрасте от 20 до 60 лет определить не удалось. Были определены физические параметры останков, проведен краниометрический анализ 109 черепов.

Совместно с ленинградским антропологом Д. Г. Рохлиным М. П. Грязнов провел патологоанатомический анализ костей, благодаря которому был выявлен немалый процент серьезных заболеваний и механических травм. Причинами болезней он считал тесноту и антисанитарное состояние жилищ, отсутствие медицинской помощи. Д. Г. Рохлин изучил те кости, которые, по мнению Грязнова, отклонялись от нормы и заслуживали специального исследования для уточнения характера патологических изменений. Изучив материал, антрополог пришел к выводу о том, что у некоторых скелетов были обнаружены локальные аномалии, такие как: срастание первых двух грудных позвонков, ассимиляция атланта, частичный остеохондроз, вульгарный остеомиелит. На черепе одного ребенка было обнаружено зарастание стреловидного шва. На некоторых костях были обнаружены также сифилитические поражения. Это свидетельствует о том, что в Вятке люди были подвержены сифилису, как и во многих странах Европы. При наблюдениях за земляными работами также были найдены медные кресты, изразцы XVII в., монеты XVIII в., слюда и ручные каменные жернова.

Следующее археологическое обследование территории посада производилось в 1956–1959 гг. Л. П. Гуссаковским во время его масштабных работ в исторической части г. Кирова. Незадолго до начала его исследований, весной 1956 г., на ул. Большевиков во время земляных работ на глубине 2 метров были выявлены три слоя бревенчатой мостовой. В том же году уже сам Л. П. Гуссаковский заложил шурф в сквере у Спасского собора площадью 3 × 3,5 м и проследил под слоем XIX–XX вв. более ранний, относящийся к XVII–XVIII вв. Однако, вследствие высокого уровня грунтовых вод, этот шурф не был доведен до материка. В 1958 г. исследователь провел разведку района пересечения улиц Большевиков и Герцена, где во время строительных работ обнажился культурный слой мощностью до 2,5 м. В нижней части этого слоя были собраны фрагменты керамики XV–XVI вв. В результате этих работ была получена информация о резком западении уровня материка в 4 м к северу от проезжей части на ул. Герцена на глубину до 4 м. Л. П. Гуссаковский, соотнеся это место с южной границей посада, высказал предположение об искусственном эскарпировании склонов Засорного оврага. В том же году он исследовал культурный слой мощностью до 1 м в районе Преображенского собора женского монастыря, в результате чего выявлены материалы не ранее XVIII в. На перекрестке ул. Свободы и Ст. Халтурина, в районе церкви Иоанна Предтечи, был осмотрен котлован, вырытый под фундамент жилого дома. Мощность зафиксированного культурного слоя составила 0,3–0,9 м; в его нижней части была обнаружена керамика XVI–XVII вв.¹⁶ В 1959 г., во время исследования Вятского городища, в верхней части шурфов выявлены следы сооружений XVII–XVIII вв. и слоя XV–XVII вв. Тогда же на территории между Вятским и Хлыновским городищами Л. П. Гуссаковский заложил 4 шурфа общей площадью 9,5 кв. м, в которых были найдены фрагменты керамики и предметы XV–XVIII вв.¹⁷

После работ Л. П. Гуссаковского наблюдался достаточно длительный перерыв в изучении посадской части Хлынова — Вятки, который закончился лишь в 1980-е гг. В частности, в 1983 г. Л. Д. Макаров проследил стратиграфию культурных слоев посада на протяжении 28 м

¹⁶ Кряжевских А. Л. История изучения археологических памятников в черте современного г. Кирова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2 (5). С. 141.

¹⁷ Макаров Л. Д. История археологического изучения г. Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе. (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. Киров, 1999. С. 52–53.

во время изучения траншеи под теплотрассу, выкопанной на ул. Большевиков. При этом выявлено несколько котлованов сооружений, прослойки XV–XVII вв., мощность которых достигает 1,5–1,7 м, перекрытые слоями XIX–XX вв. мощностью 1 м, а также фрагменты деревянных построек и мостовых. В том же году Л. Д. Макаровым прослежена стратиграфия посадской части Хлынова — Вятки на протяжении почти 120 м вдоль ул. Московской, восточнее ее перекрестка с ул. Большевиков. Здесь в результате прокладки траншеи водопровода обнажился культурный слой на глубину до 2,5–3 м. При этом под современными напластованиями выявлена мостовая из тонких бревен и жердей, под которой обнаружены разрезы наземных и углубленных в материк сооружений, остатки срубов и печей. Предметы, найденные в этой траншее, относятся к XV–XVIII вв.¹⁸

В 1986 г. В. В. Ванчиков при прокладке траншеи по ул. Дрелевского, около Кировского краеведческого музея, зафиксировал стратиграфию посадских напластований на протяжении 43,5 м. В культурном слое мощностью 1,4–2 м обнаружены хозяйственные ямы и деревянная постройка XVIII в., а также предметы XV–XIX вв. В 1989 г. в том же районе исследователем зарисован профиль траншеи длиной 12 м, расположенной к западу от ул. Ленина. Мощность зафиксированного культурного слоя составила 1–1,3 м¹⁹.

В 1990 г. вновь Л. Д. Макаровым прослежена стратиграфия напластований посада на протяжении 260 м на ул. Свободы, от ул. Дрелевского до оврага Засора. В выкопанной здесь траншее выявлены разрезы ям различного назначения, дренажная канава с остатками деревянного желоба, а также прослежен профиль посадского вала шириной 5 м. Мощность культурного слоя доходила здесь до 1–1,5 м, причем под насыпью вала обнаружена керамика XVI–XVII вв. Тогда же при зачистке стенки котлована длиной 8 м, выкопанного для возведения моста через Раздерихинский овраг в Александровском саду, был выявлен слой с керамикой XV–XVII вв. Однако слой Вятского городища при этом зафиксирован не был²⁰.

В 1991 г. был принят «Проект реставрации церкви Иоанна Предтечи (историко-архивные изыскания, обмер, рабочие чертежи на воссоздание верхних ярусов колокольни и завершения холодного храма)». В период реставрации Кировским государственным объединенным историко-архитектурным и литературным музеем проводились работы по археологическому надзору. Исследования проводились под руководством старшего научного сотрудника краеведческого музея Е. А. Кошелевой.

С южной стороны церкви, вплотную к стене, был заложен шурф-траншея с целью обследования фундамента на выявление прочности кирпичной кладки. Размеры траншеи составили 6 × 1,5 м, глубина — до 3 м. В процессе обследования было выяснено, что место расположения траншеи представляло собой относительно ровную площадку, без каких-либо перепадов высот.

Стратиграфия траншеи включала множественные напластования, состоящие из строительного мусора, гумуса, перемешанного с битым кирпичом, и слоев фундамента. Важными находками, обнаруженными в этой траншее, стали три медных креста XVII–XVIII вв.

Очередные охранные археологические исследования, проведенные в 1994 г. Е. А. Кошелевой во дворе дома № 3 на ул. Московской, дали интересный материал по кирпичному производству в Вятке. Здесь впервые был обнаружен двухъярусный горн для обжига керамической посуды и изразцов, возведенный на рубеже XVII–XVIII вв., что позволило исследователю говорить о существовании в это время в Вятке собственного кирпичного производства. Верхняя часть горна имела полукруглый свод, а под (нижняя часть) был выложен кирпичом в два слоя. Была вскрыта также деревянная часть мехов. В горне обнаружены развалы керамической посуды, фрагменты

¹⁸ Там же. С. 53–54.

¹⁹ Ванчиков В. В. Отчет об археологическом исследовании траншеи по улице Дрелевского в г. Кирове в 1986 году // Фонды КОКМ. Киров, 1986. С. 1–2.

²⁰ Макаров Л. Д. Исследования в г. Кирове и в Костромской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991. С. 44–46.

изразцов. На лицевой стороне одного фрагмента четко просматриваются знамя и часть древка, стволовая часть пушки, а между знаменем и пушкой – голова воина²¹. На лицевой части другого изображены геометрический орнамент и часть фигуры воина. Еще два фрагмента оказались бракованными, без изображения. Следует заметить, что об использовании «поливных» и «муравленых» изразцов при постройке культовых и гражданских зданий в Хлынове было известно и ранее. Однако считалось, что изразцы в Вятку привозили из Москвы и Казани. Находка двухъярусного горна для обжига керамических изделий на территории г. Хлынова опровергла бытовавшее дотоле мнение о том, что в Вятке кирпичное производство появилось только в XIX в. Охранные археологические раскопки последующих лет обеспечили целую коллекцию изразцов, подтверждающих их вятское происхождение.

Двухъярусный горн для обжига керамических изделий был вскрыт на месте некогда существовавшей площади Воскресенской церкви. Издавна было принято считать, что в деревянном исполнении церковь была построена в 1679 г. Пожар 1700 г., когда сгорел весь город, не пощадил и церковь. В каменном исполнении она была выстроена в 1700 г. На плане 1759 г. указаны местоположение церкви и контур квартала, где она находилась. Но на плане не оказалось церковной площади, хотя в письменных источниках говорится о площади при первоначальной постройке Воскресенской церкви.

Если соотнести находку изразцов со строительством церкви, то принятую дату постройки церкви необходимо уточнить. В результате архивных исследований выявлено, что в 1700 г. только приступили к закладке фундамента Воскресенской церкви. Более того, были найдены фамилии мастеров и руководителя артели, которые выполняли работы по строительству храма. Горн для изготовления изразцов был выстроен ими в период возведения храма²². Были обнаружены документы, подтверждающие облицовку портала храма изразцами. В итоге охранных археологических раскопок удалось обнаружить границы площади Воскресенской церкви. Вернее, их оказалось две. Первая была вымощена деревом при строительстве храма в деревянном исполнении (XVII в.), вторая – при строительстве храма в каменном исполнении в 1707 г.

В сентябре 1994 г., в ходе проведения охранных археологических исследований при строительстве по адресу ул. Молодая Гвардия, 35, была сделана еще одна интересная находка. В культурном слое начала XX в. был обнаружен клад, упакованный в берестяной бурочок. Бурочок рассыпался на месте, но клад был собран полностью. Всего было обнаружено 514 предметов. Среди них были обнаружены столовое серебро, шприц в стерилизаторе, золотые цепочки, подвески и сережки с рубином, кошелек из кольчужно-сплетенных серебряных колец, наполненный драгоценными камнями, бусы из поделочного камня, 332 русские серебряные монеты XIX — начала XX вв., 150 русских медных монет XVIII — начала XX вв., 7 монет различных государств дореволюционного периода, два жетона в память 300-летия дома Романовых²³.

С 1992 г. началась активная застройка района под названием «Старые ямы». В течение четырех лет Е. А. Кошелева обследовала шесть котлованов под застройку домами. Стратиграфия профилей дала интересную картину. Рельеф культурного слоя имеет довольно неровную линию, часто фиксировались пятна просевшего грунта (разрезы могильных ям и траншей). В разрезах ям были обнаружены человеческие кости вперемешку с гумуссированным грунтом и с включением пятен сгнившего дерева. При проведении археологических исследований в зимний период, при строгом ограничении территории, трудно было проследить послойно культурные напластования всего комплекса для воссоздания полной картины захоронений. Например, в котловане

²¹ Кошелева Е. А. Вятка – город поморский // Шведы и Русский север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 81.

²² Тинский А. Г. Улицы. Площади. Дома. Вятка. Страницы истории. Киров, 1999. С. 146–147.

²³ Кошелева Е. А. Некоторые аспекты охранных археологических исследований в г. Кирове // Музей на рубеже веков: история, состояние, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию Кировского областного краеведческого музея. Киров, 2006. С. 80–81.

под строящийся дом № 2 на ул. Степана Халтурина (современная ул. Пятницкая), в профиле задней стенки, зафиксированы части ямы, где были обнаружены сгнившие кости вперемешку со следами сгнившего дерева в гумуссированном заполнении ямы. Данные работы говорят о возможном местонахождении скудельниц.

В 2000 г. под руководством Е. А. Кошелевой экспедиция Кировского областного краеведческого музея при участии Вятского государственного гуманитарного университета проводила археологические исследования в исторической части города Кирова. Охранный раскоп (96 кв. м) был заложен на месте будущего строительства по адресу ул. Володарского, 84, у подошвы посадского вала XVII в.

В письменных источниках и на планах города сохранились сведения о расположении посадских укреплений с подробным описанием башен и выводов, возведенных при воеводе князе Г. Козловском в 1663–1667 гг.²⁴ До самого конца XVII в. посадские укрепления перестраивались, усиливались и обновлялись. Наиболее серьезные перестройки осуществлялись в 1681–1683 гг. Постепенно пожары и оползни разрушали укрепления, а пожар 1700 г. практически уничтожил их. В 1708 г. приехавший из столицы с инспекцией полковник Григорьев признал посадские укрепления неудовлетворительными. По плану города, утвержденному в 1784 г., предусматривалось разобрать остатки острога, а насыпь вала использовать для засыпки рвов и возведения мостов-дамб через Засорный овраг, что и было осуществлено в начале XIX в.²⁵ Последняя информация о состоянии посадских укреплений XVII в. известна из черновиков М. П. Грязнова. Именно он схематично зарисовал остатки вала в 1936 г.

В верхних слоях были обнаружены остатки двух жилых сооружений (№ 1 и № 2), две поздние выгребные ямы, ров и следы частокола. Исследуемый участок — один из немногих, где застройка XX в. не разрушила остатки оборонительных укреплений города XVII в. Территория предполагаемого раскопа была строго ограничена будущим котлованом под жилой дом, то есть местом, выделенным под застройку. Раскоп был заложен между двумя существующими домами, № 82 и № 86 на ул. Володарского, ориентирован по направлению север — юг. Сооружение № 1 было построено в конце XIX в., между 1878 г. и 1901 г. Разрушено оно было в 1950-е гг. С разрушением жилого сооружения № 1 и выравниванием территории связаны слои № 2 и № 9. Поздние выгребные ямы хронологически связаны с поздним временем существования жилого сооружения № 1, о чем свидетельствует содержимое их заполнения. Сооружение № 2 было построено в конце XVIII в. Тип жилого сооружения — наземный. В заполнении — слои № 8, 10, 12. Именно в этих слоях обнаружено самое большое количество различных находок XVIII–XIX вв.: керамика, изделия из железа, кости, фарфора, стекла и другого материала. Слой № 4 связан с сооружением № 2 и выравниванием территории под строительство в конце XIX в. Ров в разрезе имеет симметричную, треугольную форму с несколько скругленным дном, ширина рва в верхнем горизонте составляет около 6 м, общая глубина его в разрезе составляет 3,13 м. При исследовании была вскрыта подошва вала. В итоге удалось зафиксировать площадку берега рва. При строительстве оборонительных укреплений одновременно с отсыпкой вала перед ними сооружался ров, между которым и основанием вала устраивалась горизонтальная береговая площадка. Она предохраняла от оползания в ров передний склон вала. Известны случаи, когда передний край рва усиливался частоколом, наклоненным в сторону «поля». Столбовые ямки, расположенные по краю рва, — это, вероятно, следы от врытого частокола, наклоненного в сторону «поля» и выполнявшего функцию дополнительного оборонительного препятствия. В культурных напластованиях найдено большое количество фрагментов керамики и развалов сосудов, фрагментов фарфоровой посуды и стеклянных изделий, железных (гвозди, пряжки, железные подковы) и бронзовых изделий, фрагментов тигра, фрагментов точильных камней. В числе вещевых находок можно выделить литейную форму

²⁴ Труды ВУАК. 1917 год. Вып. 1–2. Вятка, 1917. План-вклейка; Юрьев В. П. Вятская старина. Материалы для истории Вятского края первой четверти XVIII века. Вып. 1. 1888. С. 20; Памятники истории и культуры города Кирова. Горький, 1986. С. 159.

²⁵ Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958. С. 126; Спицын А. А. Каталог древностей Вятского края // А. А. Спицын. Избранные труды по истории Вятки. Киров, 2011. С. 34–76.

из гипса для изготовления пряжек, а также большемерный кирпич трапецевидной формы, на верхней широкой стороне которого имеется клеймо — выступающий круг с изображением числа «900»²⁶.

В марте 2004 г. охранные археологические раскопки велись в юго-западной части усадьбы Аверкия Ивановича Перминова (современная ул. Герцена, 9). Были вскрыты остатки сгоревшего сооружения, где обнаружен археологический материал первой половины XVIII–XIX вв. Особый интерес вызвали находки изразцов и крупные фрагменты слюды, а точнее — крупные слюдяные вставки для окон, которые являлись частью окончин в людской. Скорее всего, они оказались там после того, как дом застеклили стеклом, а слюдяные окончины были перенесены в людскую. Сейчас в археологической коллекции кабинета археологии ВятГУ хранятся слюдяные фрагменты, составляющие одну оконницу размером 24,7 × 38,5 см, с расстояниями между вертикальными переплетами в 5,5 и 9 см, а горизонтальными — 23,9 см. Переплеты фигурные, выполненные из белого сибирского железа; в них видны углубления под заклепки. Слюда — самой разнообразной формы: треугольной, квадратной, ромбовидной; и различных размеров: от больших и средних частиц до мельчайших, почти чешуек. Размеры самых крупных фрагментов — 14,6 × 10,2 см и 12,5 × 10,5 см. Цвета тоже разнообразны: чуть-чуть желтоватый, темно- и светло-желтый (патины), серебристый, почти прозрачный²⁷.

В 2000-е гг. продолжились раскопки под руководством Е. А. Кошелевой по линии посадских укреплений. В результате охранных археологических исследований удалось изучить стратиграфическую картину оборонительных сооружений города Хлынова в XVII в. Наиболее интересную научную информацию дали раскопки рва в пределах выводов (раскоп 2000 г. и 2002 г.) и проезжих башен — Ильинской (раскоп 2003 г.) и Никитской (раскоп 2005 г.).

Была вскрыта подошва вала. В итоге удалось зафиксировать береговую площадку рва. При строительстве оборонительных укреплений, одновременно с отсыпкой вала, перед ним создавался ров, а между основанием вала и собственно рвом устраивалась горизонтальная площадка, предохранявшая от оползания в ров грунта с внешнего склона вала. Ров в разрезе имеет симметричную треугольную форму с несколько скругленным дном, ширина его в верхнем горизонте составляет порядка 6 м, общая глубина — до 3,20 м. По верхнему краю склона рва зафиксированы столбовые ямки эллипсоидной формы, расположенные наклонно в сторону «поля» и заполненные древесным тленом и угольками. В русской фортификационной архитектуре известны случаи, когда передний край рва усиливался надолбами в виде наклонного редкого чашокола, обращенного в сторону «поля». Столбовые ямки — это, вероятно, следы таких надолбов, призванных усилить оборонительную функцию укреплений. В придонной части рва зафиксированы слои с большим количеством угля и обгоревших деревянных конструкций различной формы.

В итоге раскопок 2005 г. была вскрыта кузница XVIII в., располагавшаяся на самом краю Засорного оврага (в квартале между современными улицами Свободы и Володарского). Пол кузницы состоял из плотно уложенных большемерных ошлакованных кирпичей. Здесь было обнаружено большое количество железных кованых изделий, тигли и литейные формы различных размеров и форм, большие куски сыродутного железа, множество заготовок из прокованного железа. Обнаружение кузницы не явилось неожиданностью. Скорее всего, автор целенаправленно искал ее, так как известно, что существующие в XV в. кузницы в XVIII в. уже назывались «Старые кузницы» и были перенесены на место выше по оврагу²⁸.

В 2006 г. на ул. Герцена, 26, во время археологических раскопок были обнаружены части водотводной системы. Она представляет собой желоб, проложенный в направлении с северо-востока

²⁶ Кошелева Е. А. Археологические раскопки в г. Кирове // Актуальные проблемы истории Вятско-Камского края. К 105-летию со дня рождения Анатолия Васильевича Эммаусского: сб. ст. Киров, 2003. С. 18–19.

²⁷ Гальцова Е. С. Историко-археологическое описание усадьбы Аверкия Перминова (по материалам археологических раскопок) // Музей на рубеже веков: история, состояния, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию Кировского областного краеведческого музея. Киров, 2006. С. 95–96.

²⁸ Тинский А. Г. Вятская мозаика. Киров, 1994. С. 18.

на юго-запад, с изменением высоты залегания примерно на один метр, с наклоном с севера на юг. Общая длина вскрытого фрагмента водоотвода составляет 18,6 м. Верхняя часть водоотвода в северной его части, из-за относительно небольшой глубины залегания от уровня современной поверхности, оказалась в значительной степени утраченной. Конструкция была раздавлена тяжестью бутвки из битого кирпича (остатков фундамента разрушенного дома). Наиболее цельный фрагмент водоотвода наблюдался в его южной части. Стенки водоотвода полусгнившие, местами сохранились в виде древесного тлена. Толщина их колеблется от 2 до 7 см. Верхняя часть конструкции сохранилась фрагментарно, обломками. Толщина их составляет 2–4 см. Ширина внутренней части трубы на всем протяжении неодинакова — от 18 до 30 см. Ширина внешней части трубы составляет 28–35 см. Во внутренней части трубы были обнаружены деревянные «распорки», удерживающие стенки трубы под углом. С внешней стороны труба водоотвода была в несколько слоев обернута берестой и укреплена деревянными «подпорками». Каждая труба состоит из двух бревенчатых стенок, пола и перекрытия. Ширина внутреннего сечения трубы достигает 60 см, высота — 80 см, стенки обычно срублены из четырех бревен диаметром до 20 см. Длина секций достигает 6–7 м. Стенки между собой соединялись двумя рядами переводин, отстоявших от концов секции на расстоянии 60–100 см. Три нижние переводины, изготовленные из бревен диаметром 18–20 см, соединяются с боковыми бревнами трубы изломом, рубкой «в обло». Верхняя, четвертая, переводина делалась из горбыля и укладывалась плоской стороной на верхнее бревно стенок. У каждой бревенчатой переводины для протока воды в середине делался паз. Пол трубы изготовлялся из горбыля, уложенного выпуклой стороной вверх, и покоился на небольших лагах, выполненных из бревен же, но уложенных поперек трубы. Перекрытие трубы делалось из круглых бревен, уложенных на верхних переводинах. Стыки секций трубы забутовывались плахами и обкладывались берестой. Впервые подобная система водоотвода была вскрыта при раскопках Новгорода Великого на Торговой стороне.

Водоотводная система, вскрытая в 2006 г., была выстроена одновременно с мостовой на ул. Никитской, которая замыкалась проезжей Никитской башней, имевшей мост, и хронологически относится к XVII в. Обнаруженный водоотвод проходил вместе с мостовой под указанной башней. Он предназначался для стока воды с мостовых и был выведен за городскую стену, в отвершек Засорного оврага, который за стеной города являлся естественной преградой, заменявшей ров. Дно трубы водоотвода было врыто в материковую глину, а на склоне, у края оврага, труба водоотвода покоилась на мощных лагах и не соприкасалась с почвой. Такие дополнительные конструкции понадобились, вероятно, из-за значительного перепада высот крутого склона от вершка оврага²⁹.

В 2009 г. А. Л. Кряжевских во время охранных археологических исследований изучена стратиграфия стенок котлована размером 9 × 9 м и глубиной 1,5 м, вырытого на территории Александровского сада, вблизи здания присутственных мест XIX в. При этом было выявлено, что мощность культурного слоя в данном районе варьируется от 0,7 до 1,5 м. В южной стенке котлована зафиксировано западение культурного слоя шириной около 4,5 м, которое уходит ниже уровня выборки грунта. В профилях стенок котлована зафиксировано шесть сооружений, предположительно хозяйственных, которые можно предварительно датировать XVIII–XIX вв. В ходе зачистки стенок котлована обнаружено большое количество позднесредневековой керамики, фрагмент глиняного груза, железная обувная подкова и костяная рукоять ножа³⁰.

В конце августа 2011 г., во время выборки котлована будущего здания в г. Кирове на ул. Дрелевского, 15 (современная ул. Спасская), строителями были обнаружены человеческие останки. После получения информации об этом на место находки выехали специалисты департамента

²⁹ Кошелева Е. А. Водоотводы г. Хлынова (к вопросу о дренажной системе средневекового города) // Актуальные проблемы истории Вятско-Камского региона: К 110-летию со дня рождения А. В. Эммаусского: материалы региональной научной конференции. Киров, 2008. С. 20–21.

³⁰ Кряжевских А. Л. Отчет об археологической разведке по территории Слободского района Кировской области и Первомайского района г. Кирова в 2009 г. // Фонды КОГАУК «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Т. 1. С. 100–104.

культуры Кировской области и Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области. В результате осмотра места находок было принято решение приостановить земляные работы в этом районе и провести археологическое обследование котлована.

В ходе исследований под руководством А. Л. Кряжевских удалось проследить разрезы четырех могильных ям и обнаружить останки 9–10 человек (включая кости, найденные строителями). Археологические работы предусматривали только зачистку стенок котлована и фиксацию находок в них, так как границы нового строительства лишь незначительно выходили за пределы старого фундамента торговых лавок XIX в. Погребения ориентированы по линии восток — запад и фиксируются на глубине 2,4–2,7 м от уровня современной дневной поверхности. При этом они прорезают темно-коричневый гумуссированный культурный слой, образовавшийся на месте городского торгового центра. Содержимое могильных ям также имеет насыщенную черную окраску. В одном из захоронений обнаружены фрагменты медного крестика, в другом — остатки савана, покрывающего кости, с текстурой грубого холста.

Исследованные могильные ямы являются частью церковного кладбища XVII–XVIII вв., существовавшего при Вознесенской церкви, которая располагалась в глубине современного квартала, ограниченного улицами Спасской, Казанской, Московской и Кооперативным переулком. Церковь располагалась в западном конце хлыновского торгового центра, где сходились Никитская и Московская улицы и Покровский переулок. Примечательным в этих работах является то, что южная граница строительного котлована соприкасалась с траншеей 1986 г., в которой костных останков обнаружено не было. Следовательно, можно говорить об обнаружении южной границы приходского кладбища Покровской церкви. Вероятнее всего, кладбище при Вознесенской церкви могло функционировать до указа Екатерины II 1771 г.

В 2012 г. на территории парка «Аполло» проводились раскопки на месте предполагаемого переноса электрического кабеля, в непосредственной близости от сохранившегося участка посадского вала г. Хлынова XVII в. Площадь раскопа составила 52 м². Результаты исследований показали, что на момент сооружения линии укреплений посада в этом районе в 1663–1666 гг. жилая застройка еще не распространилась на эту территорию. Самые ранние находки, обнаруженные в раскопе, относятся к XVIII в. Своей южной частью раскоп под прямым углом пересекал ту часть линии прохождения посадского вала, которая рельефно не выделялась над уровнем дневной поверхности. Поэтому существовала вероятность изучить внутреннюю структуру вала. Однако в раскопе на месте предполагаемого прохождения линии посадских укреплений был обнаружен кирпичный дом XX в. с остатками печи, который разрушил все следы вала. Мощность культурного слоя в раскопе составила от 0,85 до 1,8 м³¹.

Выводы

В настоящее время археологическое изучение посадской части города Вятки продолжается. Изучаются слои, связанные с поздней застройкой города. На протяжении всего времени посад Хлынова системно не изучался, но даже эти исследования позволили скорректировать многие вопросы, связанные с социальной топографией города в XVI–XVIII вв. Археологические работы позволили определить местонахождение конкретных объектов социальной топографии на территории посада и монастырской слободки (приходские кладбища посадских церквей XVIII в.). На территории посада были прослежены фрагменты укрепленной линии посада. В частности, установлено местонахождение Ильинской башни, определена глубина рва в южной и северной ее частях. Кроме этого, в ходе исследований гражданской застройки города были получены важные сведения о материальной культуре города Хлынова в XVII–XVIII вв.

³¹ Кряжевских А. Л. Раскопные исследования КОГАУК «НПЦ по охране ОКН Кировской области» в 2012 г. // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета): сб. материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Киров, 20–21 ноября 2013 г.: в 2 т. Киров, 2014. Т. 2. С. 88.

References

Galtsova E. S. [Historical and Archaeological Description of Averky Perminov's Estate (Based on the Materials of Archaeological Excavations)]. *Muzey na rubezhe vekov: istoriya, sostoyaniya, perspektivy: materialy mezhdunar. nauch. konf. posvyashchennoy 140-letiyu Kirovskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya* [Museum at the Turn of the Century: History, Conditions, Prospects: Materials of the International Sci. Conf. Dedicated to the 140th Anniversary of the Kirov Regional Museum of Local Lore]. Kirov: S. n., 2006, pp. 95–96. (In Russian).

Gordeev V. I., Pavlenko Yu. A. *Malyy gorod Povolzh'ya v pozdnem srednevekov'ye* [Small Town of the Volga Region in the Late Middle Ages]. Yoshkar-Ola: MarGU Publ., 2004. (In Russian).

Kosheleva E. A. [About the Vyatka common graves]. *"Slobodskoy i slobozhane": materialy IV nauch.-prakt. konf.* ["Slobodskoy and Slobozhane": Materials of the 4th Sci. and Practical Conf.]. Slobodskoy: Slobodskoy muzeyno-vystavoch. tsentr Publ., 2001, pp. 101–103. (In Russian).

Kosheleva E. A. [Archaeological Excavations in Kirov]. *Aktual'nyye problemy istorii Vyatsko-Kamskogo kraya: sb. statey k 105-letiyu so dnya rozhdeniya Anatoliya Vasil'yevicha Emmausskogo* [Actual Problems of the History of the Vyatka-Kama Region: Collection of Articles on the 105th Anniversary of the Birth of Anatoly Vasilyevich Emmaussky]. Kirov: VyatGGU Publ., 2003, pp. 18–19. (In Russian).

Kosheleva E. A. [Drainage Systems of the Khlynov City (On the Issue of the Drainage System of a Medieval City)]. *Aktual'nyye problemy istorii Vyatsko-Kamskogo kraya. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Emmausskogo: materialy region. nauch. konf.* [Actual Problems of the History of the Vyatka-Kama Region. To the 110th Anniversary of the Birth of A. V. Emmaussky: Materials of the Regional Sci. Conf.]. Kirov: VyatGGU Publ., 2008, pp. 18–22. (In Russian).

Kosheleva E. A. [From the Scientific Heritage of the Historian and Archaeologist A. A. Spitsyn]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2008, no. 1 (1), pp. 37–41. (In Russian).

Kosheleva E. A. [Some Aspects of Protective Archaeological Research in Kirov]. *Muzey na rubezhe vekov: istoriya, sostoyaniya, perspektivy: materialy mezhdunar. nauch. konf. posvyashchennoy 140-letiyu Kirovskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya* [Museum at the Turn of the Century: History, Conditions, Prospects: Materials of the International Sci. Conf. Dedicated to the 140th Anniversary of the Kirov Regional Museum of Local Lore]. Kirov: S. n., 2006, pp. 78–84. (In Russian).

Kosheleva E. A. [Vyatka is a Pomeranian City]. *Shvedy i Russkiy sever: istoriko-kul'turnyye svyazi* [The Swedes and the Russian North: Historical and Cultural Connections]. Kirov: Kirov. gos. ob"yed. istoriko-arkhitektur. i lit. muzey Publ., 1997, pp. 72–82. (In Russian).

Kryazhevskikh A. L. [Excavation Studies of the KOGAUK "NPTs for the Protection of the Cultural Heritage of the Kirov Region" in 2012]. *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem (k 100-letiyu Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta): sb. materialov VII Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem* [Vyatka in the Past and Present (On the 100th Anniversary of the Vyatka State Humanitarian University): Collection of Materials of the 7th All-Russian Sci. and Practical Conf. with International Participation. In 2 Vols.]. Kirov: VyatGGU Publ., 2014, vol. 2, pp. 85–89. (In Russian).

Kryazhevskikh A. L. [The History of the Study of Archaeological Sites within the Boundaries of Modern Kirov]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2011, no. 2 (5), pp. 137–146. (In Russian).

Luppov P. N. *Istoriya goroda Vyatki* [History of Vyatka city]. Kirov: Kn. izd-vo Publ., 1958. (In Russian).

Makarov L. D. [Research in Kirov city and in the Kostroma Region]. *Arkheologicheskiye otkrytiya Urala i Povolzh'ya* [Archaeological Discoveries of the Urals and the Volga Region]. Izhevsk: Udm. in-t istorii, yaz. i lit. Publ., 1991, pp. 44–46. (In Russian).

Makarov L. D. [The History of the Archaeological Study of Vyatka City (Khlynov)]. *Evropeyskiy Sever v kul'turno-istoricheskom protsesse (K 625-letiyu goroda Kirova): materialy mezhdunar. konf.* [European North in the Cultural and Historical process (To the 625th Anniversary of Kirov): Materials of the International Conf.]. Kirov: Kirov. obl. krayeved. muzey; Shved. Kul'tur. Tsentr Publ., 1999, pp. 52–54. (In Russian).

Pamyatniki istorii i kul'tury goroda Kirova [Monuments of History and Culture of the City of Kirov]. Gorky: Volgo-Vyatskoye knizhnoye izd-vo Publ., 1986. (In Russian).

Spasskiy N. A. [Appearance of Vyatka]. *Trudy po istorii i statistike Vyatskogo kraya* [Proceedings on the History and Statistics of the Vyatka Region]. Kirov: Kirovskaya obl. tip. Publ., 2014, pp. 22–32. (In Russian).

Tinskiy A. G. *Planirovka i zastroyka goroda Vyatki v XVII–XIX vekakh* [Planning and Development of Vyatka City in the 17th–19th Centuries]. Kirov: Volgo-Vyatskoye knizhnoye izd-vo Publ., 1976. (In Russian).

Tinskiy A. G. *Ulitsy. Ploshchadi. Doma. Vyatka. Stranitsy istorii* [Streets. Squares. Houses. Vyatka. Pages of History]. Kirov: Vyatka Publ., 1999. (In Russian).

Tinskiy A. G. *Vyatskaya mozaika* [Vyatka Mosaic]. Kirov: Volgo-Vyatskoye knizhnoye izd-vo, Kirovskoye otd. Publ., 1994. (In Russian).

УДК 902.2(470.5)''17/19''

Булакова Екатерина Александровна

научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований ИИиА УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0002-2935-0018

E-mail: Bulakovaeakaterina@gmail.com

Трофимова Екатерина Анатольевна

научный сотрудник ООО «Центр историко-культурных исследований “Астра”» (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-8797-8359

E-mail: trofimovaforarchaeology@gmail.com

**Культурный слой города Екатеринбурга XVIII — начала XX в.
по данным археологии: проблемы и перспективы изучения**

АННОТАЦИЯ. В статье кратко представлены общие теоретические положения работы с памятниками археологии Нового времени, обозначенные исследователями, которые важны для понимания специфики археологических исследований этого периода. Основная часть работы посвящена историографии изучения культурного слоя г. Екатеринбурга XVIII — начала XX века археологическими разведками и раскопками. Результаты обработки массива данных источников (публикаций в научных изданиях и СМИ, научных отчетов и актов ГИКЭ) проанализированы и представлены визуально (в таблице и с помощью карты-схемы). Такое обобщение информации по изучению объектов археологии Нового времени для г. Екатеринбурга выполнено впервые и позволяет констатировать значительный объем данных, пригодных для осмысленного выделения особых охранных зон в городе и детальной характеристики различных аспектов образа жизни городского населения исторического времени, основанной на комплексном анализе письменных и археологических источников. Такого рода работы активно реализуются в соседних городах Урала и Сибири (г. Челябинск, Пермь, Курган, Тобольск и т. д.), тогда как для Екатеринбурга существует только несколько работ, посвященных отдельным элементам материальной культуры его жителей, но в целом потенциал археологического источника пока что не реализован в научных исследованиях и прогностических охранных мероприятиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатеринбург, археология Нового времени, городской культурный слой, охранные раскопки, историография, картографирование

UDC 902.2(470.5)"17/19"

Ekaterina A. Bulakova

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0002-2935-0018

E-mail: Bulakovaeakaterina@gmail.com

Ekaterina A. Trofimova

Center for Historical and Cultural Research "Astra" (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0001-8797-8359

E-mail: trofimovaforarchaeology@gmail.com

**The Cultural Layer of the 18th – Early 20th Centuries Ekaterinburg
According to Archaeology: Problems and Prospects of Study**

ABSTRACT. The article briefly presents the general theoretical provisions that are important for understanding the specifics of archaeological research in the modern period. The main part of the work is devoted to the historiography of the study of the cultural layer of Ekaterinburg in the 18th – early 20th centuries by archaeological methods. The results of processing an array of data are analyzed and presented visually (in a table and using a schematic map). The work carried out makes it possible to use the data to identify special buffer zones in the city and to provide a detailed description of various aspects of the lifestyle of the urban population of historical time, based on a comprehensive analysis of written and archaeological sources. Such works are actively implemented in the neighbouring cities of the Urals and Siberia (Chelyabinsk, Perm, Kurgan, Tobolsk, etc.), while for Ekaterinburg there are only a few works devoted to individual elements of the material culture of its inhabitants, but in general, the potential of archaeological source has not yet been realized in scientific research and predictive conservation measures.

KEYWORDS: Ekaterinburg, modern archaeology, urban cultural layer, security excavations, historiography, mapping

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к тематике городской археологии Нового времени, в нашем случае истории г. Екатеринбурга XVIII — нач. XX в., на примере археологических данных уже не вызывает неприятия у исследователей. Это стало возможным благодаря многолетней работе по сохранению и изучению памятников поздних периодов на территории России. Одним из основополагающих событий, определивших вектор развития археологии Нового времени как полноправной отрасли фундаментальных исторических исследований, стал круглый стол «Археология позднего периода истории». В рамках мероприятия в 2004 г. ведущими специалистами были определены особые аспекты «поздней» археологии, развитие которых за прошедшее время помогло ей стать полноценным научным направлением¹. Первый аспект — *охрана историко-культурного наследия*. Сохранение и охрана ОАН — это базовая функция, регулируемая ФЗ №73² и Положением³, однако имеет место отношение к пластам позднего периода как к балласту, удаляемому в ходе работ при помощи техники, без детальной фиксации планов и стратиграфии, и вещевого комплекса⁴. Важно понять, что информативная «ценность» некоторых слоев будет осознана позже и, в частности для Екатеринбурга, несохранение слоев XVIII — нач. XX в. означает потерю информации о материальной культуре периода создания и формирования его как города. При таком «подходе» также отрицается существование целого направления индустриальной археологии, которая для Урала представляет значительный, основополагающий период истории⁵. Второй аспект — *исследовательский*. Материалы позднего времени, в силу своей повсеместной представленности и многочисленности, могут быть «полем» для решения методических проблем, развития и отработки междисциплинарных подходов. Например, применение ГИС-методов для фиксации объектов, что значительно ускоряет процесс и повышает объективность создаваемого источника,⁶ или же внедрение методов информационного моделирования для создания реконструкций (информационных моделей)⁷. Третий аспект — *комплексный*. Археологи, обладающие опытом работы на ОКН, где представлены архитектурные и археологические комплексы (Л. А. Беляев, П. А. Корчагин, С. Н. Погорелов и др.), подчеркивают, что памятники архитектуры и культурный слой, сформированный вокруг них, необходимо изучать вместе, в единой связке. Так, раскопки помогают выявить неизвестные постройки архитектурных комплексов⁸ или же обогатить информацию из письменных источников конкретными предметами быта⁹. И наконец, четвертый

¹ Археология позднего периода истории. Материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлекгией журнала «Российская археология» // РА. 2005. № 1. С. 81–99.

² ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ (полн. ред.).

³ Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации от 20.06.2018, № 32.

⁴ Археология позднего периода истории... С. 82.

⁵ Корепанов Н. С. Уктус — исток Екатеринбурга. Екатеринбург, 2012. 38 с.; Курлаев Е. А. Археология в истории изучения промышленности Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. 2001. Вып. 4. С. 164–165; Погорелов С. Н. Некоторые полевые исследования заводов XVIII–XIX вв. на Среднем Урале (возможности и проблемы) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всерос. научная конф., посв. 90-летию заслуженного деятеля науки России, д. и. н., проф. А. В. Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. В 2-х т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 297–301.

⁶ Сагманова Г. М., Халимуллина Л. Р., Харченко Н. А. Опыт применения ГИС в городской археологии (по материалам раскопок на Всесвятском кладбище в г. Самаре) // LIII Урало-Поволжская археологическая конф. студентов и молодых ученых. Материалы Всерос. (с межд. уч.) конференции. Оренбург, 1–3 февраля 2021. Оренбург, 2021. С. 300–301.

⁷ Ежов А. О., Майничева А. Ю. Применение информационного моделирования для реконструкции сибирских построек XVI–XVII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сб. научных статей. В 2 т. Омск; Сургут, 2021. Т. 1. С. 347.

⁸ Самигулов Г. Х., Васина Ю. В. Усадьба Покровских в Челябинске по архивным материалам и данным археологических исследований // Культура русских... Т. 2. С. 73–74.

⁹ Маслюженко Д. Н., Мергенева К. Н., Новиков И. К. Хронология сооружений на участке памятника «Культурный слой города Кургана» (на улице Куйбышева, 21) // Культура русских... Т. 2. С. 103–105.

аспект — образовательный. Отмечается нарастание интереса людей к прошлому в целом, но археологические материалы «недавнего» времени, генетически связанные с городом¹⁰, находят больший отклик у горожан. Формируется эмоциональная связь между жителями и городом («малой родиной»), обеспечивающая самоидентификацию с конкретной местностью и эпохой¹¹. На современном этапе существует более вдумчивое отношение к изучению поздних периодов истории методами археологии и вполне сформированное научное направление по изучению материалов этого времени¹².

Основа предпринятого исследования — это обращение к истории изучения культурного слоя Нового времени в Екатеринбурге (XVIII — нач. XX вв.) с помощью археологии, обсуждение существующих проблем и определение дальнейших направлений, с учетом накопленных данных. В рамках такого рода комплексных историко-археологических исследований объектом изучения становится город — уникальный источник по реконструкции образа жизни его населения¹³. Исследователь П. А. Корчагин, говоря о специфике исследования уральских городов, подчеркивает следующее. Во-первых, город обладает специфическим набором функций, характеристика каждой из которых, ее отсутствие, степень сформированности, свойственные городу, определяет картину его развития в каждый конкретный момент. Во-вторых, важно помнить, что «история людей» и «история зданий» неотделимы друг от друга. Это хорошо прослеживается в истории провинциального Екатеринбурга, где акторами реализации градостроительных планов и создания значимых архитектурных комплексов выступали конкретные люди¹⁴. И наконец, в-третьих, комплексное исследование стремится к всесторонней и объективной картине прошлого, для этого необходимо задействовать все наличествующие источники — письменные, археологические и этнографические, а не выбирать, какой из источников преподносит наиболее исчерпывающую информацию¹⁵. В ходе работ по изучению истории городов соседних территорий уже происходит уточнение или верификация письменных данных материалами археологических раскопок¹⁶, раскрытие локальных сюжетов с помощью синтеза материальных и письменных источников¹⁷, а также построение научных типологий отдельных категорий вещевого комплекса с использованием этнографических данных¹⁸. В это же время история уездного Екатеринбурга, всесторонне представленная в исторических работах¹⁹, оказывается практически белым «пятном» на «карте» археологических исследований²⁰.

¹⁰ Археология позднего периода истории... С. 82.

¹¹ Чичёва С. Е. Актуальная археология: историческое наследие в современном городском ландшафте // Труды VI (XXII) Всерос. арх. съезда в Самаре. Труды съезда. В 3-х т. Самара, 2020. Т. 3. С. 204.

¹² Беляев Л. А. Археология России Нового времени: тенденции развития // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2017. № 49. С. 67.

¹³ Корчагин П. А. Некоторые вопросы методологии, методики и организации комплексных историко-археологических исследований в городах Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. 1999. Вып. 3. С. 211.

¹⁴ Свод памятников истории и культуры Свердловской области / Отв. ред. В. Е. Звагельская. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 7–56.

¹⁵ Корчагин П. А. Некоторые вопросы методологии... С. 213–214.

¹⁶ Кайсин А. О., Борисова А. М., Глазырина М. К. Хлыновский кремль в XVI–XVIII вв. по археологическим данным // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1, № 1. С. 85–91.

¹⁷ Алаева И. П. Исследование культурного слоя города Челябинска на территории Заречья // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 4 (24). С. 140–144.

¹⁸ Татаурова Л. В. Методические аспекты формирования археологического источника Нового времени // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2021. № 69. С. 67–69.

¹⁹ См.: Микитюк В. П., Яхно О. Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: Очерки городского быта. Екатеринбург, 2014. 488 с.

²⁰ Бачура О. П., Лобанова Т. В. Кости животных из кухонных отходов русского населения Екатеринбурга в XVIII–XX вв. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / Под ред. Л. В. Татауровой. Омск, 2017. С. 363–368; Рассадников А. Ю. Археозоологические материалы (XIX в.) из раскопок Екатеринбурга // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 75–85; Он же. Домашний скот в жизни Екатеринбурга в XIX в. по материалам охранных раскопок на ул. Декабристов, 69 // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4 (32). С. 131–146; Сауков Г. Н. Происхождение гончарной посуды в культурном слое Екатеринбурга последней четверти XIX — начала XX в. по письменным источникам // Пограничный город России: археология, история архитектуры и фортификации, этнология. Сб. научных трудов / Гл. ред. Р. Г. Буканова, отв. ред. С. Р. Муратова. Киров, 2022. С. 34–46.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Отметим, что для Екатеринбурга на современном этапе не реализовано создание единого памятника «культурный слой города», как это предпринято, например, в г. Кургане²¹, и фиксируются только отдельные памятники Нового времени, включенные в ЕГРОКН или в список выявленных ОКН области. А достаточно формальный количественный показатель плотности памятников позднего периода на 1000 км², выявленных на Урале, Сибири и Дальнем Востоке в 2016 году, был равен 0, что в абсолютных цифрах означало около 80²².

Как и уральская археология в целом, выявление и изучение памятников эпохи Нового времени Екатеринбурга прошло этапы становления и развития в русле постепенного перехода от краеведческих к научным исследованиям. Значительную роль в этом процессе сыграла необходимость производства спасательных археологических работ в историческом центре города в связи с хозяйственным освоением, чаще — застройки. Несмотря на то, что начало изучения памятников XVIII–XIX вв. было положено в 1970-е гг. (когда на оз. Шувакиш С. Н. Погореловым были найдены остатки крестьянского железоделательного завода, впоследствии раскопанного Е. А. Курлаевым в 1993–1994 гг.²³), системное исследование городского культурного слоя началось только в конце 1990-х гг.: в 1998 г. в Областном научно-производственном центре охраны памятников истории и культуры (далее — НПЦ) создано подразделение по Городской археологии, нацеленное на выявление, изучение и сохранение объектов культурного наследия, датируемых с XVII по нач. XX в.²⁴

В период с 2000 по 2016 г. это подразделение НПЦ провело исследования целого ряда объектов в историческом центре города (см. таблица 1), среди которых особо стоит выделить исследования Монастырского и Успенского кладбищ в Зеленой Роще (2000–2014 гг.) и погоста при Богоявленской церкви на площади 1905 г. (2008). К середине 2010-х гг. на территории Свердловской области сотрудники НПЦ смогли провести исследования на 28 объектах Нового времени²⁵, из них 11 расположены в Екатеринбурге. Большая часть работ была проведена на разрушающихся объектах.

В 2016 г. оптимизация НПЦ привела к сокращению числа сотрудников. С этого момента по настоящее время работы по выявлению и сохранению археологических памятников велись несколькими государственными и частными организациями: группа охранных археологических исследований Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ГИАИ ИИИА УрО РАН); лаборатории УрФУ: научно-производственное многопрофильное предприятие (НПМП) «Волот»; Центр археологических исследований УрФУ; Музей истории Екатеринбурга; ООО «Первая архитектурно-производственная мастерская» (ООО «АПМ-1»), ООО «Уральский центр проектирования и реставрации (ООО «УЦПР»)), ООО «Центр историко-культурных исследований «Астра»» (ООО «ЦИКИ «Астра»»), ООО «Екатеринбургская специальная научно-реставрационная проектная мастерская» (ООО «ЕЧРПМ»)), ООО «Научно-производственное объединение «АрхЭтно»» (ООО «НПО «АрхЭтно»») и другие.

Всего за период с 2016 г. по настоящее время силами этих исследовательских институций было выявлено и исследовано порядка 50 археологических памятников Нового времени, определены их границы, на некоторых из них проведены спасательные археологические работы (см. таблица 1).

²¹ Новиков И. К. Предварительные итоги исследования культурного слоя г. Кургана в 2013 г. // XI Зырянские чтения: материалы Всерос. научно-практической конференции (Курган, 5–6 декабря 2013 г.). Курган, 2013. С. 22–24.

²² Макаров Н. А., Зеленцова О. В., Коробов Д. С., Черников А. П., Ворошилов А. Н. Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной географо-информационной системы «Археологические памятники России» // РА. 2016. № 4. С. 10.

²³ См.: Курлаев Е. А., Костоглоу П. Л., Коронеос К. П. Исследование остатков Шувакишского и Тумашевского заводов в 1994 г. // Ежегодник Научно-исследовательского ин-та русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 129–131.

²⁴ Погорелов С. Н. Некоторые полевые исследования заводов XVIII–XIX вв. на Среднем Урале... С. 297–301.

²⁵ Погорелов С. Н. Там же. С. 122.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

В основе данного исследования — общие принципы теории динамических систем, применяемые в теории познания, когда объект исследования воспринимается частью динамического взаимодействия человека и внешней среды²⁶. Подход имеет мощные перспективы к дальнейшему осмыслению полученных данных, однако, если в современных исследованиях археологических памятников дописьменного периода это выражается в первую очередь в возможностях реконструкции систем расселения и жизнеобеспечения древнего населения²⁷, то в рамках памятникоохранных изысканий — в развитии процедуры камерального зонирования, которая позволяет оценить степень перспективности поиска объектов, обладающих признаками ОКН, и наиболее эффективно произвести натурное обследование (но не исключить его).

Ведущими методическими приемами стали методы картографирования, применяемые в археологии как способ анализа и обобщения результатов, произведенных в конкретных географических рамках полевых исследований. Нами произведена работа по формированию базы данных по археологическим памятникам г. Екатеринбурга в границах ЕКАД, выявленных и исследованных с 1875 г. по настоящее время. Источниковая база по объектам Нового времени составлена на основе трех групп источников:

1) **Архивные материалы: отчеты, полевые материалы авторов.** В первую очередь были использованы результаты натурного обследования участков, проведенных сотрудниками ООО «ЦИКИ “Астра”», выполненных в период с 2020 г. на территории г. Екатеринбурга.

2) **Перечни выявленных и исследованных объектов, а также результаты исследований в печатных публикациях.** В первую очередь, это работы С. Н. Погорелова, внесшего наиболее значительный вклад в изучение городского культурного слоя г. Екатеринбурга.

3) **Открытые данные по проведенным Государственным историко-культурным экспертизам (ГИКЭ) документации, содержащей результаты обследования земельных участков, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками ОКН:** акты ГИКЭ, приложения в виде технических отчетов, приказы Управления государственной охраны объектов культурного наследия по Свердловской области.

4) **Данные Публичной кадастровой карты (ПКК) Росреестра.**

Полученные данные были сформированы в виде сводной таблицы, основными параметрами стали местоположение (административное, в т. ч. с адресной привязкой, на кадастровой карте, в топографии города), авторство работ (держатель Открытого листа либо ответственный исполнитель), выявленная площадь ОАН, учет площади шурфовки. Также составлена карта-схема памятников, реализованная в приложениях для некоммерческого использования, например, SASPlanet.

В ходе работ возникла потребность в учете также исследованных участков, на которых культурного слоя не было выявлено: это позволило подсчитать степень изученности заданной территории (см. цв. вклейку, рис. 2).

²⁶ Зайцева Е. А. Археологические памятники Сургутского Приобья (археологическая карта: интерпретация и возможности прогнозирования): Автореф. дисс. на соискание уч. степени к. и. н. Кемерово, 2011. С. 5.

²⁷ См. ряд работ по данной тематике.

Таблица 1

ОКН Нового времени в г. Екатеринбурге

№ пп	Год выявления	Название ОАН	Исследователь/ держатель ОЛ	Источник
1.	1978	Крестьянский железодельный Шувакишский завод	Погорелов С. Н.	См.: Курлаев Е. А. Археологическое исследование Шувакишского железодельного завода нач. XVIII в. // УИВ. 2002. № 8. С. 164–183
2.	1990-е	Братская могила Коммунаров	Погорелов С. Н.	См.: Погорелов С. Н. Обследование некоторых объектов начала XX в. по революционному движению и Гражданской войне на Урале // Вестник Музея истории Екатеринбурга. 2012. Вып. 1. С. 28–35
3.	1998	Усадьбы Купецкой слободы на ул. Добролюбова	Погорелов С. Н.	См.: Кузнецова Е. В., Погорелов С. Н. Археологические исследования в г. Екатеринбурге // Пермский регион: история, современность, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. Березники, 2001. С. 79–83
4.	1998	Первая Екатеринбургская крепость и завод	Погорелов С. Н.	Волков Р. Б., Морозов В. М., Погорелов С. Н. К проблеме сохранения историко-культурного наследия г. Екатеринбурга // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 222–229
5.	1999	Горнозаводская аптека и командирский двор Первого члена горного правления заводов Сибири и Урала Н. Г. Клеопина	Погорелов С. Н.	Погорелов С. Н. Археологическое исследование Командирских дворов церковной стороны Екатеринбургской крепости // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2007. Вып. 5. С. 188–193
6.	1999	КСЕ на ул. Пролетарской	Погорелов С. Н.	Волков Р. Б., Морозов В. М., Погорелов С. Н. К проблеме сохранения историко-культурного наследия г. Екатеринбурга // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 222
7.	1999	КСЕ на ул. 8 Марта (Мытный двор)	Погорелов С. Н.	Там же. С. 223
8.	1999	КСЕ у Плотинки, набережной Рабочей Молодежи (левый берег)	Погорелов С. Н.	Там же. С. 224
9.	1999	КСЕ на ул. Маршала Жукова, 10	Погорелов С. Н.	Там же. С. 224
10.	1999	Служебный двор усадьбы Расторгуева- Харитоновна на ул. К. Либкнехта	Погорелов С. Н.	Там же. С. 224

11.	1999	КСЕ на набережной р. Исеть, на ул. Щедрина до моста на ул. Радищева (правый берег)	Погорелов С. Н.	Там же. С. 223
12.	2000	Первая Вознесенская церковь и Ипатьевская усадьба	Погорелов С. Н.	См.: Погорелов С. Н. Из исследований некрополей в Свердловской области // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей / Под редакцией Л. В. Татауровой. Омск, 2017. С. 119–123
13.	2002	Усадьба генерала Качки на ул. К. Либкнехта, 26	Погорелов С. Н.	Там же. С. 119–123
14.	2002	Первое «Заречное» кладбище Екатеринбурга на ул. К. Либкнехта	Погорелов С. Н.	Там же. С. 119–123
15.	2002	Немецкое кладбище на ул. Блюхера	Погорелов С. Н.	Там же. С. 119–123
16.	2002 (2019 и ранее)	Монастырский некрополь («кладбище в Зеленой Роще»)	Спиридонов И. А. (Погорелов С. Н.)	См.: Погорелов С. Н. Некоторые итоги новых исследований Успенского и Монастырского некрополей Ново-Тихвинского монастыря // Православие на Урале: связь времен. IV Межрегиональная научно-практическая конференция. Екатеринбург, 17 января 2015 г. Екатеринбург, 2015. С. 185–194
17.	2004	Уктусский завод-крепость	Погорелов С. Н.	Погорелов С. Н. Некоторые полевые исследования заводов XVIII–XIX вв. на Среднем Урале (возможности и проблемы) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию заслуженного деятеля науки России, д. и. н., профессора А. В. Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2-х т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 299
18.	2005	Первое Богоявленское кладбище рядом с ул. Вайнера (ТЦ «Европа»)	Погорелов С. Н.	См.: Погорелов С. Н. Из исследований некрополей в Свердловской области // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей / Под редакцией Л. В. Татауровой. Омск, 2017. С. 119–123
19.	2008	Первая Богоявленская церковь с погостом и Богоявленский собор (пл. 1905 г.)	Погорелов С. Н.	Там же. С. 119–123
20.	2009	Рязановское кладбище XVIII–XIX вв.	Погорелов С. Н.	Там же. С. 119–123
21.	2011	КСЕ на ул. Вайнера («Пассаж»)	Каменский С. Ю.	Археологи раскопали на улице Гоголя жилой квартал времен основания Екатеринбурга // [Сайт]. Режим доступа: https://www.e1.ru/text/gorod/2013/06/13/52726731/ (дата обращения: 25.08.2022)

22.	2012	Успенский некрополь	Погорелов С. Н.	См.: Погорелов С. Н. Некоторые итоги новых исследований Успенского и Монастырского некрополей Ново-Тихвинского монастыря // Православие на Урале: связь времен. IV Межрегиональная научно-практическая конференция. Екатеринбург, 17 января 2015 г. Екатеринбург, 2015. С. 185–194
23.	2013	КСЕ в границах объекта по адресу: ул. Гоголя, 18	Каменский С. Ю.	Археологи раскопали на улице Гоголя жилой квартал времен основания Екатеринбурга // [Сайт]. Режим доступа: https://www.e1.ru/text/gorod/2013/06/13/52726731/ (дата обращения: 25.08.2022)
24.	2015	Верх-Исетское нагорное кладбище	Погорелов С. Н.	См.: Погорелов С. Н. Из исследований некрополей в Свердловской области // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей / Под редакцией Л. В. Татауровой. Омск, 2017. С. 119–123
25.	Др2014г.	«Остатки кирпичного фундамента, принадлежащие одному из зданий объекта культурного наследия федерального значения: “Здания и сооружения Екатеринбургского завода-Монетки”, XVIII — нач. XX в.»	нет данных	Погорелов С. Н. Некоторые полевые исследования заводов XVIII–XIX вв. на Среднем Урале (возможности и проблемы) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию заслуженного деятеля науки России, д. и. н., профессора А. В. Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2-х т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 299
26.	Др2014г.	Остатки юго-западного полубастиона Екатеринбургской крепости	Погорелов С. Н.	Там же. С. 299
27.	2016	КСЕ в районе улиц Горького — Карла Маркса — Цветоводов («усадьба Деласье»)	Вилисов Е. В.	Вилисов Е. В. Материалы о проведении археологических изысканий (разведки) на территории исторической части г. Екатеринбурга, в квартале ул. Горького, Карла Маркса, Цветоводов, Куйбышева в 2016 г. Екатеринбург, 2016. 174 с. // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2016 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2016-god.html (дата обращения: 1.06.2022)
28.	2017	КСЕ на ул. Куйбышева, 41	ГОАИ ИИИА УрО РАН	См.: Рассадников А. Ю. Археозоологические материалы (XIX век) из раскопок Екатеринбурга // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 75–85
29.	2017	КСЕ на ул. Горького, 17	Пушкарев И. Е.	Пушкарев И. Е. Технический отчет «Археологическое обследование земельного участка в г. Екатеринбурге, предназначенного под объект строительства «Многофункциональный комплекс по ул. Горького, 17», проведенное в 2017 г. Екатеринбург, 2017. 153 с. // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2017 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2017-god.html (дата обращения: 1.06.2022)

30.	2017	КСЕ на ул. Декабристов, 69	ГОАИ ИИиА УрО РАН	См.: Рассадников А. Ю. Домашний скот в жизни Екатеринбурга в XIX веке по материалам охранных раскопок на ул. Декабристов, 69 // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4 (32). С.131–146
31.	2018	КСЕ в пределах улиц Малышева — 8 Марта	Чаиркина Н. М.	Чаиркина Н. М. Технический отчет «Археологическое обследование земельного участка, расположенного в г. Екатеринбурге в пределах ул. Малышева — 8 Марта, проведенное в 2018 году». Екатеринбург, 2018. 98 с. // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2018 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2018-god.html (дата обращения: 1.06.2022)
32.	2018	Местонахождение эпохи энеолита, КСЕ в районе мыса Динамо	Спиридонов И. А.	Акт ГИКЭ проектной документации «Обеспечение сохранности ОКН. ОКН регионального значения ансамбль «Симановская мельница» и входящие в его состав ОКН регионального значения «Четырехэтажное каменное здание мельницы» и «Здание лаборатории», расположенные по адресу: Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Челюскинцев, д. 58. Выявленный ОАН «Местонахождение эпохи энеолита, поселенческий слой г. Екатеринбурга XVIII–XIX вв. в пределах набережной», расположенный в Железнодорожном р-не г. Екатеринбурга, на стрелке городского пруда (ул. Еремина / Олимпийская набережная)» при проведении работ по объекту «Ремонт тротуара на Олимпийской набережной // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2018 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2018-god.html (дата обращения: 1.06.2022)
33.	2018	ПСЕ в районе пересечения ул. Пушкина — Первомайской	Спиридонов И. А.	Выявлен ОАН «Поселенческий слой г. Екатеринбурга XVIII — нач. XX века в р-не пересечения ул. Пушкина — Первомайская» // УГО ОКН СО. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/vyyavlen-obekt-arheologicheskogo-naslediya-poselencheskiy-sloy-g-ekaterinburga-xviii-nachala-xx.html (дата обращения: 25.08.2022)
34.	2020	КСЕ в границах объекта в пер. Банковский — пер. Театральный	Спиридонов И. А.	Акт ГИКЭ документации, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками ОКН, на земельном участке реализации проектных решений по титулу: «Капитальный ремонт пер. Банковский от пер. Театральный до ул. Малышева» // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2020 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2020-god.html (дата обращения: 1.06.2022)

35.	2020	КСЕ на ул. Шейнкмана от пр. Ленина до ул. Малышева	Спиридонов И. А.	Акт ГИКЭ раздела документации, обосновывающего меры по обеспечению сохранности ОКН, выявленного ОКН «Культурный слой г. Екатеринбурга XVIII — нач. XX веков», участок которого расположен на правом берегу реки Исеть, в центральной части г. Екатеринбурга (осн. в 1720–1723 годах.), в Ленинском р-не (общая протяженность современной ул. 2900 м), от пр. Ленина до ул. Малышева, при модернизации сетей уличного освещения по ул. Шейнкмана, от ул. Малышева до просп. Ленина, в рамках проекта «Модернизация сетей уличного освещения по ул. Шейнкмана, от ул. Малышева до проспекта Ленина» // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2018 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2021-god.html (дата обращения: 11.09.2022)
36.	2020	КСЕ в районе пересечения улиц Первомайской — Толмачева	Спиридонов И. А.	Акт ГИКЭ документации, обосновывающей меры по обеспечению сохранности выявленного ОКН (ОАН): «Проект мероприятий по обеспечению сохранности ОКН» «Культурный слой г. Екатеринбурга XVIII — нач. XX века в р-не пересечения ул. Первомайской — Толмачева» // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2018 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2021-god.html (дата обращения: 11.09.2022)
37.	2020	КСЕ в границах объекта по адресу: ул. Декабристов, 32	Сляднев А. М.	Сляднев А. М., Гущина Е. В. Материалы археологического обследования земельного участка, испрашиваемого под объект «Строительство 2КЛ 0,4 кВ от ТП 1558 руб. № 7, ЯБПВУ до ВРУ здания учебного корпуса по адресу: ул. Декабристов, 32, литер «А». Челябинск, 2020. 156 с. Архив ООО «ЦИКИ «Астра» б/н
38.	2020	КСЕ в границах объекта по адресу: ул. Большакова — Белинского	Спиридонов И. А.	Акт ГИКЭ РОС «Благоустройство набережной р. Исети от ул. Куйбышева до ЕЦПКИО им. В. В. Маяковского» УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2020 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2018-god.html (дата обращения: 1.06.2022)
39.	2020	КСЕ в границах объекта по адресу: ул. Шейнкмана от пр. Ленина до ул. Малышева	Нет данных	Территория ОКН 66:41-8.615 // ПКК Росреестр. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://pkk.rosreestr.ru/#/search/56.833437906603216,60.58614376798715/19/@1b52i3m4bt?text=66%3A41-8.615&type=20&nameTab&indexTab&opened=66%3A41-8.615 (дата обращения: 25.08.2022)

40.	2020	КСЕ на ул. Чернышевского	Дубовцева Е. С.	Научно-проектная документация. Проект работ по обеспечению сохранности выявленного ОКН (ОАН) «Культурный слой г. Екатеринбурга XVIII — нач. XX в. по ул. Чернышевского (кадастровый номер земельного участка: 66:41:0401021:73)» в проектной документации по строительству объекта: «Надземный многоуровневый паркинг с нежилыми помещениями по ул. Чернышевского в г. Екатеринбурге». Екатеринбург, 2022 // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2022 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2022-god.html (дата обращения: 21.09.2022)
41.	2021	КСЕ на территории Исторического сквера (в юго-восточной части Музея архитектуры и дизайна УрГАХУ)	Каменский С. Ю.	В центре Екатеринбурга устроили раскопки и нашли редкие артефакты. Они лежали там с момента основания города // Е1. [Сайт]. Режим доступа: https://www.e1.ru/text/culture/2021/09/23/70153022/ (дата обращения: 11.09.2022)
42.	2021	КСЕ Репина — Посадская	Гайдакова З. Г.	Гайдакова З. Г. Технический отчет «Археологическое обследование земельного участка с кадастровым номером 66:41:0304005:57, расположенного по адресу: г. Екатеринбург, ул. Репина, 24, проведенное в 2021 г.» Екатеринбург, 2021 // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2021 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2021-god.html (дата обращения: 11.09.2022)
43.	2021	КСЕ в пределах улиц Горького — Карла Маркса — Гоголя	Гайдакова З. Г.	Акт ГИКЭ раздела документации, обосновывающего меры по обеспечению сохранности выявленного ОКН (ОАН) «Культурный слой г. Екатеринбурга в пределах ул. Горького — Карла Маркса — Гоголя» // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2022 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2021-god.html (дата обращения: 25.08.2022)
44.	2021	КСЕ XVIII — нач. XX в. на ул. Шейнкмана, 18	Каменский С. Ю.	Каменский С. Ю. Технический отчет о работе по теме: «Археологическое обследование земельного участка (археологическая разведка), планируемого под объект: «земельный участок г. Екатеринбург, Верх-Исетский р-н, жилой дом по адресу ул. Шейнкмана, д. 18 (в границах кадастрового участка номер 66:41:0301011:297)», проводимое на основании ОЛ №1876-2021». Екатеринбург, 2021. 60 с. // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2022 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2021-god.html (дата обращения: 25.08.2022)

45.	2021	КСЕ на территории объекта по адресу: ул. Горького, 43	Куприянова Е. В.	Куприянова Е. В., Трофимова Е. А. Материалы археологического исследования на территории земельного участка, испрашиваемого для выполнения проектно-изыскательских работ по объекту «ОКН регионального значения «Дом служащих электростанции», входящий в состав ОКН регионального значения «Здания «Товарищества электрического освещения Андрей Елтышев и Ко» (ансамбль), по ул. Горького, 43, в г. Екатеринбурге. Проект реставрации и приспособления для современного использования. Челябинск, 2021. 149 с. Архив ООО «ЦИКИ «Астра» б/н
46.	2021	КСЕ на территории объекта по адресу: ул. Куйбышева, 99	Боталов С. Г.	Боталов С. Г., Трофимова Е. А. Материалы археологического исследования на территории земельного участка, испрашиваемого для выполнения проектно-изыскательских работ по объекту, расположенному по адресу: МО «г. Екатеринбург», ул. Куйбышева, 99. Челябинск, 2021. 117 с. Архив ООО «ЦИКИ «Астра» б/н
47.	2021	КСЕ в границах объекта по адресу: ул. Хохрякова, 64–68	Боталов С. Г.	Боталов С. Г., Трофимова Е. А. Материалы археологического исследования на территории земельного участка, испрашиваемого для выполнения проектно-изыскательских работ по объекту, расположенному по адресу: МО «г. Екатеринбург», ул. Хохрякова, 64 — ул. Хохрякова, 68. Челябинск, 2021. 227 с. Архив ООО «ЦИКИ «Астра» б/н
48.	2021 (1999)	КСЕ в районе ул. Бориса Ельцина — Театральной площади	Берсенева Н. А. (Погорелов С. Н.)	Акт ГИКЭ документации или разделов документации, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками ОКН, на участке реализации проектных решений по титулу: «Благоустройство пл. Театральной, от ул. Антона Валека до ул. Челюскинцев, включая ремонт фонтана (I, II, III этапы)» // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2022 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2021-god.html (дата обращения: 25.08.2022)
49.	2021	КСЕ усадеб Щепной площади	Куприянова Е. В.	Куприянова Е. В., Трофимова Е. А. Технический отчет по земельному участку, испрашиваемому для выполнения проектно-изыскательских работ по объекту «Реконструкция и надстройка гаража по ул. 8 Марта/ул. Народной Воли 62/45 в г. Екатеринбурге под размещение учебно-лаб. корпуса» по адресу: МО «г. Екатеринбург», ул. 8 Марта, 62/45. Челябинск, 2021. 128 с. Архив ООО «ЦИКИ «Астра» б/н
50.	2021	КСЕ на ул. Розы Люксембург, 26–30	Куприянова Е. В.	Куприянова Е. В., Трофимова Е. А. Материалы археологического исследования на территории земельного участка, испрашиваемого для выполнения проектно-изыскательских работ по объекту, расположенному по адресу: МО «г. Екатеринбург», ул. Розы Люксембург, 26. Челябинск, 2021. 166 с. Архив ООО «ЦИКИ «Астра» б/н

51.	2021	КСЕ в границах объекта по адресу: ул. Горького, 49	Боталов С. Г.	Боталов С. Г., Трофимова Е. А. Материалы археологического исследования на территории земельного участка, испрашиваемого для выполнения проектно-изыскательских работ по объекту, расположенному по адресу: МО «г. Екатеринбург», ул. Горького, 49а. Челябинск, 2021. 84 с. Архив ООО «ЦИКИ «Астра» б/н
52.	2021	КСЕ в пределах ул. Добролюбова — Малышева и правого берега реки Исети	Гайдакова З. Г.	Акт ГИКЭ проектной документации, обосновывающей меры по обеспечению сохранности ОКН «Модернизация сетей уличного освещения по ул. Малышева, от ул. Московской до ул. Горького. Обеспечение сохранности ОАН» // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2022 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2022-god.html (дата обращения: 25.08.2022)
53.	2000-е (2022)	Старообрядческое кладбище на оз. Шарташ	Погорелов С. Н. (Яковлева Е. С.).	В работе ООО «ЦИКИ «Астра»
54.	2022	КСЕ возле здания по адресу: Малышева, 44	Чаиркина Н. М.	Чаиркина Н. М. Технический отчет «Археологическое обследование (разведка) земельных участков, отводимых под объекты: «Строительство и реконструкция сетей уличного освещения г. Екатеринбург». Екатеринбург, 2022 // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2022 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2022-god.html (дата обращения: 25.08.2022).
55.	2022	КСЕ на территории Екатеринбургского государственного цирка	Пушкарев И. Е.	Акт ГИКЭ документации, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками ОКН, на территории земельных участков, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ: технический отчет о работе по теме: «Археологическое обследование (разведка) на земельных участках, с кадастровыми номерами 66:41:0000000:354 (включая земельные участки 66:41:0401046:7; 66:41:0101901:33, 66:41:0401055:25) по ул. 8 Марта, д. 43, проведенное в июне 2022 г. на территории Ленинского р-на г. Екатеринбурга, на основании ОЛ № 0242-2022 от 30 марта 2022 г., выданного на имя И. Е. Пушкарева» // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2022 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2022-god.html (дата обращения: 25.08.2022)

56.	2022	КСЕ в границах ул. Ельцина — Челюскинцев — Октябрьской Революции — Боевых Дружин	Яковлева Е. С.	Приказ УГО ОКН СО №528 от 8.08.2022 «О включении выявленного ОАН «Культурный слой города Екатеринбурга XVIII — нач. XX вв. в границах кварталов ул. Ельцина — Челюскинцев — Октябрьской Революции — Боевых Дружин» в перечень выявленных ОКН Свердловской обл., утверждении границ территории выявленного ОАН «Культурный слой города Екатеринбурга XVIII — нач. XX вв. в границах кварталов ул. Ельцина — Челюскинцев — Октябрьской Революции — Боевых Дружин», расположенного по адресу (местонахождение): Свердловская обл., г. Екатеринбург, и установлении режима использования данной территории». [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/normativnye-pravovye-akty.html (дата обращения: 1.09.2022)
57.	2022	КСЕ в пределах ул. Маршала Жукова — А. Валека-Вайнера — Ленина	Кузьмина А. С.	Кузьмина А. С. Технический отчет: Археологическое обследование земельного участка, отводимого под «Строительство 4-этажного административного здания со служебными (рабочими) кабинетами и цокольным этажом войсковой части 61938», расположенного по адресу: Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 17а, военный городок 14, проведенное в 2022 г. // УГО ОКН СО. Историко-культурные экспертизы за 2022 г. [Сайт]. Режим доступа: https://okn.midural.ru/istoriko-kulturnye-ekspertizy-za-2022-god.html (дата обращения: 25.08.2022)
58.	2022	КСЕ в границах объекта по адресу: ул. Гоголя, 16	Яковлева Е. С.	В работе ООО «ЦИКИ «Астра»
59.	2022	КС железнодорожной платформы станции Екатеринбург-I	Чаиркина Н. М.	При работе над проектом запуска ретропоезда в Екатеринбурге обнаружили археологические ценности // [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://t.me/svzd_news/236 (дата обращения: 27.09.2022)
60.	2022	КСЕ на ул. Гоголя — Энгельса	Кузьмина А. С.	В работе ООО «НПО «АрхЭтно»
61.	нет данных	КСЕ, включающий остатки тротуарного покрытия вдоль особняков по четной стороне ул. Вайнера конца XIX — нач. XX вв. и дворовое мощение усадьбы по нечетной стороне ул. Вайнера конца XIX — нач. XX вв.	нет данных	Территория объекта культурного наследия 66:41-8.617. // ПКК Росреестр. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://pkk.rosreestr.ru/#/search/56.831837150374554,60.596852284402395/15/@1b52i3m4bt?text=56.833206%2060.595839&type=20&nameTab&indexTab&inPoint=true&opened=66%3A41-8.617 (дата обращения: 25.09.2022)
62.	нет данных	КСЕ в границах объекта по адресу: ул. Малышева — Горького	нет данных	Территория объекта культурного наследия 66:41-8.621. // ПКК Росреестр. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://pkk.rosreestr.ru/#/search/56.83463489029332,60.60793424724698/19/@1b52i3m4bt?text=56.834663%2060.608150&type=20&nameTab&indexTab&inPoint=true&opened=66%3A41-8.621 (дата обращения: 25.09.2022)
63.	нет данных	КСЕ на ул. Карла Маркса — Добролюбова (Дендропарк)	нет данных	Территория объекта культурного наследия 66:41-8.625. // ПКК Росреестр. [Эл. ресурс]. Режим доступа: https://pkk.rosreestr.ru/#/search/56.83056057407121,60.60523730843118/18/@1b52i3m4bt?text=56.830558%2060.605339&type=20&nameTab&indexTab&inPoint=true&opened=66%3A41-8.625 (дата обращения: 25.09.2022)

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Из 63 известных на данный момент ОКН Нового времени наибольшее количество выявленных, безусловно, зарегистрировано в зоне т. н. исторического центра Екатеринбурга (периметр ул. Челюскинцев — Восточная — Фурманова — Московская). Однако на территории современного Екатеринбурга в историческое время существовало несколько поселений (сам Екатеринбургский завод и его слободы, дачи; Верх-Исетский завод; Нижнеисетский завод (Уктус); деревня Шарташ; Шувакишский завод), это должно учитываться при планировании и камеральном зонировании: помимо очевидного исторического центра собственно Екатеринбурга, в городе есть еще, по крайней мере, три потенциальных центра исторической застройки и, как следствие, сохранившегося культурного слоя, что подтверждается ранними исследованиями на оз. Шувакиш и Шарташ, а также раскопками плотины Нижнеисетского завода. Можно предполагать, что на территории исторической застройки в Верх-Исетском районе также должны сохраниться участки культурного слоя Нового времени.

Анализ сохранности культурного слоя в историческом центре города показывает, что наиболее перспективными участками являются территории бывших частных усадеб, которые сегодня чаще всего учтены как ОКН регионального (областного) значения. Можно предполагать, что это связано с низкой, по сравнению с некрополями и общественными зданиями, антропогенной нагрузкой, меньшей подверженностью перепланировкам собственно приусадебного пространства. Важным фактором сохранения археологических объектов в таких усадьбах является минимальное количество либо полное отсутствие наружных коммунальных сетей, проведенных под землей (что практически невозможно для архитектурных памятников производственного либо общественного назначения). Таким образом, для культурного слоя Нового времени Екатеринбурга важно вести учет и давать предварительный анализ перспективности участков обследования в связке с работой по учету и описанию архитектурных памятников, раскрывающих историю застройки городской среды. Подобная комплексная работа позволила бы значительно увеличивать горизонт планирования хозяйственного освоения в историческом центре. Добавляется к этому еще один фактор: с точки зрения российского законодательства археологическим объектом считаются остатки материальной культуры, скрытые в земле возрастом не менее 100 лет. Это означает, что с течением времени получают признание в качестве археологических памятников участки культурного слоя первой половины XX века. Последовательная деятельность по наличию и оценке археологических (и, так скажем, «готовящихся стать археологическими») памятников на территории у архитектурных памятников конструктивизма в Екатеринбурге позволит планировать работы по изучению таких объектов, не усложняя строительные и планировочные работы, станет возможным уход от аврального характера спасательных археологических работ и реализуется переход к изучению конкретных сюжетов образа жизни жителей города XVIII — нач. XX в.

References

- Alaeva I. P. [Study of the Cultural Layer of Chelyabinsk in the Territory of Zarechye]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], 2018, no. 4 (24), pp. 139–146. DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-12. (In Russian).
- Bachura O. P., Lobanova T. V. [Animals Remains from Kitchen Waste of Russian Population the Yekaterinburg city in the 18–20th Centuries]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: "Nauka" Publ., 2017, pp. 363–368. (In Russian).
- Belyaev L. A. [Historical Archaeology in Russia: New Directions of Research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2017, no. 49, pp. 66–70. DOI: 10.17223/19988613/49/12. (In Russian).
- Chicheva S. E. [Actual Archaeology: Historical Heritage in the Modern Urban Landscape]. *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Samare. V 3-kh tomakh* [Proceedings of the 6th (22nd) All-Russian Archaeological Congress in Samara. In 3 vols.]. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 2020, vol. 3, pp. 204–205. (In Russian).
- Ezhov A. O., Mainicheva A. Yu. [Application of Information Modeling for Reconstruction of Siberian Buildings of the 16th–17th Centuries]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: arkheologiya Severa Rossii:*

в 2 т. [Culture of Russians in Archaeological Research: Archaeology of the North of Russia: in 2 vols.]. Omsk; Surgut: ANO Institute of Archeology of the North Publ., 2021, vol. 1, pp. 347–351. (In Russian).

Kaisin A. O., Borisova A. M., Glazyrina M. K. [The Khlynov Kremlin in the 16th–18th Centuries According to the Data from Archaeology]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2022, vol. 1, no. 1, pp. 82–92. (In Russian).

Korchagin P. A. [Some Questions of Methodology, Methods and Organization of Complex Historical and Archaeological Research in the Cities of the Urals]. *Okhrannyye arkheologicheskiye issledovaniya na Srednem Urale* [Protective Archaeological Research in the Middle Urals]. Ekaterinburg: Cultural Information Bank Publ., 1999, no. 3, pp. 210–221. (In Russian).

Korepanov N. S. *Uktus — istok Ekaterinburga* [Uktus is the Beginning of Ekaterinburg]. Ekaterinburg: "Grachev and partners" Publ., 2012. 38 p. (In Russian).

Kurlaev E. A. [Archaeological Research of the Shuvakish Ironworks of the Early 18th Century]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2002, no. 8, pp. 164–183. (In Russian).

Kurlaev E. A. [Archaeology in the History of Studying the Urals Industry]. *Okhrannyye arkheologicheskiye issledovaniya na Srednem Urale* [Protective Archaeological Research in the Middle Urals]. Ekaterinburg: Cultural Information Bank Publ., 2001, no. 4, pp. 159–169. (In Russian).

Kurlaev E. A., Kostoglou P. L., Koroneos K. P. [Inquiry into the Shuvakish and Tumashevsky Plants Remains in 1994]. *Yezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoy kul'tury. 1994* [Yearbook of the Research Institute of Russian Culture. 1994]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 1995, pp. 129–131. (In Russian).

Kuznetsova E. V., Pogorelov S. N. [Archaeological Research in Ekaterinburg]. *Permskiy region: istoriya, sovremennost', perspektivy: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. [Perm region: History, Modernity, Prospects: Materials of the International Science-Practical Conference]. Berezniki: no publisher, 2001, pp. 79–83. (In Russian).

Makarov N. A., Zelentsova O. V., Korobov D. S., Chernikov A. P., Voroshilov A. N. [Russia as Archaeological Space: First Results of Elaboration of the National GIS "The Archaeological Sites of Russia"]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2016, no. 4, pp. 5–15. (In Russian).

Maslyuzhenko D. N., Mergeneva K. N., Novikov I. K. [Chronology of Facilities "Cultural Layer of the City of Kurgan" in Kuybyshev Street, 21]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: arkheologiya Severa Rossii: v 2 t.* [Culture of Russians in Archaeological Research: Archaeology of the North of Russia: in 2 vols.]. Omsk; Surgut: ANO "Institute of Archeology of the North" Publ., 2021, vol. 2, pp. 101–106. (In Russian).

Mikityuk V. P., Yakhno O. N. *Povsednevnyaya zhizn' Ekaterinburga na rubezhe XIX–XX vekov: Ocherki gorodskogo byta* [Everyday Life of Ekaterinburg at the Turn of the 19–20 centuries: Essays of Urban Life]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2014. 488 p. (In Russian).

Novikov I. K. [Preliminary Results of the Study of the Cultural Layer of the City of Kurgan in 2013]. *XI Zyryanovskiye chteniya: materialy Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. (Kurgan, 5–6 dekabrya 2013 g.)* [11th Zyryanov Readings: Materials of the All-Russian Science and Practice Conference (Kurgan, December 5–6, 2013)]. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2013, pp. 22–24. (In Russian).

Pogorelov S. N. [Archaeological Research of the Commander's Yards of the Church Side of the Ekaterinburg Fortress]. *Okhrannyye arkheologicheskiye issledovaniya na Srednem Urale* [Protective Archaeological Research in the Middle Urals]. Ekaterinburg: Cultural Information Bank Publ., 2007, no. 5, pp. 188–193. (In Russian).

Pogorelov S. N. [From the researches of the necropolises in Sverdlovsk region]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk: "Nauka" Publ., 2017, pp. 119–123. (In Russian).

Pogorelov S. N. [Some Results of New Research of the Uspensky and Monastic Necropolises of the Novo-Tikhvin Monastery]. *Pravoslaviye na Urale: svyaz' vremen. IV mezhtseoblast'naya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Ekaterinburg, 17 yanvarya 2015 g.* [Orthodoxy in the Urals: Connection of Times. IV Interregional Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg, January 17, 2015]. Ekaterinburg: "Ural Church Historical Society" Publ., 2015, pp. 185–194. (In Russian).

Pogorelov S. N. [Some Field Studies of Plants of the XVIII–XIX Centuries in the Middle Urals (Opportunities and Challenges)]. *Ural industrial'nyy. Bakuninskiye chteniya: Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv. XII Vserossiyskaya nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya 90-letiyu zaslužennogo deyatelya nauki Rossii, doktora istoricheskikh nauk, professora A. V. Bakunina. Ekaterinburg, 4–5 dekabrya 2014 g. V 2-kh t.* [The Industrial Urals. Bakunin Readings: Industrial Modernization of the Urals in the 18th–21st Centuries. 12th All-Russian Science Conference Dedicated to the 90th Anniversary of the Honored Scientist of Russia, Doctor of Historical Sciences, Professor A. V. Bakunin. Ekaterinburg, December 4–5, 2014. In 2 vols.]. Ekaterinburg: UrFU Publ., 2014, vol. 1, pp. 297–301. (In Russian).

Pogorelov S. N. [Survey of Some Objects of the Early 20th Century on the Revolutionary Movement and the Civil War in the Urals]. *Vestnik Muzeya istorii Ekaterinburga* [Bulletin of the Museum of the History of Ekaterinburg], 2012, no. 1, pp. 28–35. (In Russian).

Rassadnikov A. Yu. [19th Century Archaeozoological Materials from the Excavations of Ekaterinburg]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2019, no. 3 (46), pp. 75–85. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-075-085. (In Russian).

Rassadnikov A. Yu. [Livestock in the Life of Ekaterinburg in the 19th Century Based on the Materials of Protection Excavations at 69 Dekabristov Street]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], 2020, no. 4 (32), pp. 131–146. DOI: 10.14258/tpai(2020)4(32).-10. (In Russian).

Sagmanova G. M., Khalimullina L. R., Kharchenko N. A. [Experience in the Use of GIS in Urban Archaeology (Based on Excavations at the Vsesvyatskoye Cemetery in Samara)]. *LIII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konf. studentov i molodykh uchenykh. Materialy Vseros. (s mezhdunar. uchast.) konf. Orenburg, 1–3 fevralya 2021* [53rd Ural-Volga Archaeological Conf. of Students and Young Scientists. Materials of the All-Russian (With International Participation) Conf. Orenburg, February 1–3, 2021]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University Publ., 2021, pp. 299–301. (In Russian).

Samigulov G. H., Vasina Y. V. [Pokrovsky Estate in Chelyabinsk City Adapted from Archive Materials and Data of Archaeological Research]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: arkheologiya Severa Rossii: v 2 t.* [Culture of Russians in Archaeological Research: Archaeology of the North of Russia: in 2 vols.]. Omsk; Surgut: ANO “Institute of Archeology of the North” Publ., 2021, vol. 2, pp. 69–74. (In Russian).

Saukov G. N. [The Origin of Pottery in the Cultural Layer of Ekaterinburg in the Last Quarter of the 19th — early 20th Century According to Written Sources]. *Pogranichnyy gorod Rossii: arkheologiya, istoriya arkhitektury i fortifikatsii, etnologiya* [Russia's Border Town: Archaeology, History of Architecture and Fortification, Ethnology]. Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education Publ., 2022, pp. 34–49. (In Russian).

Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoy oblasti [Corpus of Monuments of History and Culture of the Sverdlovsk Region]. Ekaterinburg: “Socrat” Publ., 2007, vol. 1. 536 p. (In Russian).

Tataurova L. V. [Methodological Aspects of Formation of an Archaeological Source of Modern Time]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2021, no. 69, pp. 67–72. DOI: 10.17223/19988613/69/9. (In Russian).

[“The Archaeology of the Recent Period of History”. Materials of the Round Table Held by the Editors and Editorial Board of the Journal “Rossiyskaya Arkheologiya”]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2005, no. 1, pp. 81–99. (In Russian).

Volkov R. B., Morozov V. M., Pogorelov S. N. [On the Problem of Preserving the Historical and Cultural Heritage of Ekaterinburg]. *Okhrannyye arkheologicheskiye issledovaniya na Srednem Urale* [Protective Archaeological Research in the Middle Urals]. Ekaterinburg: Cultural Information Bank Publ., 1999, no. 3, pp. 222–229. (In Russian).

Zaitseva E. A. *Arkheologicheskiye pamyatniki Surgutskogo Priob'ya (arkheologicheskaya karta: interpretatsiya i vozmozhnosti prognozirovaniya): Avtoref. kand. diss.* [Archaeological Sites of the Surgut Ob Region (Archaeological Map: Interpretation and Forecasting Possibilities): Abst. Diss. Cand.]. Kemerovo, 2011. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

УДК 94(470.5):913

Манькова Ирина Леонидовна

к. и. н., ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии, Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург) УрО РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID 0000-0003-1496-0574

E-mail: ilman.08@mail.ru

«Служебная чертежная книга» Ремезовых как источник для изучения культурного ландшафта слобод Урала (конец XVII — начало XVIII в.)

АННОТАЦИЯ. «Служебная чертежная книга Ремезовых» хорошо известна исследователям, но далеко не все ее части в равной степени стали предметом изучения. Статья посвящена анализу планов 15 слобод Тобольского уезда, помещенных в этом уникальном источнике под заголовком «Сие образцы описных слобод». Оценивая художественное исполнение рисунков, автор приходит к выводу, что они были сделаны не С. У. Ремезовым. Высказывается предположение, что в их основе лежат материалы описаний по слободам строений, площадей под торговлю, мостов и перевозов, составившихся по указу 1703 г. Автор рассматривает информационный потенциал планов для реконструкции планировки уральских слобод XVII в., а также пространственных стратегий их жителей. Изобразительный ряд соотносится с материалами сметного списка 1701/1702 г. и переписной книги 1683 г. Тобольского уезда, а также современной картой, которые подтверждают достоверность информации, помещенной на планах. Проведен сравнительный анализ размещения на планах таких объектов культурного ландшафта, как острог, административные постройки (приказной двор и судная изба), церковь, часовня, житницы, жилые дворы, дороги и мосты. Выявлены общепринятые композиционные решения и ситуативные отступления от них при застройке слобод. Сделан вывод, что рассмотренные планы не только визуализируют доступную информацию об устройстве русских поселений на Урале в XVII — начале XVIII в., но и дополняют ее. В частности, это касается размещения церквей и часовен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Служебная чертежная книга Ремезовых, слобода, острог, культурный ландшафт, Тобольский уезд

HISTORICAL GEOGRAPHY AND PROBLEMS OF SOURCE STUDIES

UDC 94(470.5):913

Irina L. Mankova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

ORCID 0000-0003-1496-0574

E-mail: ilman.08@mail.ru

The Remezovs' «Sluzhebnyaya Chertezhnaya Kniga» as a Source for Studying the Cultural Landscape of the Urals Settlements (Late 17th — Early 18th Centuries)

ABSTRACT. «Sluzhebnyaya chertezhnaya kniga» is well known to researchers, but not all of its parts have been equally studied. The article is devoted to the analysis of the plans of 15 settlements of the Tobolsk uezd, placed in this unique source under the heading «These are examples of the described settlements». Assessing the artistic performance of the drawings, the author comes to the conclusion that they were not made by S. U. Remezov. It is suggested that they are based on the materials of descriptions of the buildings, the areas for trade, the bridges and ferries, compiled by the 1703 decree. The author considers the information potential of the plans for the reconstruction of the layout of the 17th century Ural settlements, as well as the spatial strategies of their inhabitants. The drawings correlate with the budget list of 1701/1702 and the 1683 census book of the Tobolsk uezd, which confirm the accuracy of the information of the plans. A comparative analysis of the placement on the plans of such objects of the cultural landscape as a fortress, administrative buildings, a church, a chapel, grain storages, residential courtyards, roads and bridges is carried out. The generally accepted compositional solutions and situational deviations from them during the development of settlements are revealed. It is concluded that the considered plans not only visualize the available information about the structure of Russian settlements in the Urals in the 17th – early 18th centuries, but also complement it. In particular, this applies to the placement of the churches and the chapels.

KEYWORDS: Remezovs' Sluzhebnyaya chertezhnaya kniga, settlement, fortress, cultural landscape, Tobolsk uezd

«Служебная чертежная книга» — один из трех атласов, составленных сибирским изографом С. У. Ремезовым и его сыновьями в кон. XVII — нач. XVIII в. В него вошли чертежи, планы, рисунки, выписки из разных источников и оригинальные тексты, в том числе автобиографического характера¹. Впервые описание «Служебной чертежной книги» было сделано известным источниковедом А. Н. Андреевым². Позже Л. А. Гольденберг уточнил и расширил это описание, скорректировав датировку сборника началом XVIII в.³ Этот своеобразный семейный архив, собранный в одном переплете, привлек внимание исследователей из разных сфер гуманитарного знания⁴.

«Служебная чертежная книга» состоит из основной и дополнительной частей. Первая часть имеет логичную структуру и оглавление. Видимо, уже после ее формирования был добавлен блок из разрозненных материалов, в том числе ряд чертежей, проекты различных зданий и каменного кремля Тобольска, чертежи пушек, мортир, печей, несколько проектов с расчетами по устройству заводов по производству железа, селитры, пороха, серебра и т. д.⁵ В этой же части рукописи находятся и привлекавшие наше внимание планы 15 слобод, расположенных в Тобольском уезде⁶. В основном исследователи использовали их в качестве иллюстраций к публикациям по истории освоения края. Цель данной статьи — показать информационный потенциал этих планов для реконструкции планировки и застройки уральских слобод XVII — начала XVIII в., а также пространственных стратегий их жителей.

Планы размещены по четыре на лл. 143, 144 об., 145 и три — на л. 145 об., каждый из них имеет порядковый номер⁷. На верхнем поле л. 143 написан заголовок «Сие образцы описных слобод». Содержательно к ним относится л. 142 об., на котором помещен текст, вероятно, являющийся формуляром отчетного документа для переписчиков, составлявших описания слобод⁸. В нем вместо имен воевод, переписчиков и опрошенных местных жителей стоит «имрек» («имя рек»). Формуляр начинается со ссылки на царский указ и наказ воевод, предписывавших описать в острогах и слободах Тобольского уезда «всякое строение подлинно налично и пристойные площади⁹ под строение к торгам всяких товаров, и всякую площадь длиною и поперег по мере сажень, и по рекам мосты и перевозы, и на коих реках изд[ав]на ли и в недавних летах имеют, и что с тех земель и перевозного и мосто[вого], и давно ли платят, и то описать все имянно». Составление описания основывалось на опросе местных жителей (выборных «лучших» людей) о давности строений, а также о мостах и перевозах. Они должны были давать достоверную информацию «под опасением смертной казни». Далее, согласно формуляру, необходимо было зафиксировать, что «в остроги и слободы ездил и описал все по указу: числом каково строение слобод налично и все площади, мосты и перевозы, и в коих слободах на реках перевозы, и в коих слободах перевозов и мостов нет, и в тех слободах у лучих людей и выборных взяты с пристрастием сказки за их руками и каковы и тому под сим доездом писано». Формуляр завершается примером обобщения информации, полученной от жителей Ницынской слободы 4 ноября 1703 г. В частности, они сообщили, что в слободе «всяко строение прежнее [в] наличии, площади по мере, каковы видно¹⁰, а мостоваго досталь¹¹ никакова не емлют, а болши де того мостов и перевозов

¹ Оригинал хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (СПб). Факсимильное издание: Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья: в 2 т. Тобольск, 2006. (далее — СЧК). В рукописи 167 листов, ее размер 20 × 31 см.

² Андреев А. Н. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939.

³ Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 гг. М., 1965. С. 100–111.

⁴ Дергачева-Скоп Е. И. «Похвала» Сибири С. У. Ремезова // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 266–274; Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012; Перевалова Е. В. Изобразительное народоведение на сибирских чертежах С. У. Ремезова // Уральский исторический вестник. 2020. № 3 (68). С. 16–25 и др.

⁵ Андреев А. Н. Очерки по источниковедению... С. 82–83.

⁶ СЧК. Л. 143, 144 об., 145, 145 об.

⁷ На лл. 143 об. и 144 помещен проект административного центра Тобольска (кремля), построенного в камне.

⁸ На этом же листе под текстом помещен план (проект?) какого-то комплекса на берегу реки Исети, включающего жилье и хозяйственные постройки. Он не имеет отношения к документу и «образцам описных слобод».

⁹ «Пристойные площади» — полезные площади.

¹⁰ Вероятно, эту фразу следует воспринимать как отсылку к плану Ницынской слободы, на котором указаны размеры свободных площадей.

¹¹ Досталь — древнерус., «совсем», «вовсе».

под слободою чрез Ницу и по иным местам нет; а временем переезжают чрез Ницу в большую воду для своих крестьянских дел скудою в батах¹² и в малых лодках своими, и в малую воду чрез реку по многим местам бродя»¹³. Далее под № 1 был помещен план Ницынской слободы.

Необходимо отметить, что подобного рода описаний пока не выявлено в архивных фондах уездных приказных изб и Сибирского приказа рассматриваемого периода, а сохранившиеся учетные документы (сметные, приходо-расходные, переписные, дозорные книги и т. д.) не имеют визуального сопровождения в виде чертежей и планов. Поэтому «образцы описных слобод» являются уникальным источником для реконструкции культурного ландшафта первых русских поселений на колонизируемых землях за Уральским хребтом. Они позволяют соединить воедино разрозненные сведения, полученные из разных источников. В то же время последние помогают верифицировать отраженную в планах информацию. Мы намерены рассмотреть планы слобод в контексте сметного списка Тобольска и Тобольского уезда 1701/1702 г.¹⁴ и переписных книг Верхотурского и Тобольского уездов Л. Поскочина 1680 г. и 1683 г.¹⁵, а также других документов. Сметный список составлялся с целью проверить состояние оборонительных сооружений и наличие оружия в слободах, поскольку на протяжении XVII в. в Зауралье было крайне неспокойно из-за башкирских волнений, набегов на русские селения сибирских татар, подстрекаемых потомками Кучума, и калмыков¹⁶. Переписные книги Л. Поскочина составлялись с целью учета налогоплательщиков и взимаемых с них налогов, наряду с подворной переписью в них указаны церкви. Необходимость привлечения верхотурских документов связана с тем, что в Тобольском уезде не было слободы с названием «Ницынская», а существовали Нижняя Ницынская (она же Красная) и Верхняя Ницынская (она же Яланская) слободы. План последней помещен в «Служебной чертежной книге» под № 3 (см. цв. вклейку, рис. 3). Можно было бы предположить, что чертежник сократил название «Нижней Ницынской» до «Ницынской», однако описания острога из сметного списка 1701/1702 г. и церквей в переписной книге 1683 г. опровергают это предположение¹⁷. В Верхотурском уезде существовала Ницынская Ощепковская слобода, которую чаще всего писали в документах без второй составляющей названия¹⁸. Скорее всего, именно она и изображена на плане.

Трудно установить авторство планов, были ли они сделаны самим С. У. Ремезовым или кем-то из его сыновей. Качество их исполнения уступает чертежам, выполненным старшим Ремезовым. Планы были нарисованы сначала пером черными чернилами, а затем неаккуратно (как будто бы «на скорую руку») раскрашены черной и желтой красками. Черной краской были заполнены контуры рек и крыш строений. С помощью желтой чертежник стремился показать на некоторых планах рельеф берегов рек и «горы». Этой же краской покрыты деревья, обозначающие лесной массив на планах Новопышминской и Угетской слобод, а также рамки, разделяющие листы на четыре части. На вшитом между планами проекте каменного кремля Тобольска (л. 143 об.–144) использован тот же прием раскраски, но он выполнен заметно качественнее, отличается и почерк, которым сделаны надписи. Это позволяет предположить, что проект Тобольска и планы слобод были созданы разными людьми.

Выбор слобод для планов можно объяснить их компактным расположением в определенном районе уезда и маршрутом передвижения составителей описаний. Явно выделяются две зоны: бассейн р. Ницы и бассейн р. Пышмы. В первой зоне находятся слободы: Ницынская (1)¹⁹, Верхняя Ницынская (3), Чубаровская (4), Киргинская (5), Рудная (11), а также расположенные на небольшом удалении Туринская на р. Туре (2) и Баговещенская на р. Сусадке, притоке р. Туры (6). Вторая группа

¹² Бат — древнерус., «долбленая лодка».

¹³ СЧК. Л. 142 об.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 474.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 656; Оп. 5. Д. 261.

¹⁶ Дополнения к Актам историческим. СПб., 1859. Т. 7. С. 365–366.

¹⁷ Так, на плане изображен один острог с двумя проезжими башнями, а в сметном списке описаны большой с тремя башнями и малый остроги. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 474. Л. 25.

¹⁸ В сметном списке Верхотурского уезда 1704 г. указано: «...в Ницынской слободе около церкви и государевых житниц острог поставлен стоячей». См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1188. Л. 21. Это описание совпадает с планом Ницынской слободы из СЧК.

¹⁹ В скобках отмечен порядковый номер, указанный на плане.

слобод находилась южнее, это Белоярская (7), Новопышминская (8), Калиновская (9), Куяровская (12), Угетская (13), Беляковская (14), а также расположенные на притоках р. Пышмы Буткинская на р. Беляковке (15) и Юрмытская на р. Юрмыче (10). Планы первой группы помещены в «Служебной чертежной книге», в последовательности размещения слобод с востока на запад: от Туринской слободы к устью р. Ницы и далее против течения реки. Исключение составляет Ницынская слобода, относившаяся к Верхотурскому уезду, на ее месте под № 1 явно должен был быть план Нижней Ницынской слободы. Порядок размещения планов слобод второй группы другой: от верховьев р. Пышмы к устью, то есть с запада на восток. Выбивается из общей последовательности план «ницынской» Рудной слободы, помещенный среди «пышминских» слобод. Эта слобода находилась на территории Верхотурского уезда, но в силу ее значимости как центра производства железа тобольские воеводы взяли ее в свое ведение. Она имела особый статус и, как правило, не учитывалась в поездных переписных книгах. Вероятно, в распоряжении автора планов были какие-то первичные материалы (описания, наброски планов), скомпонованные в определенном порядке

Чертежник отразил не только планировку слобод, но и «вписал» их в географическое пространство. На 13 планах реки изображены в виде волнистых вертикальных линий. На планах Верхней Ницынской (см. цв. вклейку, рис. 3) и Чубаровской слобод река пересекает верхний левый угол. Почти на всех планах подписан «верх» реки, что позволяет сориентироваться, на правом или левом берегу расположено поселение. На некоторых планах изображены и притоки основных рек. Так, показано, что Куяровская слобода была расположена при устье р. Куяровки²⁰ (приток р. Пышмы) (см. цв. вклейку, рис. 7), Киргинская слобода (см. цв. вклейку, рис. 9) — при устье р. Кирга (приток р. Ницы), Туринская слобода огибалась с двух сторон притоком р. Туры²¹. Несмотря на всю условность планов, правильность размещения слобод относительно рек подтверждается современной картой (см. цв. вклейку, рис. 8, 10). На некоторых планах имеются надписи «луг». Луга показаны на противоположных от поселений берегах рек (см. цв. вклейку, рис. 3, 5, 7). Иногда на планах встречаются указания на рельеф местности: «згорок», «горы», «взвоз к воде» (см. цв. вклейку, рис. 3). В нижних правом или левом углу на всех планах изображен знак «розы ветров» со стрелкой, обозначающей север, но направленной на юго-запад. Скорее всего, изображение этого знака не несет смысловой нагрузки, а является ритуальной отсылкой к традиционной картографии, основывавшейся на южной ориентации²². Эти планы выполнены еще в старой «допетровской» традиции, без математических правил картосоставления, они лишь визуализируют порядок размещения объектов относительно друг друга²³.

На планах представлены слободы, основанные в разное время. Самые ранние из них — Ницынская, Чубаровская и Киргинская (см. цв. вклейку, рис. 9) слободы — были построены в 1620-е гг. Верхняя Ницынская (см. цв. вклейку, рис. 3) и Рудная слободы появились в 1630-е гг., Благовещенская (см. цв. вклейку, рис. 4), Беляковская и Туринская — в 1640-е гг., Куяровская (см. цв. вклейку, рис. 7), Буткинская, Угетская, Калиновская, Юрмытская (см. цв. вклейку, рис. 5) — в 1660–1670-е гг., Белоярская и Новопышминская — в 1680-е гг. Динамика возникновения этих слобод отражает продвижение крестьянской колонизационной волны от верховий р. Туры на юг, к ее притокам, расположенным в более благоприятных для земледелия районах. Исключение составляет Рудная слобода, возникшая в связи с развитием железоделательного производства на р. Нице, начавшегося в конце 1620-х гг. («Невьянское рудное и железное дело», или Ницынский завод).

Рассмотрим объекты культурного ландшафта слобод, отраженных на планах. Их номенклатура была задана формуляром, отмеченным выше: «всякое строение», свободные площади с указанием размеров

²⁰ Современное название — р. Куяр.

²¹ Современное название — р. Кузнецовка.

²² Голубинский А. А., Фролов А. А. Новые чертежи XVII в., выявленные в фондах РГАДА // Российская история. 2019. № 2. С. 71–77; Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985; Кусов В. С. Картографическое искусство Русского государства. М., 1989; Он же. Московское государство XVI — начала XVIII в.: Сводный каталог русских географических чертежей. М., 2007; и др.

²³ Сотникова С. И. Русский географический чертеж XVII века: его знаковая структура и социальные функции // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. М., 1999. С. 124–129.

в сажнях, мосты и перевозы²⁴. Из планов следует, что во «всякое строение» включались острожные стены с башнями и воротами, церковь, часовня, двор приказчика, судная изба, житницы и дворы жителей. Все объекты имеют подписи на планах. Согласно плану, остроги имелись во всех слободах, они были квадратной или прямоугольной формы и стояли на берегах рек. На некоторых планах они названы «городами» (см. цв. вклейку, рис. 4, 9) (по аналогии с укрепленными административными центрами городов), либо поставлена надпись «острог» (см. цв. вклейку, рис. 3, 7). Заметно стремление чертежника отразить их размеры. Так, согласно сметному списку 1701/1702 г., самый маленький острог был в Юрмытской слободе (протяженность острожных стен составляла около 130 м), и на плане он уступает по величине всем остальным острогам (см. цв. вклейку, рис. 5)²⁵. В Киргинской (см. цв. вклейку, рис. 9), Верхней Ницынской (см. цв. вклейку, рис. 3) и Чубаровской слободах было построено по два острога: малый и примыкавший к нему большой, что также нашло отражение на планах. Общая протяженность острожных стен в этих слободах составила соответственно 820 м, 873 м и 941 м²⁶. Такая планировка данных слобод, скорее всего, сложилась исторически. Они были основаны одними из первых на Урале, неоднократно подвергались набегам и горели. После очередного разорения нужно было быстро восстановить оборонительные сооружения, чтобы защитить в первую очередь общественно значимые постройки. Поэтому сначала возводились малые остроги, затем уже по мере возможностей достраивался большой острог.

Согласно плану Киргинской слободы, ее большой острог охватывал всю жилую застройку. В сметном списке 1701/1702 г. отмечено, что со стороны р. Кирги острог был уже полуразрушен («во многих местех кровля погнила и обвалилась»)²⁷. На плане это также нашло отражение: данная часть острожной стены изображена иначе, чем остальные, — зигзагообразной двойной линией с внутренней штриховкой (см. цв. вклейку, рис. 9). На планах Верхней Ницынской (см. цв. вклейку, рис. 3) и Чубаровской слобод основная часть жилой застройки размещена за острогами, внутри находились церкви с большим прицерковным пространством и незначительное количество дворов, там же отмечена пунктирной линией «площадь под строение» с указанием ее размеров²⁸.

На всех планах, кроме Юрмытской слободы, в острожных стенах показаны башни. Угловые (глухие) башни изображены в острогах Киргинской (см. цв. вклейку, рис. 9), Благовещенской (см. цв. вклейку, рис. 4), Новопышминской, Калиновской и Беяковской слобод. Во всех острогах имелись проезжие башни, изобразительно они отличаются от глухих обозначением проемов, от которых идут пунктирные линии, обозначающие дороги. В ряде случаев количество изображенных башен не совпадает со сметным списком 1701/1702 г. Так, в последнем указано, что в двух острогах Чубаровской слободы было четыре башни, а на плане их изображено семь, из них четыре проезжие. На плане Калиновской слободы показаны четыре угловых и одна проезжая башня, а в описании указаны одна глухая и одна проезжая башни и «две калитки с вороты»²⁹.

По описаниям острожных укреплений западносибирских городов известно, что некоторые башни имели названия по посвящениям церквей или по размещенным на них иконам³⁰. Очевидно, эта традиция имела место и в слободах. Так, на плане Верхней Ницынской слободы написано название проезжей башни — Никольская (см. цв. вклейку, рис. 3). Сметный список 1701/1702 г. подтверждает эту информацию, также в нем отмечено, что вторая башня называлась Ильинской³¹. Согласно переписной книге 1683 г., в слободе было две церкви — Воскресенская и Ильинская, с приделом во имя св. Николая Мирликийского³². Скорее всего, посвящения престолов второй

²⁴ СЧК. Л. 142 об.

²⁵ Согласно сметному списку 1701/1702 г., Юрмытская слобода никогда не снабжалась оружием и боеприпасами, следовательно, острог не играл защитной роли при нападении на слободу. Скорее всего, он был построен как дань существовавшей планировочной традиции. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 474. Л. 42.

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 474. Л. 26–27.

²⁷ Там же. Л. 27.

²⁸ В Верхней Ницынской слободе она составляла 16 × 9 сажень (34,5 × 19,4 м) в Чубаровской слободе — 13 × 20 сажень (28 × 43 м).

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 474. Л. 26 об., 42 об.

³⁰ Манькова И. Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке. Екатеринбург, 2020.

³¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 474. Л. 26.

³² Там же. Оп. 5. Д. 261. Л. 409.

церкви и дали названия башням. Сметный список также сообщает, что на Никольской башне была установлена затинная пищаль, а на плане показана дорога от этой башни на Чубаровскую слободу. Следовательно, жители слободы ожидали вражеского нападения именно со стороны последней, расположенной южнее. На плане Киргинской слободы одна из проезжих башен большого острога названа Егорьевской, от нее шла «дорога большая» за пределы слободы. Скорее всего, она получила название по размещавшейся на ней иконе св. Георгия Победоносца (см. цв. вклейку, рис. 9).

Как правило, внутри острогов находились общественно значимые постройки: житницы, зеленые погреба, судные избы, дворы приказчиков, церкви. Планы из «Служебной чертежной книги» показывают, что существовали вариации в размещении этих объектов относительно острога. Житницы обязательно ставились в острогах, в них хранилось зерно, собранное для уплаты государственных налогов, иногда личные крестьянские запасы. На планах, построенных относительно поздно Куяровской (см. цв. вклейку, рис. 7), Угетской и Юрмытской (см. цв. вклейку, рис. 5) слобод, дворы приказчиков показаны вне острогов. Это может свидетельствовать о снижении степени военной угрозы, а житницы были обособлены в целях пожарной безопасности. План Калиновской слободы отличается от остальных тем, что внутри острога отсутствуют какие-либо постройки³³. Это подтверждается и сметным списком 1701/1702 г. Вероятно, в начале XVIII в. слобода находилась на этапе перестройки (возможно, после пожара), потому что на плане отсутствует изображение церкви. Хотя в переписной книге 1683 г. указано, что в слободе вновь строится церковь Рождества Христова³⁴. Вряд ли деревянную церковь строили столь долго.

На всех остальных планах имеются изображения церквей, в ряде случаев показаны часовни. Как правило, чертежник рядом с изображением церкви ставил «ц», а часовни — «ч». По планам прослеживается три варианта размещения храмов в пространстве слободы: в центре острога (Ницынская, Туринская, Белоярская, Новопышминская, Буткинская, Чубаровская и Верхняя Ницынская слободы), в стене острога (Рудная, Киргинская, Куяровская слободы) и за пределами острога (Угетская, Благовещенская, Беляковская и Юрмытская слободы). Какой-либо зависимости между местом размещения храма в слободской застройке и временем основания слободы не прослеживается. Скорее всего, слободы, основанные в первой половине XVII в., позже перестраивались, и планы отражают уже более поздний вариант³⁵. Возможно, в каких-то ситуациях размещение церкви в острожной стене было вынужденной мерой: новый острог мог возводиться рядом со старым или он ставился позже появления жилой застройки недалеко от церкви, препятствовавшей другой планировке острога.

На плане Ницынской слободы церковь изображена в центре острога, а выше нее пунктиром обозначен круг с надписью «церковное место». Можно лишь предполагать о назначении этой зоны внутриострожного пространства. Это могло быть место бывшей церкви или место, выделенное под строительство нового храма, дворов для священников и причетников.

На плане Верхней Ницынской слободы показаны две церкви, что соответствует данным переписной книги Тобольского уезда 1683 г. (см. цв. вклейку, рис. 3). Трудно сказать, которая из церквей была построена первой — Воскресенская или во имя пророка Ильи с Никольским приделом. Как правило, храмы с приделами ставились с расчетом на круглогодичное использование, что дает основание предположить, что первопоселенцы сначала построили Ильинскую церковь. Верхняя Ницынская слобода была устроена в 1632 г. приказчиком Михаилом Байкашиным. По данным 1632/33 г., в ней проживало 74 крестьянина, «посланных из Тобольска и прибранных в слободе»³⁶. Однопрестольная Воскресенская церковь, вероятно, была поставлена по обету в связи с каким-то событием. Ее храмоименование может указывать на аллюзию с библейским сюжетом: возрождение слободы, например, после разорительного нападения. Так, в июне 1635 г. на слободу напали «воинские колматцкие люди, тарские

³³ Калиновская слобода была основана в 1674 г.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Л. 1472.

³⁵ Например, Чубаровская слобода была основана в 1623 г., но после «башкирского разорения» в 1637 г. ее пришлось строить заново. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 165. Л. 94.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 90. Ч. 2. Л. 316–316 об.

и тюменские татаровья». Как писал приказчик Дмитрий Черкасов, они «слободы пожгли, и скот отогнали, и полон поймали»³⁷. Есть основание предполагать, что Воскресенская церковь была построена довольно рано — до 1646 г. Согласно Сказанию о явлении и чудесах Абалакской иконы Богородицы, в 1646 г. «некий благоговейный и добронравный муж» Павел отправился с чудотворным образом Богородицы Знамение в Верхотурский и Туринский уезды собирать средства для благоустройства Знаменской церкви в Абалакском погосте. Он посетил и Верхнюю Ницынскую слободу, где чудотворная икона была поставлена в Воскресенской церкви, и после молитвы перед ним прозрела слепая девица Ирина³⁸.

Изображения церквей на плане Верхней Ницынской слободы существенно отличаются от других. Чертежник явно стремился передать их архитектурные особенности, изобразив храмы в двухмерной проекции. Так, у одной из церквей можно рассмотреть высокое крыльцо с подклетом, у второй вместо шатрового завершения показан крупный круглый купол на барабане (см. цв. вклейку, рис. 3).

Обозначения церквей на других планах — одномерные и унифицированные. Они имеют трехчастную композицию: основной объем храма, алтарь и придел (или трапезная). Церкви изображены в южной проекции: алтари находятся с правой стороны, то есть с восточной стороны относительно листа рукописи. Большинство церквей на планах имеют шатровое завершение с небольшой главкой и крестом. На планах Чубаровской и Беляковской слобод они завершаются крупными главами, на куполе последней изображено покрытие лемехом. Сравнение обозначений церквей на планах с рисунками аналогичных объектов на чертежах С. У. Ремезова (например, чертеж Тобольского уезда и план Тобольска из Чертежной книги Сибири 1701 г.³⁹) еще раз убеждает в том, что планы были сделаны не им. При общей схожести заметна характерная черта рисунков знаменитого изографа — изображение печной трубы на крыше придела (или трапезной) церкви, которая отсутствует на планах (см. цв. вклейку, рис. 6). Стремление к унификации изображений церквей аналогичным образом характерно для чертежей конца XVII — первой половины XVIII в.⁴⁰ На чертеже Нижнего Новгорода и его окрестностей 1750 г. наряду с изображениями церквей, отражавшими их архитектурные особенности, присутствуют унифицированные обозначения храмов. Но при размещении значков церквей автор следовал проекции чертежа: алтари находились слева, со стороны «востока» чертежа⁴¹.

На всех планах слобод заметно, что вокруг церквей были свободные пространства, жилая застройка отдалена от них. Такую планировку можно объяснить несколькими причинами: соблюдение пожарной безопасности, потребность в свободном месте для большого скопления людей во время праздничных и воскресных богослужений, а также нахождение рядом с церковью кладбища. Для верующих людей смерть человека имеет особый, сакральный смысл, поэтому проходам в последний путь и выбору места захоронения придается большое значение. В православном ритуале ключевую роль играл храм. Показательна мотивация строительства церкви, изложенная в челобитной жителей Таборинской слободы 1620/1621 г. Они просили поставить церковь, потому что «помирают без даров и без покаяния, и мертвых погребают в пустых местах»⁴². Из этого следует, что для сакрализации мест захоронения православных нужен был храм, иначе кладбище считалось «пустым местом». Каноническими правилами предписывалось хоронить «в пустых местах» только самоубийц⁴³.

Размещение церквей внутри небольших острогов неминуемо приводило к тому, что со временем острожные стены становились своеобразным ограничителем для расширения границ некрополей.

³⁷ Миллер Г.-Ф. История Сибири: в 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 494.

³⁸ Сказание о явлении и чудесах Абалакской иконы Богородицы // Литературные памятники Тобольского Архиерейского дома XVII века / Сост. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001. С. 139.

³⁹ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым в 1701 г.: в 2 т. Факсим. изд. М., 2003. Т. 1.

⁴⁰ Например, см.: Рукописная карта Сибири круга С. У. Ремезова (около 1718 года) // Окладная книга Сибири 1697 года / Подгот. текста к публ.: В. Э. Булатов, Е. В. Неберекутина, сост. В. Э. Булатов. М., 2015. Вклейка.

⁴¹ Николаева М. В., Сироткин С. В. Географический чертеж Нижнего Новгорода и его окрестностей 1750 года // Архитектурное наследство. 2017. № 67. С. 96.

⁴² Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Сб. документов / Сост.: Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 171.

⁴³ Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1673–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архимандритом Мелетием. Казань, 1875. С. 46.

Археологические раскопки на территории Знаменского монастыря в Абалакском селе свидетельствуют о разновременных послойных захоронениях около храмов⁴⁴. Вероятно, это диктовалось ограниченностью прицерковного кладбищенского пространства. На наш взгляд, планы из «Служебной чертежной книги» показывают еще один вариант размещения слободских некрополей. На девяти из 15 планов изображены часовни. Отсутствуют часовни на планах относительно «молодых» слобод, основанных в 1670–1680-е гг., — Угетской, Буткинской, Новопышминской и Белоярской, но нет часовен и на планах Ницынской и Верхней Ницынской слобод (см. цв. вклейку, рис. 3). Возможно, они находились на удалении от слобод, поэтому в «рамку» планов не попали. Можно предположить, что часовни, расположенные в слободах или рядом с ними, маркировали новое кладбищенское пространство. В частности, часовни присутствуют на всех планах слобод, где церкви встроены в острожные стены (см. цв. вклейку, рис. 7, 9). На плане Рудной слободы даже указано название часовни — Егорьевская, то есть во имя святого Георгия Победоносца. На планах Благовещенской и Куяровской слобод часовни изображены на окраинах поселений (см. цв. вклейку, рис. 4, 7). В шести случаях часовни стоят рядом с острогом. Так, на планах Чубаровской, Киргинской и Туринской слобод они размещены напротив проезжих ворот и рядом с дорогой. Отсутствие масштабирования на планах не позволяет более точно определить место расположения часовни. Возможно, часовни около ворот были поставлены для усиления сакральной защиты населенного пункта от нападений врага. Возведение придорожных часовен также являлось распространенной практикой. На планах часовни имеют двухчастную композицию: объем молитвенного пространства и притвор, пририсованный слева, то есть с западной стороны относительно листа рукописи.

Колокольни на планах не имеют маркировки, поэтому их можно атрибутировать только по внешнему виду. На планах Чубаровской и Киргинской слобод видны встроены в острожные стены сооружения с крестом на шатровой крыше, похожие на колокольни. Сметный список 1701/1702 г. подтверждает это наблюдение. Так, в Чубаровской слободе протяженность острожных стен была указана с четырьмя башнями и колокольней. Этот документ сообщает еще об одном варианте размещения колоколен — на острожных башнях⁴⁵. Скорее всего, церковные колокола на башнях использовались и как вестовые.

На планах жилая застройка изображена отдельными домами и пространствами, обведенными сплошной линией, с надписью «дворы»⁴⁶. Она размещена вокруг острогов, на планах Новопышминской, Буткинской и Куяровской слобод дворы показаны и на противоположных берегах рек. На плане Киргинской слободы рядом с «крестьянскими амбарами» изображен дом с надписью «д Фефилов» (см. цв. вклейку, рис. 9). Во время составления сметного списка 1701/1702 г. слободой управлял приказчик Федор Никитин Фефилов⁴⁷. Но, скорее всего, он проживал в приказном дворе на территории малого острога, а данный двор принадлежал его семье. Еще в 1654/1655 г. приказчиком этой слободы служил его отец, сын боярский Никита Фефилов. Он скончался до 1680 г., а двор, вероятно, остался за его наследниками⁴⁸. Еще один пример персонификации присутствует на плане Куяровской слободы: за острогом, недалеко от церкви, изображен «д[вор] попов» (см. цв. вклейку, рис. 7). Возможно, чертежник сделал такой акцент, потому что этот двор принадлежал приходской общине и был предназначен для проживания священников на период их службы в данном приходе.

⁴⁴ Данилов П. Г. Православный некрополь XVII–XVIII веков в селе Абалак Тобольского района: итоги и перспективы исследований // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7. С. 158–163; Загваздин Е. П. К истории Преображенского (Абалакского) погоста в XVII в. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 136–143.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 474. Л. 28 об.

⁴⁶ Лишь на плане Ницынской слободы вместо «дворы» написано «посады». На планах Беляковской и Буткинской слобод дворовые пространства заштрихованы.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 474. Л. 27.

⁴⁸ Согласно вкладной книге Далматовского Успенского монастыря, в 1680 г. майор Алексей Никитин Фефилов сделал вклад в этот монастырь на поминание его родителей, их имена были внесены в монастырский синодик. См. Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начало XVIII в.): Сб. документов / Сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 30, 169.

Во всех слободах среди жилой застройки выделена пунктирной линией «площадь под строение» с указанием ее размеров⁴⁹, то есть чертежник явно следовал предписаниям царской грамоты, изложенным в формуляре. В большинстве случаев такие площади показаны либо внутри острогов, либо рядом с ними, то есть в центральной части поселений. Вероятно, таким образом составители описаний акцентировали внимание на тех местах, где можно было бы поставить торговые ряды («пристроинные площади под строение к торгам всяких товаров»).

На плане Ницынской слободы по внешнему периметру острога имеются надписи «улицы» с указанием их ширины (5,8–6,5 м). На остальных планах таких надписей нет, но пунктирными линиями показаны дороги, в совокупности создающие своеобразные схемы передвижений внутри слобод и выходов за их пределы. На наш взгляд, это весьма важная деталь на планах слобод, которая может служить иллюстрацией к концепции антропологии движения, разрабатываемой А. В. Головнёвым. Этот подход основан на понимании движения как мотивированной активности людей. Одним из его ключевых понятий является «деятельностная схема», состоящая «из устойчиво повторяющихся действий, включая хозяйственные, сексуальные, военные, ритуальные». Они активируются побудительными очевидными и неявными, простейшими и креативными мотивами⁵⁰. Обозначение дорог на планах слобод визуализирует устойчивые поведенческие образцы русских первопоселенцев и подчеркивает важность для них мобильности и связи с соседними слободами и столицей. В то же время в нанесении дорожной сети на планы прослеживается традиция, характерная для сибирских чертежей XVII в., описание которых строилось на перечислении маршрутов передвижения с указанием расстояний между населенными пунктами⁵¹. По мнению исследователей истории картографии, транспортные пути являлись каркасом для объединения различной информации на одном листе и едва ли не основным содержанием допетровских карт⁵². По надписям можно выделить четыре типа обозначенных дорог: дороги-улицы в жилой застройке; дороги к общественным постройкам (двор приказчика, церковь, часовня); дороги-связи между проезжими башнями и калитками внутри острогов; дороги за пределы слобод. В большинстве случаев последние имеют надписи с указанием направления. Как правило, это дороги, шедшие к соседним слободам: «дорога на Киргу», «дорога на Чубарово», «дорога Беляковская», «дорога Краснослободная» и т. д. Соотнесение этих указателей с картой размещения слобод показывает, что эти дороги вели в соседние слободы. Например, из Юрмытской слободы «дорога Куяровская» шла в ближнюю Куяровскую слободу (см. цв. вклейку, рис. 5).

На плане Благовещенской слободы подписана «дорога Московская», что отражает расположение этой слободы на главной государевой дороге, шедшей из европейской части России в Сибирь. Слобода находилась на участке этой дороги между Верхотурьем и Туринском. Надписи «большая дорога» (см. цв. вклейку, рис. 4) имеются на планах четырех слобод: ницынских Рудной и Киргинской (см. цв. вклейку, рис. 9), пышминских Калиновской и Куяровской (см. цв. вклейку, рис. 7). На протяжении XVII в. московские власти усиленно боролись с неподконтрольным движением народных масс, в том числе беглых, в Сибирь, а также незаконным вывозом пушнины в обратном направлении. Неоднократно рассылались указы, разрешавшие пользоваться только подконтрольными дорогами, на которых были установлены таможенные заставы. Другие, нелегальные, дороги местные власти должны были «засекать», то есть делать их непроезжими. В официальных документах использовались термины «указные» и «неуказные» пути⁵³. Вероятно, на планах первые и названы «большими». Любопытное наблюдение об историчности дорог дает сравнение планов некоторых слобод с современными картами Яндекс. Так, на плане Куяровской слободы изображены только две дороги, идущие почти параллельно

⁴⁹ Так, в Киргинской слободе «площадь под строение» находилась в периметре большого острога и была относительно небольшой — 32 × 19 м (см. цв. вклейку, рис. 7). В Юрмытской слободе она размещена на краю поселения и составляла 43 × 43 м (см. цв. вклейку, рис. 2). На планах размер «площади под строение» указан в саженях: «д» в круге — длина, «п» в круге — «поперек», то есть ширина.

⁵⁰ Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 14–15.

⁵¹ Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 23–54.

⁵² Рукописная карта Сибири круга С. У. Ремезова (около 1718 года). С. 288.

⁵³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 122–126.

р. Пышме и пересекающие р. Куяровку (см. цв. вклейку, рис. 7). Правая «дорога большая» проходит по краю селения, левая дорога «в слободы» пересекает селение между жилой застройкой и острогом. Аналогичные дороги мы видим и на современной карте: правая — железная дорога, левая — центральная ул. Мира села Куяровского, они обе пересекают р. Куяр (см. цв. вклейку, рис. 8). Через современное село Благовещенское по-прежнему проходит дорога на Туринск.

На планах восьми слобод изображены дороги, ведущие к реке. На планах Буткинской и Туринской слобод пунктирными линиями показано, что они пересекают реки. Трудно сказать, имеет ли это смысловую нагрузку: может быть, так обозначены места перевозов или бродов. На планах Новопышминской и Киргинской (см. цв. вклейку, рис. 9) слобод есть изображения мостов. В первом случае мост был необходим, так как значительная часть поселения была расположена на противоположном берегу р. Пышмы. Во втором случае мост был сделан через приток р. Ницы. Современная карта позволяет объяснить эту ситуацию: через р. Киргу шла дорога к тракту, по которому направлялся основной грузопоток в соседнюю Ирбитскую слободу, в которой проходила одна из крупнейших ярмарок страны. На некоторых планах есть дороги из слобод, без указания их направления. Возможно, они вели на пашни, пастбища, мельницы и прочие уголья, находившиеся в окрестностях поселений, а также в деревни, приписанные к слободам (см. цв. вклейку, рис. 10).

Таким образом, планы слобод из «Служебной чертежной книги» Ремезовых не только визуализируют доступную информацию о планировке русских поселений на Урале в XVII — начале XVIII в., но и дополняют ее. Из разных документов известно, что культурные ландшафты слобод имели устойчивую номенклатуру объектов: острог, административные постройки (приказной двор и судная изба), церковь, часовни, государственные житницы, жилые дворы. На планах слобод культурный ландшафт представлен комплексно, что позволяет обнаружить вариативность размещения объектов, выявить общепринятые композиционные решения и ситуативные отступления от них при застройке слобод. Пространственные стратегии заключались в том, что для поселений выбирались места на берегах рек, обязательно ставился острог на случай военной угрозы. Предполагалось, что общественно значимые здания должны были быть надежно защищены острожными стенами, но планы из «Служебной чертежной книги» свидетельствуют о том, что в слободах, построенных в 1670–1680 гг., такая планировка была уже не актуальна: хотя острог и возводился, но внутри него оставались только житницы. Представленный видеоряд из 15 планов позволяет выявить варианты размещения церквей и часовен в пространстве поселений, что редко удается сделать по другим источникам. Изображения дорог придают динамику статичному культурному ландшафту, иллюстрируют деятельностные схемы русских первопоселенцев. В целом эти планы отражают переходный этап от средневековых чертежей к становлению картографии. На них еще присутствуют такие изображения географических реалий, как текстовое обозначение объектов, натурное изображение и условные символы⁵⁴. Но в контексте чертежей С. У. Ремезова и его круга заметно стремление автора планов к абстрагированию и формализации изображения, разработке шаблона графического отображения пространства.

References

Andreyev A. N. *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. XVII vek* [Essays on the Source Study of Siberia. 17th century]. Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi Publ., 1939. (In Russian).

Danilov P. G. [Orthodox Necropolis XVII–XVIII Centuries in the Abalak Village Tobolsk District: Results and Prospects of Research]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2012, vol. 11, iss. 7, pp. 158–163. (In Russian).

Goldenberg L. A. *Semen Ul'yanovich Remezov — sibirskiy kartograf i geograf. 1642 — posle 1720 gg.* [Semyon Ulyanovich Remezov — Siberian Cartographer and Geographer. 1642 — After 1720]. Moscow: Nauka Publ., 1965. (In Russian).

⁵⁴ Подробнее см.: Сотникова С. И. Источниковедение русских карт XVII — начала XX в.: автореф. дис. ... доктора истор. наук. М., 1990.

Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of Movement (Antiquities of the North Eurasia)]. Ekaterinburg: UrO RAN; "Volot" Publ., 2009. (In Russian).

Golubinsky A. A., Frolov A. A. [New Drawings of the 17th century, Identified in the Funds of RGADA]. *Rossiiskaia Istorija* [Russian History], 2019, no. 2, pp. 71–77. DOI: 10.31857/S086956870004493-3. (In Russian).

Kivelson V. *Kartografii tsarstva: Zemlya i yeye znacheniya v Rossii 17 veka* [Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012. (In Russian).

Kusov V. S. *Kartograficheskoye iskusstvo Russkogo gosudarstva* [Cartographic Art of the Russian State]. Moscow: "Nedra" Publ., 1989. (In Russian).

Kusov V. S. *Moskovskoye gosudarstvo XVI — nachala XVIII vv.: Svodnyy katalog russkikh geograficheskikh chertezhey* [Muscovy in the 16th — early 18th Centuries: A Consolidated Catalog of Russian Geographical Drawings]. Moscow: "Russkiy mir" Publ., 2007. (In Russian).

Mankova I. L. *Pravoslavnyy landshaft gorodov Zapadnoy Sibiri v 17 veke* [Orthodox Landscape of the West Siberian Towns in the 17th Century]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2020. (In Russian).

Nikolaeva M. V., Sirotkin S. V. [Geographic Drawing of Nizhny Novgorod and Its Suburbs of 1750]. *Arkhitekturnoye nasledstvo* [Architectural Heritage], 2017, no. 67, pp. 95–113. (In Russian).

Perevalova E. V. [Visual Ethnic Studies in S. U. Remezov's Siberian Drawings]. *Ural'skiy istoriceskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2020, no. 3 (68), pp. 16–25. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-3(68)-16-25. (In Russian).

Postnikov A. V. *Razvitiye kartografii i voprosy ispol'zovaniya starykh kart* [The Development of Cartography and the Use of Old Maps]. Moscow: Nauka Publ., 1985. (In Russian).

Preobrazhensky A. A. *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI — nachale XVIII v.* [The Urals and Western Siberia at the End of the 16th — Early 18th Century]. Moscow: Nauka Publ., 1972. (In Russian).

Sotnikova S. I. [Russian Geographical Drawing of the 17th Century: Its Sign Structure and Social Functions]. *Drevnerusskaya kul'tura v mirovom kontekste: arkheologiya i mezhdistsiplinarnyye issledovaniya* [Ancient Russian Culture in the World Context: Archaeology and Interdisciplinary Research]. Moscow: Ros. gos. gumanitar. un-t Publ., 1999, pp. 124–129. (In Russian).

Sotnikova S. I. *Istochnikovedeniye russkikh kart XVII — nachala XX v.: avtoref. dokt. diss.* [Source Study of Russian Maps of the 17th — Early 20th Centuries: Abst. Diss. Doct.]. Moscow, 1990. (In Russian).

Zagvazdin E. P. [The History of the Transfiguration (Abalak) Churchyard in the 17th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2020, no. 458, pp. 136–143. DOI: 10.17223/15617793/458/17. (In Russian).

Сокращения

20NN (20NN) — год открытия (год подготовки документации для внесения в перечень выявленных объектов археологического наследия).

ГИКЭ — Государственные историко-культурные экспертизы.

ГОАИ ИИИА УрО РАН — Группа охранных и археологических исследований Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

ЕГРОКН — единый государственный реестр объектов культурного наследия.

КСЕ — культурный слой Екатеринбурга XVIII — нач. XX в.

НПЦ — Областной научно-производственный центр охраны памятников истории и культуры.

ОАИСУ — охранные археологические исследования на Среднем Урале.

ОАН — это базовая функция, регулируемая ФЗ № 73.

ОКН — объект культурного наследия.

ПКК — Публичная кадастровая карта.

ПСЕ — поселенческий слой Екатеринбурга.

ТВУАК — Труды Вятской ученой архивной комиссии.

УГО ОКН СО — Управление государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области.

КОГАУ — Кировское областное государственное автономное учреждение.

ЦГАКО — Центральный государственный архив Кировской области.

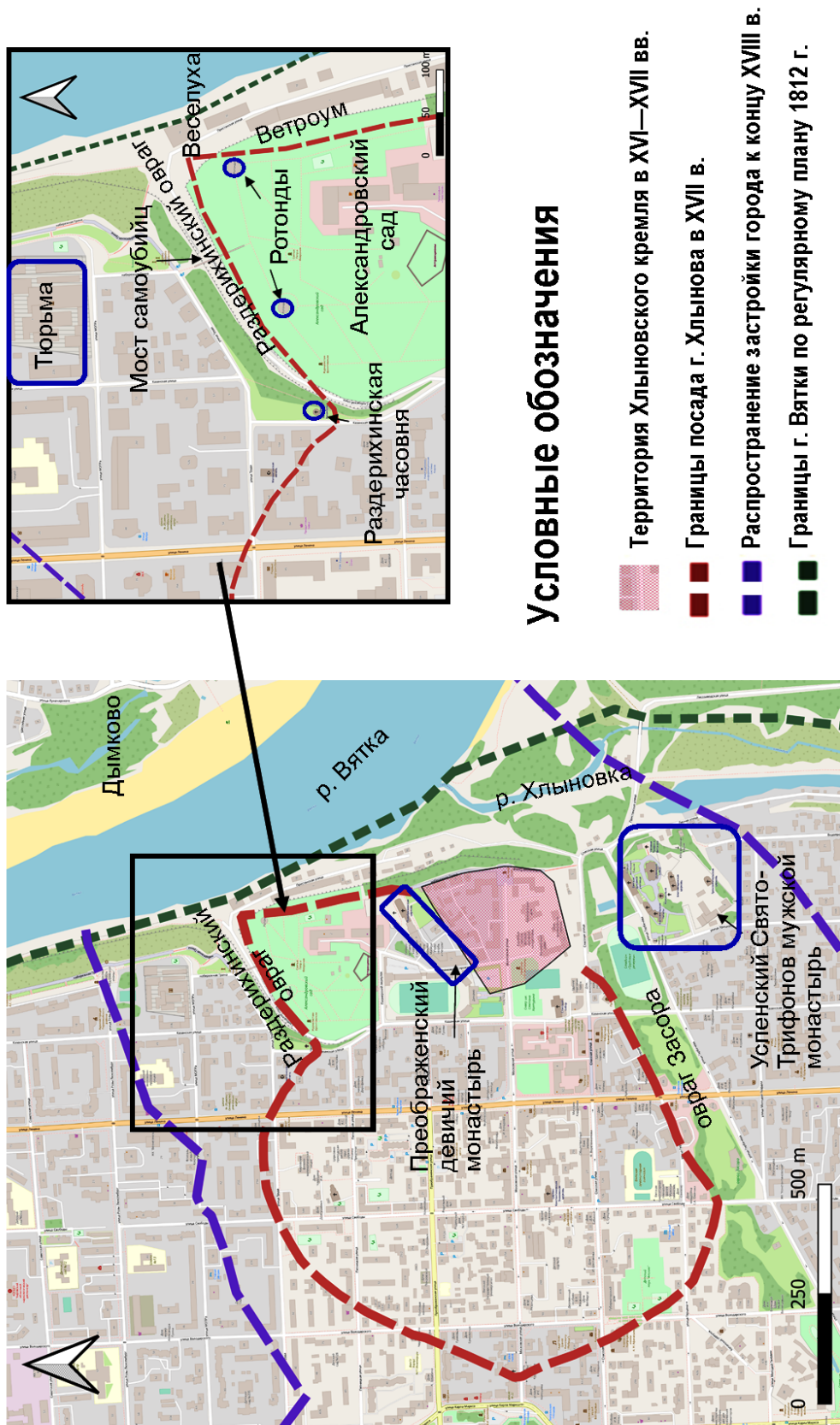

Рис. 1. Часть северной части посада г. Хлынова (составитель – А. О. Кайсин)

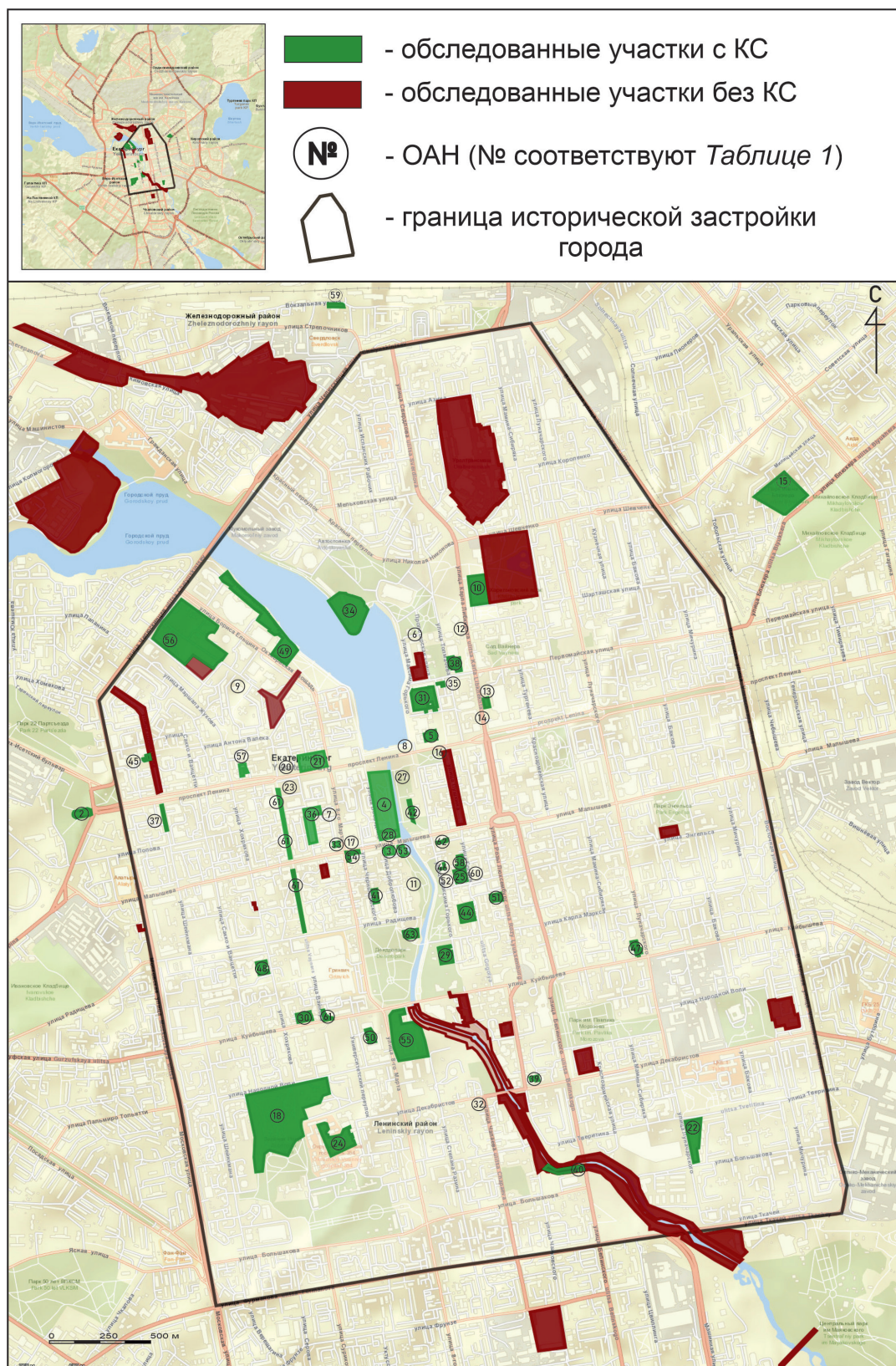

Рис. 2. Объекты культурного наследия Нового времени на карте-схеме города Екатеринбурга

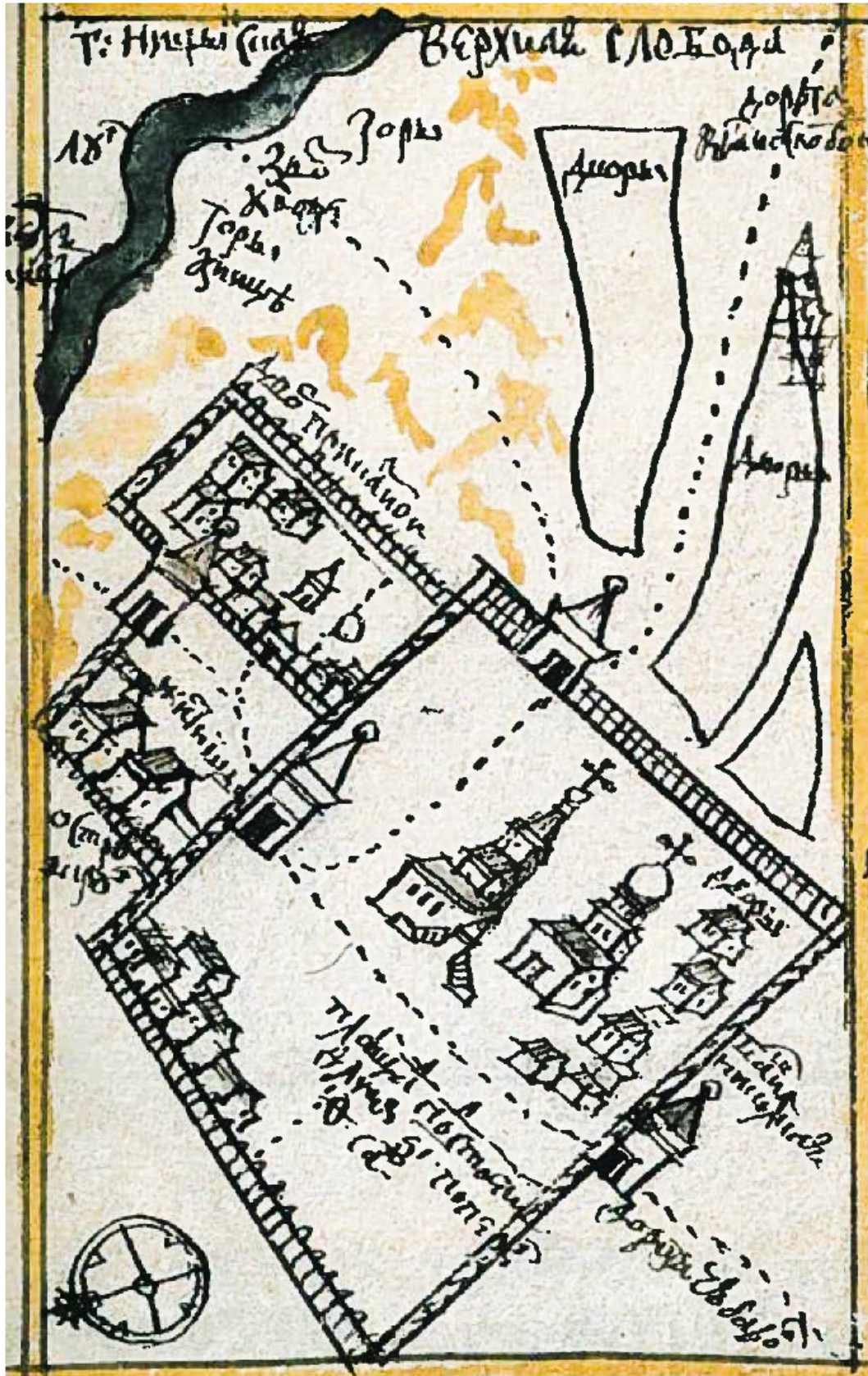

Рис. 3. План Верхней Ницынской слободы из «Служебной чертежной книги»

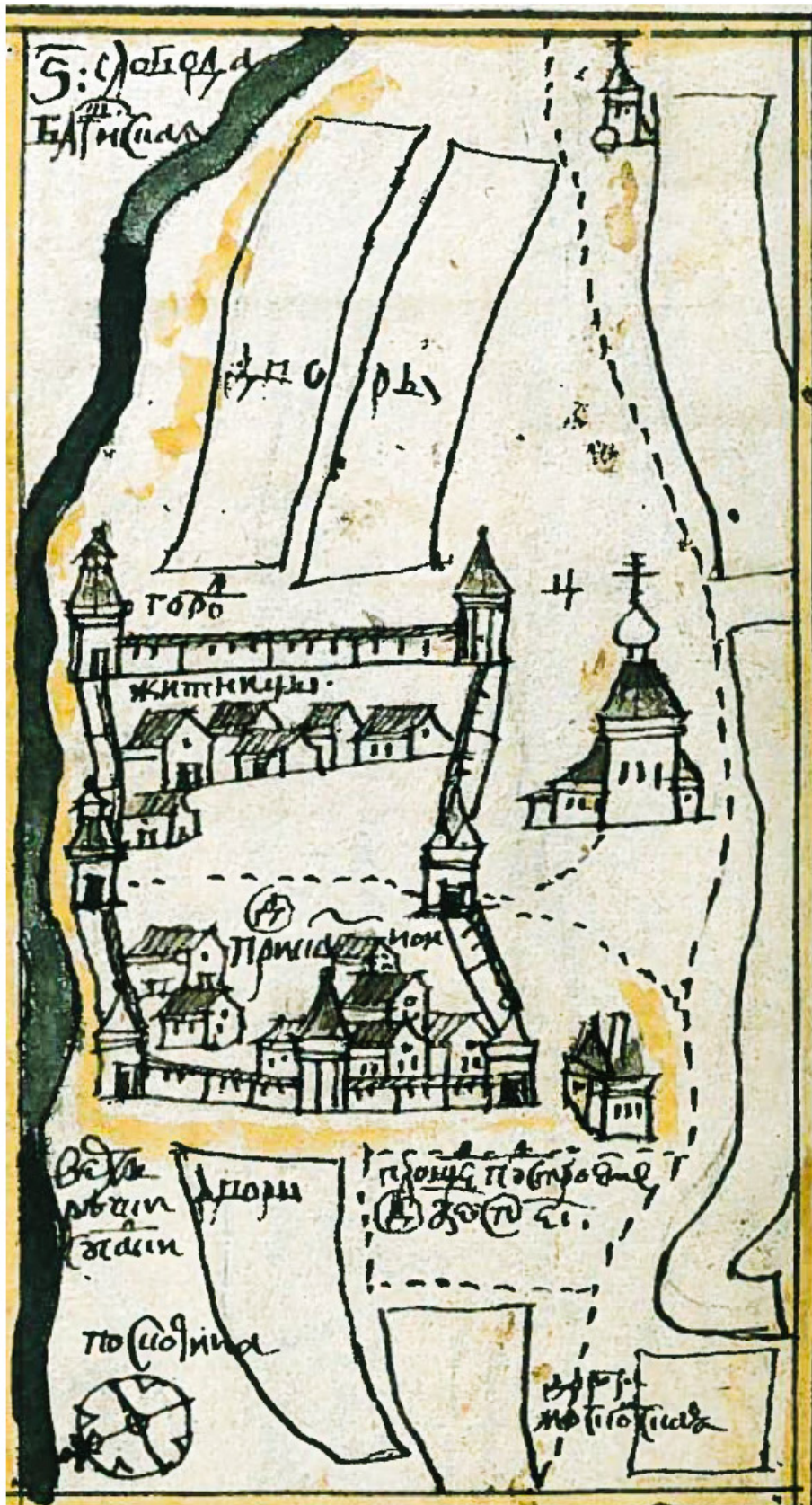

Рис. 4. План Благовещенской слободы из «Служебной чертежной книги»

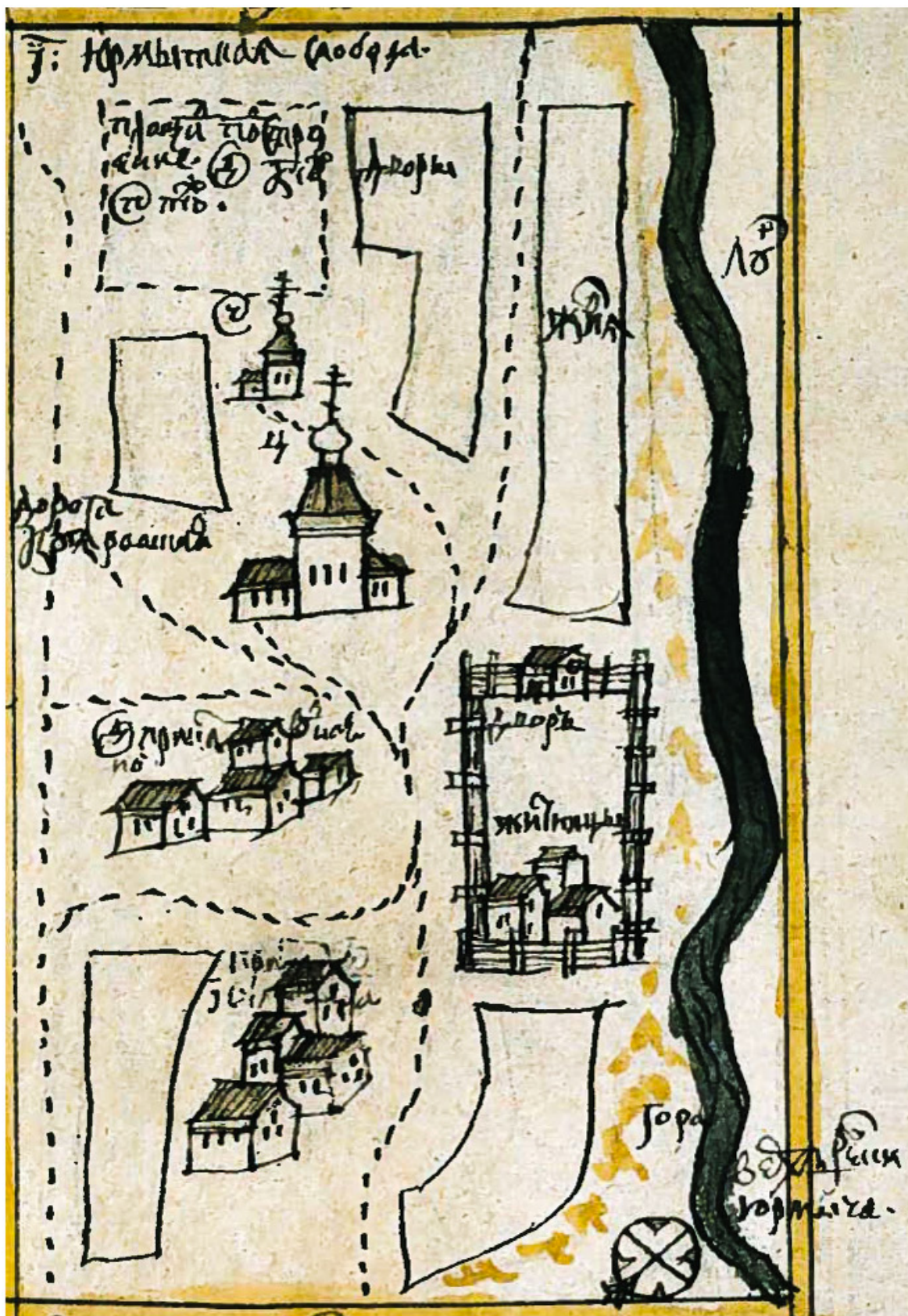

Рис. 5. План Юрмытской слободы из «Служебной чертежной книги»

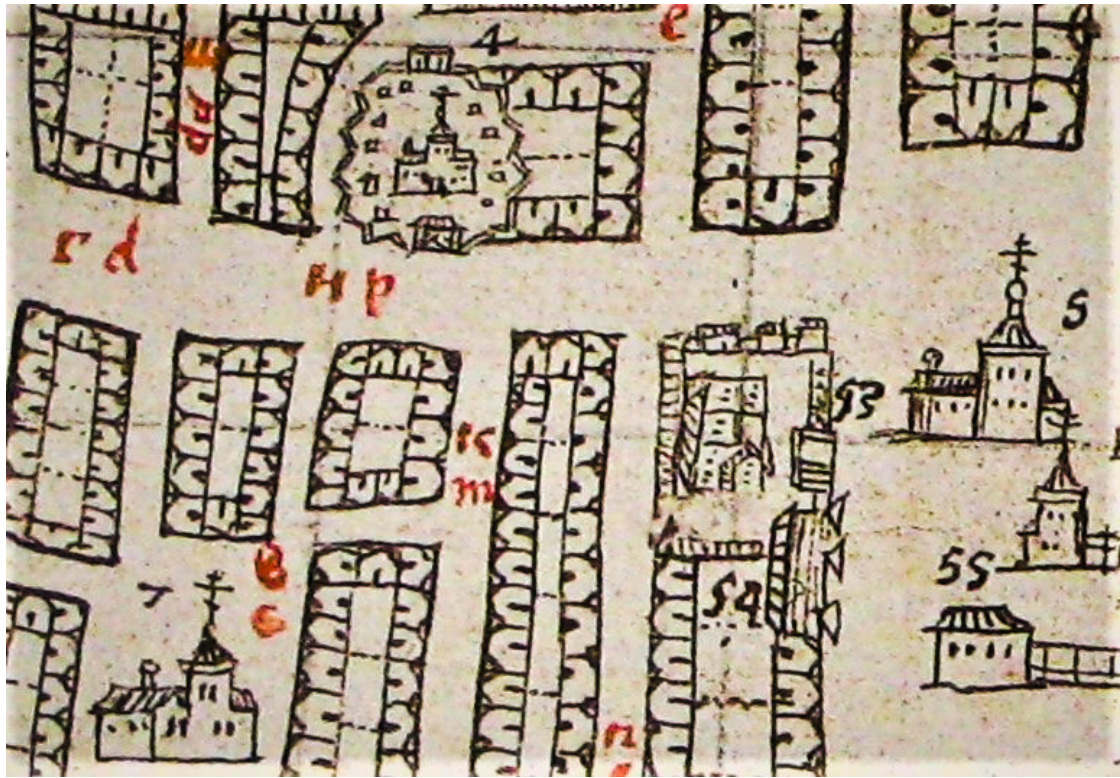

Рис. 6. Изображения церквей на чертежах С. У. Ремезова

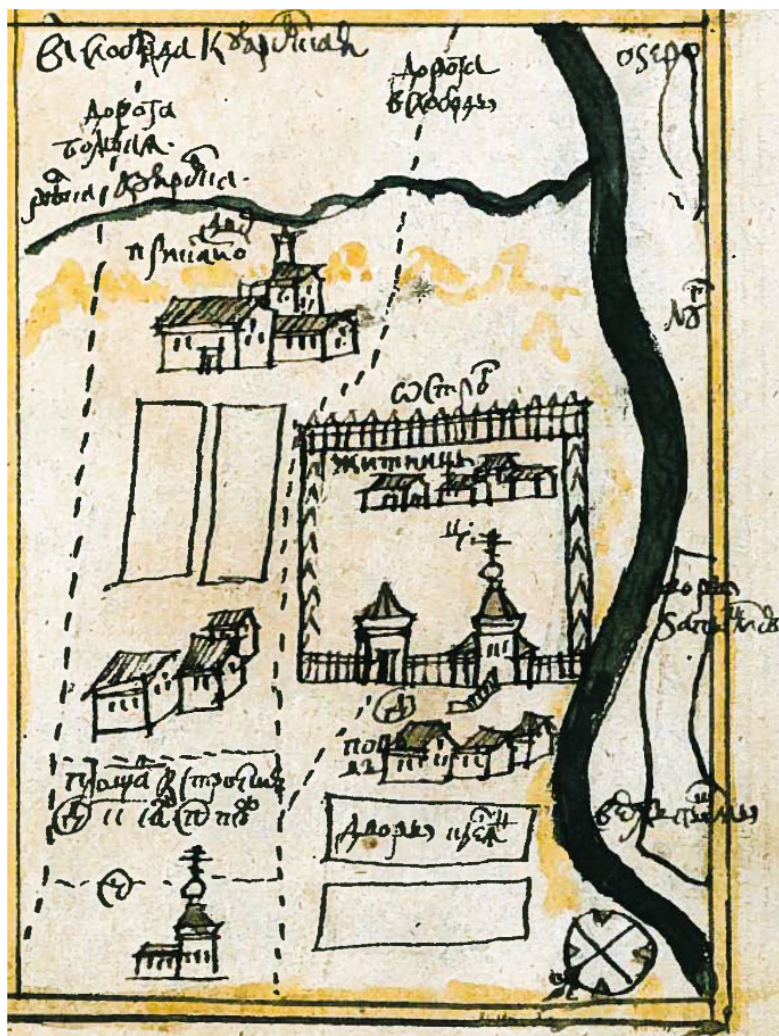

Рис. 7. План Куяровской слободы из «Служебной чертежной книги»

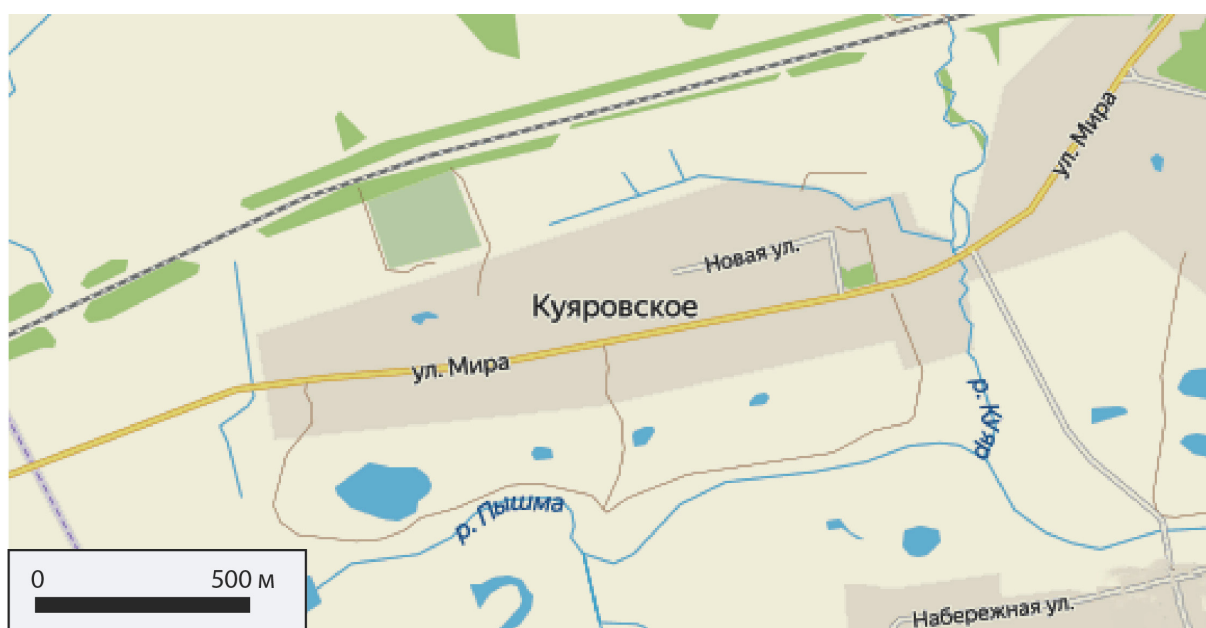

Рис. 8. Село Куяровское Свердловской обл.

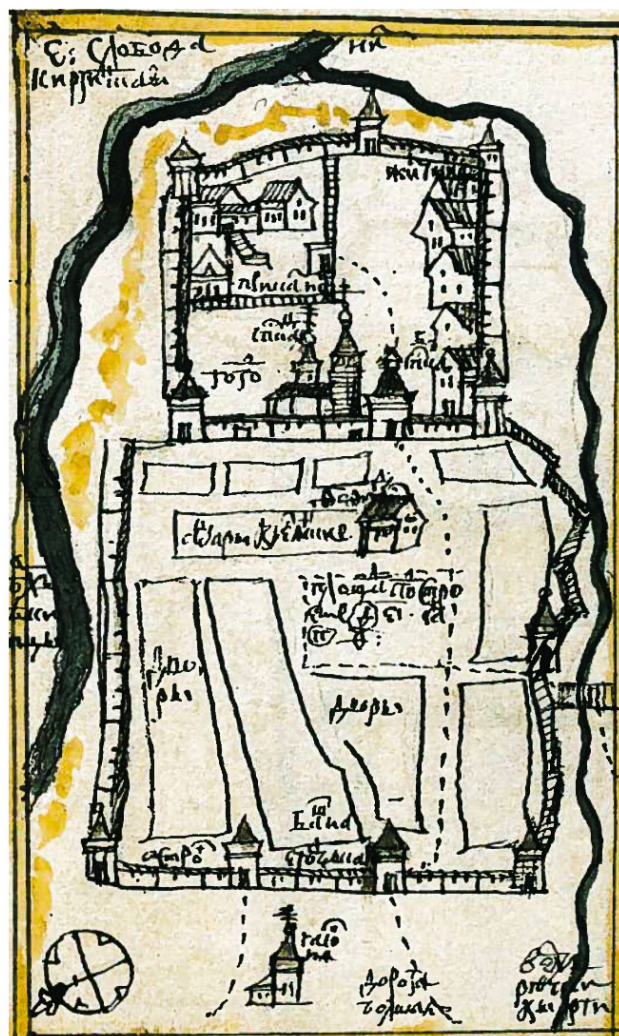

Рис. 9. План Киргинской слободы из «Служебной чертежной книги»

Рис. 10. Село Кирга Свердловской обл.

Научное издание
Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 3

Главный редактор

М. В. Михеев

Корректор

Т. А. Качалова

Верстка

Н. Р. Хамидулова

Ретушь иллюстраций

В. Р. Рудаков

Формат 60×84/8. Бумага ВХИ 80 гр./м². Гарнитура Calibri

Уч.-изд. л. 9,81. Усл. печ. л. 15,5.

Тираж 150 экз. Заказ № 16401

Дата выхода в свет 06.12.2022 г. Цена свободная

Макет подготовлен и отпечатан в ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
тел. 8 800 300-16-00